

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 16, № 1, 2025

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2025

TERRA LINGUISTICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;

Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, профессор, Ереванский Государственный Университет им. В.Я. Брюсова, Ереван, Республика Армения;

Головкин Е.В., чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор, Институт лингвистических исследований РАН, Россия;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;

Иванова С.В., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;

Клочкова Е.С., канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия;

Кронгауз М.А., д-р филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Маевродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;

Рацбургская Л.В., д-р филол. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;

Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.

С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich`s Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;

Г.А. Пышкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор; Ф.К.С. Бастиан – редактор;

А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; И.Е. Лебедева – перевод на английский язык.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail редакции: ntv-human@spbstu.ru

Дата выхода: 31.03.2025

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 16, No. 1, 2025

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2025

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;

Wang Jiaxing, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;

Gayane R. Gasparyan, Dr.Sc. (philol.), prof., Yerevan State University after V. Brusov, Yerevan, Republic of Armenia;

Evgeniy V. Golovko, corresponding member of RAS, Dr.Sc. (philol.), prof., Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Yelena S. Klochkova, Ph.D (philol.), St. Petersburg Electrotechnical University, Russian Federation;

Maxim A. Krongauz, Dr.Sc. (philol.), prof., HSE University, Moscow, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Ivanka T. Mavrodiieva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria;

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;

Aleksandra F. Yakovleva, (political), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФC77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager; Ph.Ch.S. Bastian – editor.

A.A. Kononova – computer layout; I.E. Lebedeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 31.03.2025

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2025

Содержание

Бадаева Н.В., Омельченко М.С. <i>Процесс морфологической ассимиляции англо-американизмов в современном немецком языке (на материале экономического дискурса в 2020–2023 гг.)</i>	7
Басалаева Е.Г. <i>Динамические процессы в содержании оценочной семантики (на материале лексики обонятельного восприятия)</i>	19
Кондратенко П.И. <i>Особенности представления лингвистического знания в немецкоязычных тиктоках: языковые средства и мультимодальные коммуникативные практики</i>	30
Николаев С.Г. <i>Поэтический дискурс как вневременной диалог творцов: «Равноденствие» Мандельштама и «Единственные дни» Пастернака</i>	47
Серова О.У. <i>Автоматизированное исследование индикаторов переводческого языка на материале переводов научных статей</i>	61
Чернявская В.Е. <i>Деонтическое значение ключевого слова в дискурсе: westliche Werte (западные ценности) в немецком общественном пространстве как предмет анализа, направляемого корпусом</i>	82
Pyshkin E.V., Blake J. <i>“Lost in Translation”? Challenges in conveying the original titles of Tchaikovsky’s Children’s Album</i>	99

Contents

Badaeva N.V., Omelchenko M.S. <i>Process of morphological assimilation of english borrowings in modern German (based on economic discourse in 2020–2023)</i>	7
Basalaeva E.G. <i>Dynamic processes in the content of evaluative semantics (based on the vocabulary of olfactory perception)</i>	19
Kondratenko P.I. <i>How German TikToks represent linguistic knowledge: linguistic resources and multimodal communicative practices</i>	30
Nikolaev S.G. <i>Poetic discourse as a authors' supertemporal dialogue: Equinox by Mandelstam and The Only Days by Pasternak</i>	47
Serova O.U. <i>An automated study of translationese indicators in scientific paper translations</i>	61
Chernyavskaya V.E. <i>Deontic meaning of a discursive key word: corpus-assisted analysis of westliche Werte (western values)</i>	82
Pyshkin E.V., Blake J. <i>“Lost in Translation”? Challenges in conveying the original titles of Tchaikovsky’s Children’s Album</i>	99

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16101>

EDN: <https://elibrary/HZYACA>

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АССИМИЛЯЦИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В 2020–2023 ГГ.)

Н.В. Бадаева¹ , М.С. Омельченко²

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация;

² Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

 n.badaeva@my.mgimo.ru, m.omelchenko@my.mgimo.ru

Аннотация. Статья посвящена морфологической адаптации англоязычных заимствований в немецком языке в первые десятилетия XXI века. Этот период характеризуется существенным сдвигом в развитии коммуникационных технологий, который привел к трансформации привычных форм общения. Одним из проявлений этого процесса становится появление новых слов. Английский язык, будучи основным и эффективным средством межкультурного общения, в настоящий момент является доминирующим источником заимствования лексических единиц в другие языки, в том числе – в немецкий. Потребность охарактеризовать такие лексические единицы определяет актуальность данной статьи. Целью статьи является выявление особенностей грамматического переоформления новейших англо-американизмов с точки зрения присвоения рода в немецком языке. Практический материал отобран из научно-публицистических статей экономического дискурса, поскольку экономическая сфера в большой степени подвержена различным новациям, стремительно отражающимся на вербальном уровне. Отмечено, что англоязычные заимствования служат для обогащения лексического состава, расширения номинативной базы языка такой специальной области знания, как экономика, а также могут выполнять некоторые дополнительные функции. Исследование проводилось методами морфологического компонентного и трансформационного анализа, контекстуального анализа, лексикологического сравнения и сопоставления, а также с привлечением элементов метода статистической обработки данных. Итоги частеречной оценки продемонстрировали, что наиболее частотными заимствованиями являются существительные. Результат систематизации по родовому признаку показал, что все существительные относительно равномерно распределились по родовым группам. При этом выявлены группы существительных с двойным родом, либо существительные без указанного рода в лексикографических источниках, который, однако, может быть определен либо контекстуально, либо по одному из указанных в статье принципов.

Ключевые слова: морфологическая ассимиляция, немецкий язык, экономический дискурс, англицизмы, англо-американизмы, словообразование, присвоение рода.

Для цитирования: Бадаева Н.В., Омельченко М.С. Морфологическая ассимиляция англо-американизмов в современном немецком языке (на материале экономического дискурса в 2020–2023 гг.) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 1. С. 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.16101

MORPHOLOGICAL ASSIMILATION OF ENGLISH BORROWINGS IN MODERN GERMAN (BASED ON ECONOMIC DISCOURSE IN 2020–2023)

N.V. Badaeva¹ , M.S. Omelchenko²

¹ MGIMO University, Moscow, Russian Federation;

² MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ n.badaeva@my.mgimo.ru, m.omelchenko@my.mgimo.ru

Abstract. The article discusses the morphological assimilation of English-language loanwords in German in the early 21st century. This period is characterized by a significant change in communication technology, which has led to the emergence of new forms of communication. One manifestation of this change is the introduction of new words into the language. English, as the primary and most effective means of international communication, has become the dominant source for borrowing lexical items into other languages, including German. Due to the need to understand and characterize these new words, this article is relevant. The goal of the article is to identify the features of grammatical transformation of the latest Anglo-American loanwords in terms of gender assignment in German. A review of relevant theoretical works on this topic is also presented. The practical material for this research was selected from scientific articles on economic discourse, as the economic sphere is highly sensitive to various innovations, which are quickly reflected in the verbal level. It was noted that English language borrowings serve to enrich the lexical composition and expand the nominative base of the language, particularly in the field of economics. They can also perform additional functions. The research was conducted using methods such as morphological component analysis, transformational analysis, contextual analysis, lexical comparison and juxtaposition, and elements of statistical data processing. The results of the analysis demonstrated that the most common borrowings were nouns. The systematic analysis by gender showed that nouns were relatively evenly distributed across different generic groups. At the same time, we have identified groups of nouns that have double gender, or no gender specified in lexicographic sources. These nouns can, however, be determined either by context or according to one of the principles outlined in this article.

Keywords: morphological assimilation, German, economic discourse, English borrowings, word formation, genus assignment.

Citation: Badaeva N.V., Omelchenko M.S., Morphological assimilation of english borrowings in modern German (based on economic discourse in 2020–2023), *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.16101

Введение

Интеграция культур в современном мире привлекает внимание лингвистов. Одной из главных форм этой интеграции является международная экономическая деятельность, ведь именно торговля с древнейших времен становилась удобным поводом установить контакты между представителями различных народов. Эволюция общества обуславливает потребность как в мерах по развитию национальной экономики и поддержания ее конкурентоспособности, так и в стимулировании интеграции в международные экономические процессы. В этом контексте цифровизация становится одной из основополагающих тенденций экономического развития, меняя его структуру и способствуя качественным изменениям, основывающимся на доминировании новых технологий [1].

Качественный скачок медийных технологий и сокращающееся цифровое неравенство в мировом масштабе оказывают влияние на темп взаимопроникновения культур, оставляя отпечаток в языке и речи. Быстрее всего реагирует на совершающиеся в обществе изменения лексическая система языка, будучи наиболее подвижной, а различные лексические единицы становятся вербальным отражением этих изменений. Ярким примером таковых являются заимствования

иноязычных слов и выражений, что неоднократно вызывало любопытство ученых как в прошлом, так и в настоящее время [2, с. 2].

Немецкий язык не является исключением. Вышеупомянутые процессы были всегда свойственны и ему, при этом следует заметить, что последние два десятилетия характеризуются новым всплеском интереса к проблеме заимствований, поскольку участвовавшие случаи употребления иноязычных слов, в основном англо-американизмов, привлекают внимание лингвистов и вызывают озабоченность общественности. Например, Н. С. Годжаева, описывая свои наблюдения за неологизмами в немецком языке, отмечает, что больше половины (40%) из них являются англо-американизмами. Ученый объясняет это как экстралингвистической обусловленностью (историческими, социально-экономическими, политическими факторами), так и внутрилингвистической (потребностью в номинации). При этом большая часть заимствованных англо-американизмов представляет собой сложные существительные, как, например, *Bildungsdesaster* (крах образования), *Chipversorgung* (обеспечение чипами) и др. Отмечается, что второй по значимости сферой деятельности, для которых характерен данный процесс, является экономика [3].

Вышесказанное определяет не только цель предлагаемой работы, которая состоит в анализе англо-американизмов с точки зрения их грамматического оформления в процессе морфологической ассимиляции, но и обращение к экономическому дискурсу.

Поскольку экономика относится к основным видам международного сотрудничества, насыщенность экономического дискурса новыми словами англо-американского происхождения, на наш взгляд, ожидаема. Вполне справедливо замечание М.А. Чигашевой относительно доминирующей роли языков с наиболее высоким коммуникативным рангом при международных контактах: на современном этапе именно английский язык и его американский вариант занимают здесь первое место. Важно отметить и значение цифрового пространства, в котором информация передается практически мгновенно и без ограничений, что способствует широкомасштабному (хотя, возможно, и сиюминутному (*прим. авторов*)) появлению англо-американских заимствований. Эти процессы свойственны и немецкому языку [4, с. 152–155]. В этой связи поставленная цель данной работы предполагает решение следующих задач: составить корпус исследования на материале текстов экономического дискурса; провести лексикографический и морфологический анализ обнаруженных англо-американизмов с помощью словарей немецкого языка Duden и DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) для формирования интегрированного значения; выявить закономерности присвоения грамматического рода и подтвердить (или опровергнуть) таковые, описанные в предыдущих исследованиях.

Обзор теоретической литературы

Некоторые лингвисты выходят на обобщения в процессах заимствования англоязычных слов в национальных языках, развивая идею о появлении так называемых глобализмов, т.е. лексических единиц, фонетика и семантика которых совпадает полностью или частично в глобально значимых языках. Например, немецкий язык, будучи родственным английскому, ассимилирует англо-американизмы быстрее, чему способствует сохраняющееся значительное сходство на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях [5].

Согласно данным МВФ¹, в 2020 г. Германия являлась третьей экономикой мира по уровню ВВП. Кроме того, страна обладает экспортоориентированной экономикой и в этом качестве представляет собой одного из ведущих игроков на международной арене, а США при этом являются ее крупнейшим торгово-экономическим партнером. На этом фоне немецкий язык, разумеется, остается в группе особо значимых языков международного экономического общения, особенно в Европе. Тем не менее некоторые исследователи предполагают, что в связи с растущей

¹ World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October> (дата обращения: 15.10.2024).

интернационализацией и глобализацией в будущем английский язык может обрести статус единственного языка коммуникации в сфере бизнеса и экономики [6]. Возможно именно поэтому экономическая терминосистема немецкого языка отличается особой динамичностью в контексте включения в нее англо-американских заимствований, что обуславливается необходимостью номинировать инновационные экономические процессы и явления [7, с. 89], хотя, как указывает И. Кратохвилова, англо-американизмы часто в дальнейшем заменяются немецкими эквивалентами. В основе появления англо-американизмов часто стоит так называемый эффект новизны, а также желание передать локальный или другой колорит, в том числе профессиональный, что с точки зрения стилистики придает тексту научность. Не следует упускать из виду и соображения языковой экономии, когда короткое заимствование может выступать как уточнение, а кроме того – осуществлять и синонимическую функцию. Заимствования эффективно выполняют и коммуникативно-прагматические задачи, ситуативно превращаясь в экспрессивы (например, в рекламном дискурсе) [8]. С приведенным мнением в рамках традиционного языкового пуризма полемирует Б. Зик², призывая отказаться от англо-американизмов в том случае, если в немецком языке имеются соответствующие лексические единицы.

Отвечая на вопрос, как проходит интеграция англо-американизмов в немецкий язык, можно выделить две тенденции: полную интеграцию, при которой заимствование не меняет своего значения, и интеграцию с расширением/сужением значения слова. В экономическом дискурсе превалирует первая, когда заимствования заполняют некоторые лакуны в словообразовательной и семантической системах языка [9, с. 487–488]. С точки зрения частеречной принадлежности нужно отметить высокую частотность заимствования существительных. Можно предположить, что это следствие того, что в английском языке в сфере номинации глагол уступает существительному, которое, располагая широким диапазоном номинативных функций, способно выступать практически в любой синтаксической функции в предложении и эквивалентно заменять длинные описательные обороты [10, с. 160].

Высокая частотность существительных англо-американского происхождения порождает любопытный нюанс в грамматике немецкого языка – а именно сложность определения рода этих существительных, поскольку в английском языке нет различия по родам. Д. Штеффенс, например, полагает это одной из основных проблем, связанных с заимствованными лексическими единицами [11, с. 54]. Таким образом, появляется проблема выбора рода. Для ее решения в германистике выделяются следующие принципы:

- принцип лексического сходства, когда род заимствованной единицы определяется по роду наиболее семантически близкого слова из немецкого языка. Однако существуют лексические единицы, в которых трудно объяснить принцип ближайшего лексического соответствия;
- принцип естественного рода;
- принцип количества слогов (большинство односложных англо-американизмов в немецком языке получают мужской род);
- морфологический принцип, согласно которому определенные суффиксы являются типичными для конкретного рода имени существительного.

Системным обзором впервые занялся немецкий лингвист Б. Карстенсен, сформулировав следующее общее положение: заимствованные англо-американизмы чаще всего получают мужской и/или средний род, а женский/средний и мужской/женский встречаются реже. По мысли ученого, в основе определения родовой категории можно выделить четыре принципа: 1) принцип ближайшего лексического соответствия; 2) морфологический принцип; 3) принцип естественного рода; 4) принцип односложности или многосложности англо-американизма. Тем не менее

² Sick B. Neue Wörter braucht das Land! // Spiegel Kultur. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/zwiebelfisch-neue-woerter-braucht-das-land-a-742873.html> (дата обращения: 30.11.2024.)

Карстенсен оговаривает, что принцип определения рода заимствованного англо-американизма часто трудно понять и объяснить [12, с. 38]. Забегая вперед, заметим, что результаты нашего исследования подтверждают предположения Б. Карстенсена.

Однако проблема определения рода у англицизмов в немецком языке пока не имеет конкретного решения. Нельзя не упомянуть, что вышеперечисленные принципы не всегда соблюдаются, а немецкие словари в настоящий момент могут иметь различные мнения по поводу родов некоторых слов, что будет показано ниже. Это обуславливает потребность в дальнейших исследованиях в этом направлении, и, соответственно, новизну данной работы, а также обосновывает ее актуальность.

Методика и материал исследования

Выполнение поставленных в предлагаемой работе задач потребовало комплексного методологического подхода, основанного на сочетании дополняющих друг друга методов: 1) теоретических – обзора новейших научных трудов по теме исследования, их обобщения и анализа, ревизии накопленных метаданных; 2) эмпирических – описательного, контекстуального и компонентного морфологического и трансформационного анализа, лексикологического сравнения и сопоставления, метода словарных дефиниций, равно как и некоторых приемов из арсенала статистических методов обработки накопленного практического материала. В соответствии с целью работы, заключающейся в анализе новейших англо-американских заимствований в аспекте их морфологической ассимиляции, т.е. изменения грамматических характеристик перенимаемого заимствованного материала под влиянием норм и правил системы немецкого языка³, потребовалось выполнение следующих практических этапов: выявления как уже вошедших в узус немецкого языка, так и новейших заимствований, их частеречной классификации, гендерной систематизации, последующего компонентного анализа.

Материалом исследования послужили англоязычные заимствования, отобранные методом сплошной выборки из текстов немецких научных и научно-популярных статей за 2020–2023 гг., посвященных актуальным макроэкономическим проблемам. Статьи были опубликованы на официальных порталах таких ведущих экономических НИИ Германии, как IfW Kiel (Institut für Weltwirtschaft Kiel), IW Köln (Institut der deutschen Wirtschaft Köln), ifo-Institut (Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung an der Universität München). Общий объем текстов составляет 190 280 слов, или 37,1 авторских листа. В рамках количественного анализа по частеречному признаку были выявлены 188 лексических единиц, из которых наиболее частотную группу составляют существительные (94%), а прилагательных и наречий совокупно с причастиями существенно меньше (4,7% и 1% соответственно), при этом глаголов выявлено не было. В подсчет входили повторяющиеся англицизмы и их инварианты. Следует отметить, что некоторые англоязычные единицы состоят из двух и более слов, называющих одно явление. В таких случаях они рассматривались нами как единая языковая единица (абсолютные значения выявленных языковых единиц приведены в табл. 1). Таким образом, на 1160 немецких слов приходится в среднем один англицизм. Поскольку в настоящее время, несмотря на усилия лингвистов и социологов, нет полных или же хотя бы в достаточной степени разработанных качественно-количественных критериев определения избыточности иностранных заимствований в национальном языке, делать выводы о том, много это или мало, мы полагаем неправомерным. Однако мы разделяем суждение других германистов о том, что англицизмы вряд ли угрожают немецкому языку [13, с. 157] или же он «подвергается эрозии под воздействием английского языка»⁴, однако успешно

³ Кулешова Н.А. Морфологическая и словообразовательная ассимиляция англоязычных заимствованных единиц в национальных вариантах немецкого языка (на материале прессы Германии, Австрии, Швейцарии): специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

⁴ Патрикеева А.А. Англицизмы в немецком языке (на материале языка рекламы): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 22 с.

адаптирует англоязычные заимствования, воздействуя на них с помощью формальных и функциональных средств, сохраняя их этимологические особенности⁵.

Результаты исследования

Обратимся к наиболее значительной группе заимствований – существительным. Общее количество употреблений составило 174 единицы. Для грамматического анализа существительные были распределены по родам и суммарным показателям. В табл. 2 приведены данные о распределении по родам и квантитативные данные употреблений. В ходе анализа было обнаружено, что существительные делятся следующим образом: три традиционные группы мужского, среднего и женского родов, группа мужского/среднего рода (т.е. словари DWDS и Duden полагают в данном случае для слова возможным оба рода), группа существительных, род которых не определен, поскольку эти слова либо не содержатся в базе данных словарей DWDS и Duden, либо же данные не совпадают в указанных базах. При этом в традиционных группах количество существительных одинаковое, в группе мужского/среднего рода их незначительно меньше, а в группе без определенного рода – незначительно больше. В порядке убывания показателей употреблений группы располагаются так: 1) мужской род; 2) неопределенный род; 3) средний род; 4) женский род; 5) мужской/средний род (табл. 2).

Как уже было отмечено выше, значительную долю заимствованных лексических единиц составляют существительные. В немецком языке они обычно принимают тот или иной артикль, т.е. обретают родовой признак, не различаясь при этом по родам в английском языке. Эта интересная проблема всегда привлекала внимание лингвистов⁶ [14, 15].

Как было упомянуто, нами были выделены 174 существительных. В случае составных слов из лексической единицы вычленилась англоязычная составляющая для определения (по возможности) конкретного рода заимствования. При одинаковом корне или его части слова не дублировались, например, *Chips* (чипсы), *Chipversorgung* (снабжение чипами), *Chipfabrik* (фабрика по производству чипов) и т.д. В таких случаях анализировалось только слово *Chip*. Таким образом, из примеров были выделены 95 неповторяющихся лексических единиц. Словосочетания типа *road connectivity* (транспортное сообщение), *liner shipping connectivity index* (индекс связанности линейных перевозок), *industry matters!* (промышленность имеет значение!), *place-based policy* (политика обеспечения поставки в нужное место) не были включены в анализ морфологического освоения в немецком языке, поскольку они являлись дополнением и/или объяснением основного слова и указывались в кавычках либо выносились в скобки, например: *Deutlich aussagekräftiger erscheint hier der vom WEF erstmals für 2017 veröffentlichte objektive Indikator „Qualität der Straßenverbindungen“ („road connectivity index“)* (Значительно более информативным тут представляется индикатор «качество дорожного сообщения» («road connectivity index»))⁷.

Заметим попутно, что приведенный пример также иллюстрирует небезынтесный факт – автор текста использует англоязычное заимствование в качестве пояснения для немецкого словосочетания. Всего было обнаружено 22 таких примера. Возможно, наличие таких англоязычных разъяснений обуславливается тем, что в подавляющем большинстве случаев целевая аудитория обладает специальной профессиональной подготовкой, включающей знание английского языка и его современной квазитерминологии.

Рассмотрим примеры из группы существительных, которые имеют один род: женский (*die/eine*), мужской (*der/ein*) или средний (*das/ein*). Здесь особый интерес представляют существительные

⁵ Васильева Л.В. Обогащение современного немецкого языка иноязычными заимствованиями (Экспериментально-типологическое исследование на материале англицизмов): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 220 с.

⁶ Zindler H. Anglizismen in der deutschen Presse nach 1945: Doktorarbeit: Promotionsfach: Germanistik. Kiel, 1959. S. 35.

⁷ Dohse D. Bickenbach F. Bode E. Gold R., et al. Analyse der industrierelevanten wirtschaftlichen Rahmenbedingungen in Deutschland im internationalen Vergleich. IfW Kiel, 2020. 450 S. URL: <https://www.ifw-kiel.de/de/publikationen/analyse-der-industrierelevanten-wirtschaftlichen-rahmenbedingungen-in-deutschland-im-internationalen-vergleich-27166/> (дата обращения: 29.11.2024).

женского рода: *Blockchain* (блокчейн), *E-Privacy* (цифровая конфиденциальность), *Fitness* (фитнес), *Cash Cow* (дойная корова), *Carbon-Leakage* (делокализация энергоемких производств), *Software* (программное обеспечение), *Robotic Process Automation* (роботизированная автоматизация процессов), *Lobby* (лобби), *Just-in-Time Production* (производство точно в срок), *Flat tax* (фиксированный налог), *Labor tax rate* (ставка налога на рабочую силу), *Performance* (степень эффективности функционирования), *Pipeline* (нефтепровод/канал продаж), *Policy* (политика), *Cloud* (облако), *Commodity* (товар) и др., поскольку данный вид присвоения рода иностранному заимствованию в немецком языке наименее регулярен, что подтверждается нашими статистическими данными.

Принцип ближайшего лексического соответствия при определении рода заимствованного англо-американизма представляют следующие существительные:

Blockchain соответствует немецкому *Block-Kette*. Словарь DWDS предлагает следующее значение: *über ein Netzwerk verteilte, mehrfach identisch gespeicherte Datenbank, die dazu dient, geschäftliche o. ä. Transaktionen fälschungssicher zu erfassen, indem die Datensätze (Blöcke) der einzelnen Transaktionen mittels kryptografischer Prüfsummen verkettet sind* (Распределенная по сети и отдельно хранящаяся база данных, использующаяся для деловых и/или подобных транзакций в защищенном виде путем связанных данных блоков отдельных транзакций с помощью криптографических контрольных сумм⁸). Оба существительных (*Block-Kette* и *Datenbank*) в немецком языке принадлежат женскому роду.

E-Privacy соответствует слову *Richtlinie* (женский род). Следует заметить, что данная лексическая единица ранее часто встречалась в сочетании и являлась первой частью составного слова *ePrivacy-Richtlinie*, что обозначало *приватность в цифровой среде*.

Существительное *Cash Cow* обозначает продукты, услуги или целые направления в бизнесе, которые приносят большую часть прибыли компании. В данном случае появление артикля женского рода с нашей точки зрения также ориентируется на принцип ближайшего лексического соответствия: лексическую единицу *Kuh* (корова) (женский род).

Carbon-Leakage соответствует в немецком языке слову *Verlagerung* (перенос производства). Слово с двумя значениями *Lobby* в прямом значении вестибюль имеет синоним *Empfangshalle* (женский род), в переносном *группа интересантов* – *Interessengruppe* (женский род). Как видно, ближайшие лексические соответствия в обоих значениях получают в немецком языке женский род.

Pipeline (1) *нефтепровод, магистраль*; 2) *канал*; 3) *цепочка процессов*; и пр.) является составным заимствованным англо-американизмом *pipe+line*, что соответствует немецкому двусоставному слову *Rohr+Leitung* (женский род). Заметим, что в экономическом дискурсе чаще речь идет именно о нефтяном трубопроводе, а в специальном подвиде экономического дискурса – корпоративном – о *воронке/прогнозе продаж*. Слову *Cloud* (облако) соответствует немецкое слово *Wolke* (женский род).

Рассмотрим некоторые случаи присвоения рода заимствованиям по морфологическому фактору, а именно – по суффиксальному. Например, существительные с суффиксом *-ness* в немецком языке женского рода. Иллюстрацией может служить слово *Fitness* (*физическая культура, физическая форма*), употребление которого в женском роде в собранном эмпирическом материале соответствует данным лексикографических источников DWDS и Duden. Схожим образом получают женский род и лексические единицы *Robotic Process Automation* и *Just-in-Time Production*, поскольку суффикс *-tion* является типичным суффиксом женского рода.

С позиции морфологического принципа можно также рассматривать и существительные *Lobby*, *Policy* и *Commodity*, так как эти англо-американизмы с суффиксом *-y* женского рода, однако в данном случае следует избегать однозначных утверждений, учитывая, что данный суффикс является типичным также и для заимствований среднего рода.

В группе слов женского рода представлены также многосложные лексические единицы: *Flat tax* (фиксированный налог) и *Labor tax rate* (ставка налога на рабочую силу). В словарях DWDS и

⁸ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Blockchain> (дата обращения: 26.01.2025).

Duden они фигурируют с артиклем женского рода, преимущественно в разделе иллюстративного материала карточки слова, однако сами словари не дают значения данных лексических единиц. Можно предположить, что *tax* имеет ближайшее лексическое соответствие *die Taxe* (пошлина, ставка), а *rate* – *die Rate* (доля, процент).

Как уже упоминалось выше, существительные мужского рода представляют собой один из самых частотных случаев заимствования. В корпусе исследования они представлены лексическими единицами *Chip* (чип), *Race-to-the-Top* (гонка за первенство), *Standard* (стандарт, норма), *Trend* (тренд), *After-Sale* (послепродажный), *Stakeholder* (заинтересованное лицо), *Exportboom* (экспортный бум), *Hidden Champions* (скрытые чемпионы), *Feedstock* (исходное сырье), *Connected Cars* (автомобили с сетевыми возможностями), *Gesamt-Score* (счет (общий)), *Proxy* (прокси (силы)), *Manager* (менеджер), *Spillover-(Effekt)* (побочный эффект), *Computer* (компьютер), *Klimaclub* (клуб стран с лидирующей климатической повесткой), *Green Deal* (Зеленая сделка, Зеленый пакт), *Materials Act* (Закон ЕС о критически важном сырье), *First-Mover-Advantage* (преимущество первого хода), *Survey* (опрос общественного мнения) и др.

Принципу лексического соответствия при определении рода заимствованного англо-американизма отвечают следующие выявленные существительные мужского рода: *After-Sale* (*der Ausverkauf* / распродажа, послепродажный), *Champion* (*erfolgreichster Sportler in einer Sportart, Spitzensportler* / лучший спортсмен в каком-либо виде спорта), *Connected Car(s)* (*der Wagen im Netz* / автомобиль, подключенный к сети), *Gesamt-Score* (*der Spielstand* / (общий) счет игры), *Proxy* (*der Vermittler* / посредник), *Advantage* (*der Vorteil* / преимущество).

Морфологический фактор является определяющим для следующих лексических единиц: *Stakeholder*, *Manager*. В немецком языке слова на *-er*, обозначающие профессии и/или род деятельности, преимущественно являются существительными мужского рода. Однако англицизмы с тем же суффиксом, обозначающие неодушевленные предметы, употребляются также с артиклем мужского рода, как, например, *Spillover* и *Computer*.

С точки зрения соотношения присвоения мужского рода и односложности/многосложности полученные нами эмпирические данные подкрепляют сделанные ранее другими лингвистами наблюдения: большинство односложных англо-американизмов в немецком языке – мужского рода: *Chip*, *Race-to-the-Top*, *Trend*, *Boom/Exportboom*, *Stock/Feedstock/Kapitalstock*, *Club*, *Deal*, *Act* / *Materials Act* и др. [12, 16].

Нами были также обнаружены относящиеся к мужскому роду лексические единицы *Standard*, *Survey*, которые не отвечают ни одному из принципов определения рода заимствованного англо-американизма.

Анализ существительных среднего рода, проведенный в рамках тех же параметров, дал следующие результаты: отобранные по принципу ближайшего лексического соответствия при определении рода заимствованного англо-американизма лексические единицы – *Know-how* (*das Wissen* / умение, знание, навыки, опыт), *Scoreboard* (вторая часть слова *-board* соответствует немецкому варианту *das Brett* / табло).

Существительные, соответствующие морфологическому фактору:

- с суффиксом *-ing*, которые обозначают действие и образованы от глагола: *Dauerdoping* (длительная добавка чего-либо, допинг на постоянной основе), *Greening* (учет экологических факторов, склонность к «зеленой повестке»), *Crowding* (концентрация, уплотнение, скученность), *Quantencomputing* (квантовые компьютерные вычисления), *Fracking* (метод гидравлического разрыва пласта), *Offshoring* (размещение производства за рубежом), *Monitoring* (мониторинг), *Streaming* (потокосная передача данных, стриминг), *Sharing* (разделение), *Reshoring* (возвращение ранее выведенного за рубеж производства), *Recycling* (рециклирование), *Ranking* (иерархия, ранжир), *Outsourcing* (привлечение сторонних ресурсов), *Screening* (проверка, скрининг), *Friendshoring* (размещение производства в дружественных странах), *Nearshoring* (размещение производства в соседних странах), *Insourcing*

(передача на исполнение внутреннему подрядчику), *De-Risking* (снижение рисков) и др. С нашей точки зрения, эти слова, обозначающие действие, получили артикль среднего рода по аналогии с субстантивированными инфинитивами *das Lesen* (чтение), *das Arbeiten* (работа) и т.д.;

- англицизмы, имеющие аналогичный немецкому суффикс среднего рода *-ment*: *E-Government* (цифровое государство), *Investment* (инвестирование) и др.

Заимствованные лексические единицы, образованные по схеме «глагол+частица», также имеют преимущественно средний род: *das Bailout* (накет финансовой помощи), *das Crowding-out* (вытеснение частных инвестиций государственными расходами). Словари Duden и DWDS не дают описания данных слов, но указывают род частицы *out* – *das Out*.

Слов, отвечающих принципам естественного рода и односложности/многосложности в корпусе собранного практического материала не обнаружено.

Как уже упоминалось выше, во многих случаях трудно, а порой и невозможно идентифицировать критерий, согласно которому словари определяют род заимствованного англо-американизма. Кроме того, в некоторых случаях в лексикографическом источнике слово может иметь маркировку нескольких родов, т.е. отсутствует один, строго фиксированный род для данной лексической единицы. Чаще всего речь идет о двух родах, мужском и/или среднем, реже женском/среднем, например, *die/das Hightech* (передовая наукоемкая технология), или мужском/женском.

В собранном эмпирическом материале были выделены существительные без фиксированного рода (женский/средний род): *Intel-Poker* (ИИ для игры в покер), *Cluster* (скопление, совокупность, кластер), *Showcase* (выставочный образец), *Service* (сервис), *Skill* (умение), *Pool* (пул, совместно используемый динамический ресурс), *Output/Input* (выход/ввод, исходник), *Download* (скачивание), *Event* (явление, акция, событие) и др.

Кроме того, обнаружена лексическая единица *After-Market sale* (продажа на вторичном рынке), которая не указана в словаре, а в электронной базе данных примеров словаря DWDS существуют лишь содержащие ее фрагменты текстов⁹. Ориентируясь на грамматическое оформление этих примеров, можно предположить, что это слово маркируется мужским либо средним родом.

Нужно заметить, что в различных немецкоязычных странах присвоение рода отличается. Так, артикль мужского или среднего рода у слова *Service* варьируется в зависимости от территориального употребления: *das/der Service* в Германии, в Австрии же только *das Service*. Употребление артикля мужского/среднего рода со словом *Pool* зависит от значения самой лексической единицы, притом существует несколько значений как для мужского, так и для среднего рода. Упомянутое выше слово *High-tech*, употребляемое со средним/женским родом, в узком конкретном значении *интерьерный стиль «хай-тек»* используется с артиклем мужского рода.

В отдельную группу нами были вынесены существительные *Friendshoring*, *De-Risking*, *Reshoring*, *Bailout*, *Degrowth*, *Straightness*. Эти англо-американизмы не занесены в словарь Duden, поэтому на данный момент невозможно сделать точное заключение о роде. Мы полагаем, что эти слова, во-первых, и в английском языке являются относительно новыми, а во-вторых, чаще используются в таких специальных видах институционального дискурса, как дискурс бизнеса, политической экономии, геополитики и пр. В качестве примера рассмотрим неологизм *Friendshoring*, который является сочетанием двух слов: *Friendship* и *Offshoring*, и получил распространение после того, как появился в выступлениях министра финансов США Джанет Йеллен¹⁰.

С нашей точки зрения, *Friendshoring* может быть отнесен к группе существительных среднего рода по морфологическому принципу и на основании того, что другие подобные заимствования с суффиксом *-ing* по данным словарей имеют артикль *das* (определенный артикль среднего рода). Анализ обсуждаемого корпуса медиатекстов выявил два таких примера:

⁹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/r/?corpus=webmonitor&q=After-Market> (дата обращения: 26.01.2025).

¹⁰ Trend: vom Nearshoring zum Friendshoring // Zukunftsinstitut. URL: <https://www.zukunftsinstitut.de/zukunftsthemen/friendshoring> (дата обращения: 14.09.2024).

(1) *Nur noch Handel mit Freunden – Warum das „Friendshoring“ eine gefährliche Idee ist (Торговля только лишь с друзьями – почему Friendshoring опасная идея)*¹¹.

(2) *Wie wirkt sich das „Friend-Shoring“ auf chinesische Hersteller aus? (Как скажется Friendshoring на производителях Китая?)*¹²

Особый интерес представляет также новая лексическая единица *E-Health*: в словаре *Duden* уже имеется карточка этого слова, где указывается его происхождение и значение, воспроизводится произношение, однако в грамматическом разделе отмечается отсутствие артикля.

Некоторые заключения относительно рода заимствованных англо-американизмов допустимо делать на основании грамматической формы лексического окружения и синтаксического контекста. Все немецкие существительные, в том числе и заимствованные англо-американизмы, изменяются по падежам, которые передаются формой артикля. Таким образом, например, по падежному суффиксу *-s*, характерному для родительного падежа мужского и среднего рода, можно с достаточной долей определенности отнести некоторые заимствования к группе мужского либо среднего рода: *der Anteil ihres Outputs* (доля произведенного Вами продукта), *im Rahmen des Chips* (в рамках чипа) и т.д.

Заключение

Подводя итоги данной работы представляется возможным сделать следующие выводы:

- англоязычные заимствования являются продуктивным способом номинации новых явлений и процессов, чему способствует распространение современных цифровых технологий;
- выявленные заимствования представляют собой в подавляющем большинстве существительные;
- на морфологическом уровне их ассимиляция осуществляется с помощью присвоения грамматического рода, что выражается в лексикографических источниках указанием определенного артикля того или иного рода, при этом наиболее частотны заимствования с присвоением мужского рода.

Следует также отметить, что выработанные на настоящий момент способы классификации и систематизации англо-американизмов в немецком языке далеко не исчерпаны, а развитие общества в последние годы продолжает обеспечивать непрерывное появление новых слов как в языке-доноре, так и в языке-реципиенте, что обуславливает необходимость продолжать работу по сбору, систематизации и анализу новых данных. При этом экономический дискурс, отличающийся высокой степенью лексической вариативности и весьма чувствительный к появлению новых заимствований, предоставляет богатый эмпирический материал для выявления актуальных языковых трендов и их динамики. Тем не менее исследований, посвященных разработке темы морфологической ассимиляции заимствований в экономическом дискурсе, крайне мало, поэтому данная статья является попыткой внести скромный вклад в развитие этой области лингвистических исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Смирнов Е.Н.** Цифровая трансформация мировой экономики: торговля, производство, рынки. М.: Мир науки, 2019. 95 с.
2. **Баклашкина О.Н., Юринова В.О., Щеглова А.А.** Иноязычные заимствования как неотъемлемая составляющая эволюции языка (на примере заимствований из французского языка) // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 7 (43). С. 1–6. DOI: 10.18454/RULB.2023.43.9

¹¹ Nur noch Handel mit Freunden – Warum das „Friendshoring“ eine gefährliche Idee ist // Handelsblatt. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/serie-die-neue-weltwirtschaftsunordnung-nur-noch-handel-mit-freunden-warum-das-friendshoring-eine-gefaehrliche-idee-ist/28568464.html> (дата обращения: 14.09.2024).

¹² Wie wirkt sich das „Friend-Shoring“ auf chinesische Hersteller aus? // e-fundresearch.com. URL: <https://e-fundresearch.com/newscenter/180-alliancebernstein/artikel/50888-wie-wirkt-sich-das-friend-shoring-auf-chinesische-hersteller-aus> (дата обращения: 14.09.2024).

3. **Годжаева Н.С.** Неологизмы современного немецкого языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2, № 3 (59). С. 279–281.
4. **Чигашева М.А.** Семантический аспект англоязычных заимствований в немецком политическом медиадискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (819). С. 151–159.
5. **Матасова О.В., Шаповалова О.Н., Уфимцева О.А., Шаповалов Ю.А.** Англо-американизмы в немецком языке как проявление фактора глобализации на лексическом уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2–2 (80). С. 337–340. DOI: 10.30853/filnauki.2018-2-2.31
6. **Šichová K.** Zur Stellung der deutschen Sprache in der tschechischen Wirtschaft. Überlegungen zum Thema Anhand der Situation in einer bestimmten Gruppe von Unternehmen in Tschechien // Acta Universitatis Carolinae – Studia Territoralia. 2008. No. 8 (14). Pp. 219–238.
7. **Копица В.Н., Мордовченков Н.В.** Эволюция английской лексики в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–2 (49). С. 87–92.
8. **Kratochvílová I.** Zu stilistischen Funktionen der englischen Entlehnungen im Deutschen // Brüner Beiträge zur Germanistik und Nordistik. 2002. No. 16 (1). Pp. 95–104. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/105832/1_BrunnerBeitragGermanistikNordistik_16-2002-1_6.pdf?sequence=1 (дата обращения: 12.12.2024).
9. **Омельченко М.С., Хосаинова О.С.** Роль англо-американизмов в немецкоязычных экономических медиатекстах // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 487–489. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00378
10. **Уфимцева О.А.** Проблемы номинации и предикации, номинативности и предикативности // Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма / под общ. ред. А.А. Зарайского. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. С. 154–164.
11. **Steffens D.** Neologismen im Deutschen = Angloamerikanismen? // Getting into German. Multidisciplinary Linguistic Approaches (German Linguistic and Cultural Studies 17) / hrsg. von J. Partridge. Oxford; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Wien: Lang. 2005. Pp. 43–60.
12. **Carstensen B.** Das Genus englischer Fremd- und Lehnwörter im Deutschen // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche / hrsg. von W. Viereck. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1980. Pp. 37–77.
13. **Нефедова Л.А.** Активные процессы в лексике немецкого языка 2020–2021 гг. // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 3. С. 151–166. DOI: 10.51955/2312-1327_2021_3_151
14. **Arndt W.W.** Nonrandom Assignment of Loanwords: German Noun Gender // Word. 1970. Vol. 26, Iss. 2. Pp. 244–253. DOI: 10.1080/00437956.1970.11435595
15. **Aron A.W.** Language Monographs // Language Society of America. 1930. Vol. 7. Pp. 11–28.
16. **Fisiak J.** English dialects in the fifteenth century: some observations concerning the shift of isoglosses // Folia Linguistica Historica. 1983. Vol. 17, No. Historica-vol-4-2. Pp. 195–218. DOI: 10.1515/flih.1983.4.2.195

REFERENCES

- [1] **Smirnov Ye.N.**, Tsifrovaya transformatsiya mirovoy ekonomiki: trgovlya, proizvodstvo, rynki [Digital Transformation of the Global Economy: Trade, Manufacturing, Markets], World of Science, Moscow, 2019.
- [2] **Baklashkina O.N., Iurina V.O., Shcheglova A.A.**, Foreign Borrowing as an Integral Part of Linguistic Evolution (on the Example of Borrowings from French), Russian Linguistic Bulletin, 7 (43) (2023) 1–6. DOI: 10.18454/RULB.2023.43.9
- [3] **Godzhayeva N.S.**, Neologisms in Modern German Language, Bulletin of Kemerovo State University, 2 (3 (59)) (2014) 279–281.
- [4] **Chigasheva M.A.**, Semantic Aspect of English Borrowings in German Political Media Discourse, Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences, 3 (819) (2019) 151–159.

[5] **Matasova O.V., Shapovalova O.N., Ufimtseva O.A., Shapovalov Yu.A.**, Anglo-Americanisms in the German Language as Globalization Factor Manifestation at the Lexical Level, *Philology. Theory & Practice*, 2–2 (80) (2018) 337–340. DOI: 10.30853/filnauki.2018-2-2.31

[6] **Šichová K.**, Zur Stellung der deutschen Sprache in der tschechischen Wirtschaft. Überlegungen zum Thema Anhand der Situation in einer bestimmten Gruppe von Unternehmen in Tschechien, *Acta Universitatis Carolinae – Studia Territoralia*, 8 (14) (2008) 219–238.

[7] **Kopitsa V.N., Mordovchenkov N.V.**, Evolution of the English Vocabulary in the German Language, *Philology. Theory & Practice*, 7–2(49) (2015) 87–92.

[8] **Kratochvillová I.**, Zu stilistischen Funktionen der englischen Entlehnungen im Deutschen, *Brünner Beiträge zur Germanistik und Nordistik*, 16 (1) (2002) 95–104. Available at: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/105832/1_BrunnerBeitratgeGermanistikNordistik_16-2002-1_6.pdf?sequence=1 (accessed 12.12.2024).

[9] **Omelchenko M.S., Khosainova O.S.**, The Role of Anglo-Americanism Borrowings in German Economic Media Texts, *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 2 (81) (2020) 487–489. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00378

[10] **Ufimtseva O.A.**, Problemy nominatsii i predikatsii, nominativnosti i predikativnosti [Problems of nomination and predication, nominativity and predicativity], *Problemy sovremennoy lingvistiki v kontekste antropotsentrizma* [Problems of modern linguistics in the context of anthropocentrism], ed. by A.A. Zarayskiy, Saratov Socio-Economic Institute, Saratov, 2016, pp. 154–164.

[11] **Steffens D.**, Neologismen im Deutschen = Angloamerikanismen?, *Getting into German. Multidisciplinary Linguistic Approaches (German Linguistic and Cultural Studies 17)*, hrsg. von J. Partridge, Lang, Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien, 2005, S. 43–60.

[12] **Carstensen B.**, Das Genus englischer Fremd- und Lehnwörter im Deutschen, *Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche*, hrsg. von W. Viereck, Gunter Narr Verlag, Tübingen, 1980, S. 37–77.

[13] **Nefedova L.A.**, Active Processes in the Vocabulary of the German Language in 2020–2021, *Crede Experto: transport, society, education, language*, 3 (2021) 151–166. DOI: 10.51955/2312-1327_2021_3_151

[14] **Arndt W.W.**, Nonrandom Assignment of Loanwords: German Noun Gender, *Word*, 26 (2) (1970) 244–253. DOI: 10.1080/00437956.1970.11435595

[15] **Aron A.W.**, *Language Monographs*. Language Society of America, 7 (1930) 11–28.

[16] **Fisiak J.**, English dialects in the fifteenth century: some observations concerning the shift of isoglosses, *Folia Linguistica Historica* 17 (Historica-vol-4-2) (1983) 195–218. DOI: 10.1515/flih.1983.4.2.195

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Бадаева Наталья Валерьевна

Natalia V. Badaeva

E-mail: n.badaeva@my.mgimo.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4137-8918>

Омельченко Марина Сергеевна

Marina S. Omelchenko

E-mail: m.omelchenko@my.mgimo.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2184-8775>

Поступила: 30.01.2025; Одобрена: 24.03.2025; Принята: 28.03.2025.

Submitted: 30.01.2025; Approved: 24.03.2025; Accepted: 28.03.2025.

Научная статья

УДК 81'371

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16102>EDN: <https://elibrary/JDBZNH>

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОДЕРЖАНИИ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ОБОНЯТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ)

Е.Г. Басалаева

Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация lena.bas@mail.ru

Аннотация. Обонятельное восприятие является одним из важнейших этапов деятельности человеческого сознания по освоению предметного мира. В настоящее время интерес к изучению ольфакторного номинативного пространства возрастает. При этом остаются открытыми вопросы, связанные с динамическими процессами в одорической подсистеме. В статье на примере деривата «запаховой» сферы с корнем *-вон'* - *вонючка* рассматриваются результаты семно-семантического варьирования, отражающие тенденции развития языка. Материалом исследования послужили современные контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка и интернет-дискурса, а именно тематических форумов, посвященных обсуждению различных аспектов жизни человека и представляющих различные типы текстов и функциональные стили речевого поведения (в том числе воплотившие в себе специфику устного повседневного общения). Ведущими методами исследования являются описательный, контекстуальный, корпусный, анализ лексикографических источников, метод компонентного анализа. В статье отмечается, что зафиксированное в лексикографических источниках отрицательное значение практически всех лексем деривационной группы с корнем *-вон'* (*вонять*, *провонять*, *вонючий*, *вонючка* и пр.) определяет направление их семантического развития: актуализируются переносные оценочные значения, в которых перцептивная сема может становиться основанием для формирования эмотивной оценки, гаситься, трансформироваться или же утрачиваться совсем. На примере слова *вонючка* продемонстрирована зависимость характера лексико-семантического варьирования от того, с чем соотносится данная лексема, — с условно предметным миром, окружающей средой или человеком. Так, если *вонючка* сохраняет номинативную привязку к природной области, предметной сфере, то наблюдаются разные семантические процессы: 1) сохранение перцептивной и негативно-оценочной семы ('о плохо пахнущем объекте'), 2) нейтрализация отрицательной оценки запаха ('об издающем любой запах объекте'), 3) формирование позитивно-оценочной семы ('о приятно пахнущем объекте'). В случаях же номинирования человека лексема *вонючка* может терять перцептивные признаки и становиться эмотивно-оценочной единицей (например, 'о том, кто транслирует вонне негативные чувства'), при этом спектр оценки может меняться от неодобрительного до пренебрежительного, бранного. Таким образом, слова с семой 'запах' не только участвуют в процессе языкового кодирования ситуации ольфакторного восприятия, но и выступают в качестве оценочной единицы ментальных, эмоциональных, поведенческих характеристик личности.

Ключевые слова: лексика обонятельного восприятия, активные процессы в языке, эмоциональная оценка, семантическое варьирование, прагматический компонент значения, контекстуальный анализ, лексикографический анализ.

Для цитирования: Басалаева Е.Г. Динамические процессы в содержании оценочной семантики (на материале лексики обонятельного восприятия) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 1. С. 19–29. DOI: 10.18721/JHSS.16102

DYNAMIC PROCESSES IN THE CONTENT OF EVALUATIVE SEMANTICS (BASED ON THE VOCABULARY OF OLFATORY PERCEPTION)

E.G. Basalaeva

Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russian Federation

✉ lena.bas@mail.ru

Abstract. Olfactory perception is one of the most important stages of human consciousness in the development of the objective world. Currently, interest in the study of olfactory nominative space is increasing. At the same time, questions related to dynamic processes in the odoric subsystem remain open. Using the example of a derivative of the “smell” sphere word ‘vonyuchka’ (stench), the article examines the results of semantic variation reflecting trends in language development. The research material is based on modern contexts extracted from the National Corpus of the Russian language and Internet discourse, namely thematic forums devoted to discussing various aspects of human life and representing various types of texts and functional styles of speech behavior (including embodying the specifics of oral everyday communication). The leading research methods are descriptive, contextual, corpus analysis, lexicographic sources, and the method of component analysis. The article notes that the negative meaning of lexemes of the derivation group (stink, stench, smelly etc.) recorded in lexicographic sources determines the direction of their semantic development: figurative evaluative values are being updated, in which the perceptual seme can become the basis for the formation of an emotive assessment, be extinguished, transformed, or completely lost. Using the example of the word ‘vonyuchka’ (stench), the dependence of the nature of lexical and semantic variation on what this lexeme correlates with is with a conventionally objective world, the environment or a person. If a stench retains a nominative reference to a natural area, a subject area, then different semantic processes are observed: 1) preservation of the perceptual and negative-evaluative seme (‘about a bad-smelling object’), 2) neutralization of the negative evaluation of the smell (‘about an object emitting any smell’), 3) formation of a positive-evaluative seme (‘about a pleasantly smelling object’). In cases of nominating a person, the stench may lose perceptual signs and become an emotive-evaluative unit (for example, ‘about someone who transmits negative feelings to the outside’), while the range of evaluation may vary from disapproving to disparaging. Thus, words with the ‘smell’ meaning participate not only in the process of linguistic encoding of the situation of olfactory perception, but also act as an evaluative unit of mental, emotional, and behavioral characteristics of a person.

Keywords: vocabulary of olfactory perception, active processes in language, emotional assessment, semantic variation, pragmatic component of meaning, contextual analysis, lexicographic analysis.

Citation: Basalaeva E.G., Dynamic processes in the content of evaluative semantics (based on the vocabulary of olfactory perception), *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 19–29. DOI: 10.18721/JHSS.16102

Введение. Постановка проблемы

Восприятие как онтология психофизиологии и когнитивной деятельности людей у всех говорящих является общим механизмом, поэтому лингвистов всегда интересовал вопрос о том, каким образом сами языки (вслед за мышлением и культурой и совместно с ними) означивают, интерпретируют знания о процессах перцептивной деятельности, а также и то, что именно в языках кодируется как воспринимаемое с помощью различных каналов перцепции. Способы языковой репрезентации особенностей и результатов восприятия в различных языках, по мнению И.Ю. Колесова, вскрывают значимость определенного ракурса воспринимаемого, указания на точки отсчета, ориентиры, обозначение границ, типов формы воспринимаемых объектов и других параметров, существенных для говорящего человека [1]. Соответственно объем языковой репрезентации той или иной перцептивной системы человека прямо пропорционален ее значимости в жизнедеятельности человека [2, с. 448].

Как пишет О.Ю. Авдеевна, «самыми генерализованными и категоризованными в языке оказываются, конечно, зрительные и слуховые впечатления, в силу целостности их образов и более тесной, по сравнению с другими формами чувствительности, связи с мышлением» [3, с. 22].

В свою очередь, из всех модусов перцепции одним из самых сложных в плане языкового воплощения является обонятельный. Обоняние имеет свою специфику в ряду систем восприятия, так как теснейшим образом связано с подсознанием, ассоциативной памятью и воображением [4, с. 63]. Как отмечают многие исследователи, несмотря на большую значимость одорического канала общения с миром, соответствующая терминология в русском языке, как, впрочем, и в других, достаточно бедна [5, с. 36]. Тем не менее в любом языке отражены релевантные с точки зрения носителя языка типовые характеристики запаха, особенности его продуцирования и восприятия (ср. рус. *пахнуть* / *нюхать*; укр. *пахнути* / *нюхати*; белорус. *пахнуць* / *нюхаць*; пол. *pachnąć* / *wąchać*; болг. *мирише* / *помириша* и др.).

Подробный анализ обонятельных значений слов и выражений, предпринятый лингвистами (см., например, в [6–11]), выявил, что они не только передают значение запаха, но за счет высокой степени оценочности их удобно использовать в «необонятельных ситуациях» для более точной оценки происходящего. Так, А.А. Колупаева пишет, что «выделяются определенные типы оценочной концептуализации посредством запаха. <...> Например, глаголы *разнюхать*, *пронюхать*, *нюхать*, *нюхтить* или выражение *держат нос по ветру* очень точно передают смысл 'разузнуть что-либо, выведать, порой незаметно для остальных, соваться из любопытства не в свое дело', при этом одновременно выражается и оценка самого действия, которая, как правило, носит отрицательный характер»¹. Иными словами, обонятельная лексика может активно использоваться для описания человека, его характера, поведения или образа жизни, выражения субъективной оценки какого-либо события, произошедшего или только планируемого и др., то есть она активно включается в процессы метафорического переосмысления и отражает культурно релевантные признаки концепта «Запах», становится прагматически нагруженной.

Важно подчеркнуть, что лексика с запаховой семантикой нередко отражает аксиологические ориентиры индивида, поэтому выходит за пределы перцептивной сферы и становится исключительно оценочной: номинирует явления, процессы, непосредственно не связанные с ситуацией восприятия.

По наблюдениям исследователей, например, Н.Л. Зыховской и Л.В. Балашовой, область обонятельных представлений прежде всего связана с оценкой ощущений: приятные запахи (*аромат*, *благовоние*) и неприятные (*вонь*, *смрад*) [12, 13]. Объективно обонятельное восприятие, по замечанию И.В. Чекулая и О.Н. Прохоровой, не может быть «нейтральным», оторванным от осознания носителя или источника запаха как благотворно или неблаготворно действующего на субъекта восприятия в целом. Исследователи пишут, что «речевое употребление глаголов типа *пахнуть*, *вонять* и их эквивалентов всегда является интенциональным, всегда направлено на подчеркивание оценочных свойств запаха» [14, с. 34]. Кроме того, как отмечают Л.Б. Здановская и Т.С. Непшекуева, в силу семантической амбивалентности ряд лексем обонятельной группы проявляет свой конкретный потенциал лишь в определенных условиях, в определенных контекстах, то есть слова могут носить как нейтральный характер, так и синтонный, передавая одобрение, высокую оценку, комплимент и т.п. [15, с. 104].

В связи с этим сложившаяся аксиологическая антиномия в одоративной микросистеме, на наш взгляд, постепенно стала «мерой» оценивания разных видов деятельности человека.

Цель настоящей статьи – рассмотрение основных направлений семно-семантического варьирования лексем «запаховой» сферы на примере ключевой единицы группы дериватов с корнем *-вон'* – *вонючка*.

¹ Колупаева А.А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. С. 18.

Методология (материалы и методы)

Материалом исследования послужили контексты, извлеченные путем сплошной выборки из Национального корпуса русского языка и интернет-дискурса (сайты <https://forum.ngs.ru>, <https://www.b17.ru>, <https://forum.sibmama.ru> и др.) конца XX – начала XXI века общим объемом 450 текстовых фрагментов. В качестве интернет-источников выступили ресурсы, дающие коммуникантам возможность быстрого обмена информацией. Преимущественно это тематические форумы, посвященные обсуждению различных аспектов жизни человека (дом, семья, быт, психическое и физиологическое состояние, политические взгляды и пр.). В обсуждении участвуют разные типы коммуникантов (с точки зрения гендерной, возрастной, социальной и пр. характеристик), поэтому представлены различные типы текстов и функциональные стили речевого поведения (в том числе воплотившие в себе специфику устного повседневного общения). Тем самым можно выявить явления, отражающие тенденции развития языка. Ведущими методами исследования являются описательный, контекстуальный, корпусный, анализ лексикографических источников, метод компонентного анализа, приемы сравнения, обобщения, классификации, систематизации материала.

В древнерусском языке семантическое поле «Запах», по наблюдениям В.П. Сидельникова, возглавлялось архисемой *воня*, носительницей общеродового понятия «запах вообще». В сочетании с прилагательным со значением оценки эта лексема передавала и видовые понятия «приятный – неприятный запах» (ср.: *воня пречудная, добрыя воня, благыя воня / зьло воня*)². Анализ приводимых в словарях раннего периода контекстов показывает, что гораздо чаще было представление о воне именно как о приятном запахе, при этом нередко связанном с божественным началом (*воня Святого Духа*). Сразу выстраиваются антонимические отношения *воня – смрадъ* и синонимические связи *воня – аромат – благоухание*, что также фиксируется в словаре и демонстрирует начинающуюся спецификацию значения *воня* в сторону положительной оценки запаха (ср.: *осквернивсяи смрадомъ воня – воня подобна араматъ многоцѣнных*). Хотя глагольные дериваты свидетельствуют об обратном процессе, например, *воняти* 1) пахнуть, 2) дурно пахнуть (см. подробнее в [16]).

Таким образом, оценочная амбивалентность дает возможность двоякого лексико-семантического развития, которое окончательно оформится в начале XVIII века (ср. *воня / вонь*), и слово перейдет в отрицательное поле.

В настоящее время группа дериватов с указанным корнем достаточно разнообразна: а) существительные, называющие дурной, отвратительный запах (*вонь, зловоние, вонизм, вонючка* и под.); свойство чего-либо (*вонючестъ*), а также животное, растение или человек, издающие такой запах (*вонючка*). Причем последнее значение фиксируется только в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова³; б) прилагательные с семантикой ‘дурно, неприятно пахнущий’ (*вонючий* (разг.), *зловонный*); в) глаголы со значением ‘издавать неприятный запах’ (*вонять, провонять, завонять, развоняться, навонять* и др.).

Закрепленное в словарях отрицательное значение практически всех названных лексем определяет вектор их семантического развития: лексемы развивают переносные оценочные значения, в которых перцептивная сема может становиться основанием для формирования эмотивной оценки, гаситься, трансформироваться или же утрачиваться совсем.

Рассмотрим подробнее эти процессы на примере слова *вонючка*.

Результаты исследования

Слово *вонючка* интересно тем, что оно, имея «запаховый» корень, номинирует носителя плохого запаха, что является довольно-таки редким в группе одорической лексики. Субстантивы

² Сидельников В.П. Лексика со значением «запах» в русском языке (к проблеме языковых сущностей лексических микросистем): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1983.

³ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

этой группы, как правило, либо называют сам запах (*аромат, запах*), либо запаховое свойство объекта (*пахучесть*). Параллель можно провести лишь со словом *пахучка* (ср.: ж. растн. *душистый, ягодный-вереск, восковой-вереск*⁴), имеющим предметную соотнесенность.

Но в отличие от *пахучки*, которая просто называет пахнувший объект, *вонючка* демонстрирует более широкий спектр путей семантического развития, когда слово выходит из перцептивной области и начинает распространяться на иные объекты номинации, о чем свидетельствуют многочисленные употребления лексемы в различных типах дискурса. Основанием для расширения объема значения становятся сдвиги в ассоциативно-оценочной семантической зоне, тем самым можно говорить о том, что слово *вонючка* является изначально прагматически нагруженным.

Обратимся к словарным дефинициям в различных лексикографических источниках.

Вонючка, -и, род. мн. -чек, дат. -чкам, ж. Небольшое хищное животное сем. куньих, с ценным мехом, издающее резкий зловонный запах; скунс⁵.

Вонючка, -и, ж. 1. То же, что скунс. 2. Название различных растений с неприятным запахом (разг.)⁶.

Вонючка, вонючки. 1. ж. Животное из породы барсуков, издающее нестерпимо зловонный запах (зоол.). 2. ж. Род растений (бот.). 3. м. и ж. О человеке — тот, кто воняет, портит воздух (*простореч. фам.*)⁷.

Толкование слова *вонючка* в словарях представлено по-разному. Так называют животное или растение с неприятным запахом. Кроме того, в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова мы видим просторечный вариант использования лексемы относительно человека, продуцирующего неприятный запах (в отличие от слова *пахучка*, не встречающегося в контекстах о человеке).

Представляется, что на основе ядерной семы 'издавать неприятный запах' формируются самые разнообразные производные значения, о чем свидетельствуют многочисленные контексты (450 фрагментов), извлеченные из Национального корпуса русского языка и современных интернет-источников. Использование корпусных методов в изучении дает возможность рассматривать динамические процессы в семантике лексики обонятельного восприятия, а учет разных параметров коммуникативной ситуации способствует выявлению (уточнению) детализации русской эмоционально-оценочной картины мира [17, с. 33].

Нужно отметить, что носителям языка слово *вонючка*, как и слово *вонять*, представляется довольно грубым, не всегда уместным (ср.: *За 9 месяцев ребёнок, конечно изменился. Но из условно отрицательного могу сказать только про словечки типа «вонючка», «попа». Ну этого она могла и во дворе набраться*⁸; *Они подороже конечно чем в карри, но и качество лучше намного. И не вонючки. Не знаю как сейчас в карри, а раньше там была обувь жутко пахнувшая. А когда в ней походишь то потом и от ног, пардон, воняло; Муррайя цветет, та ещё вонючка, простите; надо бы ему уже понимать, что например взрослого дядю нельзя называть вонючкой и кастрюлей, даже если ты просто шутишь и хочешь поиграть. Мне стыдно уже людям в глаза смотреть, все в шоке от него* (интернет-источники)).

Поэтому в зависимости от того, с чем соотносится данная лексема — с условно **предметным миром, окружающей средой** или **человеком**, — ее прагматический потенциал может варьироваться, проявляться по-разному. Рассмотрим эти случаи более подробно.

1. Лексема *вонючка* сохраняет номинативную привязку **к природной области, предметной сфере**.

На основе семы 'издающий неприятный запах' происходит расширение значения, таким образом, *вонючкой* называют не только животное или растение, как это указано в словаре, но и природные объекты (реку, пространство, птиц, бактерии и под.).

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1865. Ч. 3: П.

⁵ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.

⁷ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

⁸ Здесь и далее графическое исполнение примеров из интернет-источников (без учета кегля, гарнитуры шрифтов, расположения на строке, переносов и цветового выделения) дается в авторском варианте без изменений.

Слово из разряда видовых (см. дефиницию в словарях) переходит в родовое, начинает номинировать любые объекты, продуцирующие запах, выполняет функцию прозвища. Иными словами, запах становится ведущим средством характеристики объекта, выделяется одорический признак объекта как один из важнейших с точки зрения говорящего. Причем такая запаховая характеристика может быть как постоянной, так и ситуативной, а также осмысляться как важнейший квалификационный признак. Приведем примеры. *В сущности, парк отделяют от леса только некая условная невысокая – перепрыгнуть можно – дощатая ограда и речка-вонючка без названия, покрытая ряской* (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом»); *На заднем дворе – на так называемой вонючке, – когда Горик и Леня уже собрались расходиться, к ним пристали ребята из дома четыре* (Ю.В. Трифонов. Исчезновение); *Кр-ск ещё та вонючка... я там не живу* (интернет-источники); *Эти птицы живут в горах Антарктиды. За неприятный запах моряки прозвали их «вонючками»* (В. Постников. Приключения Карандаша и Самоделкина на «Дрындолете»); *Старенького профессора привезли, и он без всякого итальянского сразу поставил диагноз – при этой температуре в воде размножаются бактерии – вонючки (так пахнут плохо просушенные тряпки или коврики в машине)* (Е. Кудрявцева. Городу нужны инженеры).

Такое семное варьирование может приводить к формированию новых предметных значений, когда *вонючками* в современных высказываниях называются конкретные объекты действительности, обладающие сильным запахом. В таком случае объект квалификации может не называться отдельной лексемой, как в примерах выше (река, бактерии и под.). Оценочная сема при этом может гаситься; сохраняться, но в качестве неосновной, поддерживаемой контекстом; трансформироваться.

Так, *вонючкой* называют:

– специальный ароматизатор для автомобиля (*Регистратор или «вонючка»: топ-6 аксессуаров в авто; В этой статье я не рассматривал такие продукты как озонаторы и ионизаторы, так как их не корректно считать «вонючками»* (интернет-источники));

– удобрения для сада и огорода (*я вот не помню, закидывала вонючку под кусты или нет, я даже ту не смогла укрыть, погорели наверно все; Надия посоветовала – дихлофосом. Травить вонючками (лить в землю) я боюсь* (интернет-источники));

– мази с сильным запахом (*грудь на ночь мажу вонючкой из Таиланда; Еле ходит, мажу его вонючками, носит пояс; Не могу уже сидеть, как «столбик»: сейчас вонючкой намажет муж...* (интернет-источники)).

– парфюмерные продукты, косметические, продукты питания, химические вещества и пр. (*Отель у нас – с вниманием к экологии: мыло в ванной – хозяйственное, маленькая коричневая вонючка, этот запах я помню и ненавижу с детства* (Т. Толстая. Ураган над Нью-Йорком)).

Запаховые признаки у подобного рода объектов очевидны, они ведущие, тем не менее наблюдаются разные процессы:

а) сохранение перцептивной и негативно-оценочной семы, т.е. *вонючки* – это парфюм, косметический продукт и пр., который неприятно пахнет. Дифференциальные семы исходного значения сохраняются. Например: *агромная просьба – не надо поливать себя духами и прочими вонючками! вызывает спазмы и трудно дышать; Как достали эти гламурненькие вонючки; Тёти там скинулись на 23-е и всем мужикам наборы со всякими вонючками подарили... я, когда нюхнул, чо там, чуть в оморох не грохнулся* (интернет-источники);

б) нейтрализация дифференциального признака запаха, важным оказывается не его качество (плохой), а наличие, интенсивность, т.е. *вонючкой* называется любой пахнувший продукт. Ср.: *Выбирай сладкие вонючки, самое оно. Запах фруктов, ванили, цитрусовых цветов. Жена должна пахнуть не щами, а ванилью и лимоном, сказочный запах; Хочу мужу вонючку купить, метаясь между SHAZI и OUD AL SHAMS. Как они вам, кто пробовал?* (интернет-источники). Указанное значение лексемы *вонючка* распространяется не только на парфюмерную область. Так, в категорию *вонючек*

могут попадать любые объекты с сильно проявляющимся запахом (травы, овощи, продукты и пр.). Контексты в таких случаях ироничны: негативно-оценочная память слова сталкивается с позитивной оценкой описываемого объекта, поэтому на первый план выходит сема интенсивности проявления запаха. Ср.: *Много пила кислого, исключила сахар, часто нюхала всякие разные вонючки, чтобы нюх восстановить. Нюх вернулся через неделю; Муж от кинзы нос воротит, а я как наркоманка, всякую вонючку, кинзу-рукколу, пучками))))* (интернет-источники). Чтобы нейтрализовать негативно-оценочные смыслы, говорящие используют некоторые графические и лексико-синтаксические приемы:

– кавычки, например: *(о грибах) Агааа... они такие «вонючки»* (интернет-источники);

– зачеркивание и синонимическая замена на нейтральное / позитивное слово, к примеру: *Люблю всякие приправки, аджички, ~~вонючки~~ ароматизаторы!* (интернет-источники);

– языковая рефлексия, экспликация оценки используемой в высказывании лексемы, чаще извинительного характера, аргументация выбора языковой единицы, например: *(о сушеной рыбе) Ну ничего не могу с собой поделатъ: люблю ее «вонючку» (простите за жаргон! Мой муж так ее называет! Не любит морепродукты)* (интернет-источники);

в) формирование позитивно-оценочной семы, когда *вонючка* номинирует то, что сильно и приятно пахнет. В данном случае актуализируются семы, связанные с интенсивностью продуцирования аромата, положительный модус восприятия транслируется синтагматическими партнерами с закрепленной оценочностью (*ароматный, обалденный* и под.). В таких случаях объектом ольфакции могут становиться, например, цветы: *только у грозового неба форма другая, острая и оно всё же бордовое более, эта маджента. А еще она «вонючка», очень ароматная; гламаринка «Вонючка» понравилась? аромат обалденный* (интернет-источники).

Итак, можно говорить о широком прагматическом потенциале слова *вонючка*.

Перейдем к другой группе примеров.

2. Лексема *вонючка* сохраняет привязку *к сфере номинаций человека*. В таком случае процессы варьирования в зоне коннотации более разнообразны.

Слово из перцептивно нагруженного становится эмотивно-оценочной единицей, эксплицирующей самые разные оценочные смыслы.

В тех случаях, когда *вонючка* остается в зоне перцепции, слово реализуется в словарном значении – о том, кто воняет, портит воздух или просто пахнет: *Мечтала собрать напротив всех детей вагона. Вонючек вот мне не подалось, к счастью* (интернет-источники).

Контексты, как правило, уточняют источник или характер неприятного запаха. Чаще речь идет о запахах, имеющих физиологическую природу (моча, экскременты, пот и пр.), описание сопровождается комментариями, что подобный запах вызывает отвращение, пренебрежение. Например: *Первой будку заметила Нина – телефонную будку, в которой мочился какой-то мудака. И, споткнувшись о то, что увидела, отвернулась, сказала: «Вонючка! Животное! Если трезвый, берем!»* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана); *На орущих круглосуточно детей из квартиры напротив? Отвратительный тип, вонючка. От него и пахнет грязными трусами* (А. Троицкий. Удар из прошлого); *Притащится и смотрит, трясущаяся вонючка! Чтоб она уже сдохла!»* (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом»).

Оценочные смыслы в данном случае оказываются ведущими, поэтому их регулярная актуализация приводит к тому, что слово *вонючка* выходит за пределы перцептивного поля и развивает метафорические значения.

Можно выделить оценочные метафоры, основанные на семе «продуцирование» чего-либо:

– *вонючка* – ‘тот, кто транслирует вонючие негативные эмоции’ (например, грустный или постоянно недовольный чем-либо человек). Ср.: *Самая сложная категория попутчиков – вонючки, вот тут прям тяжело, ибо окно не откроешь, обязательно кому то дует; Если же, вы замечаете что сами, иногда похожи на человека-вонючку (с каждым из нас такое может случиться) – самое время*

провести внутреннюю ревизию, избавиться от накопившихся «внутренних токсинов»; *Не бойтесь кого-то задеть. Не бойтесь пересесть в метро на другое место, если рядом присел тип-вонючка. Если рядом сидят грустные люди, пересаживайтесь* (интернет-источники). Интересно, что слово *вонючка*, связанное с продуцированием отрицательных эмоций, начинает распространяться не только на человека, но и на продукты его речемыслительной деятельности, т.е. *вонючка* — это речь, в которой выражается недовольство: *Я... не оставляю комментарии-вонючки по этому поводу, потому как «в каждой избушке свои погремушки»* (интернет-источники);

— *вонючка* — ‘активный, проявляющий себя в разных сферах деятельности человек’ (подобно объекту, продуцирующему интенсивный запах), например: *Коллег по работе он делил на «вонючек» и «усталых» (первые с годами превращались в последних, отвоюя свое — примерно как выгорающие звезды)* (В. Пелевин. *Любовь к трем цукербринам*).

Сильные негативные смыслы, связанные со словом *вонючка*, обуславливают еще один семантический процесс: встречаются многочисленные примеры, когда *вонючка* становится ругательным словом, выражает пренебрежительное отношение к кому-либо. Перцептивная связь утрачивается, на первый план выходит такая уничижительная характеристика, как бедный, ничтожный, скупой человек. Оценка поддерживается контекстуальными партнерами с яркой оценочной семантикой (*сопляки, противный, козлы* и пр.). Интересна в таком случае гендерная соотношенность, поскольку объектом номинации оказывается преимущественно мужчина либо группа, класс людей. Приведем некоторые примеры: *Вам щедрый мужчина нужен, душевно прежде всего, а не мелкая вонючка; Так-то щедрые всем нужны, только где их взять — кругом одни вонючки* (интернет-источники); *Идет такой маленький шкет 15–20 лет, вот такой сынок, вонючка, но он уже бритенький, и у него уже так голова в плечи втянута, как принято втягивать голову в плечи, картинно сутулиться, — походка, гримаса* (Н. Зайцева, М. Покровский. *Насморки и мутанты*); *Как вспомню, так, честное слово, вот лично бы вот этими самыми пальцами душил бы всех этих болтунов и злопыхателей, обожравшихся шашлыками и опившихся пепси-колой! Этих бы всех вонючек на мое место в очередь сорок седьмого года! Вот тогда бы я посмотрел, что б они запели, сопляки!* (Е. Попов. *Водоем*); *У меня неизвестные козлы и вонючки украли моток государственной серебряной проволоки, за которой я был послан самолетом в город Сызрань* (Е. Попов. *Отчего деньги не водятся*); *Гадина! Вонючка рыжая! — Она визжала так, что казалось, череп не выдержит и лопнет* (В. Матлин. *Относительное и абсолютное*).

Попадая в политический дискурс, слово *вонючка*, так же теряя перцептивную соотношенность, начинает маркировать политических оппонентов. Образность и негативная оценочность в таких контекстах максимальная. Например: *Путина еще не избрали, а политические вонючки... уже заговорили о необходимости принятия непопулярных решений* (интернет-источники). Данная метафора реализуется и при характеристике средств массовой информации или государства на основании того, что они могут транслировать какие-либо идеи: *Вот тут можно почитать про виновность и невиновность. Как символично, что СМИ-вонючка у меня не открывается* (интернет-источники); *Идеально, что в роли наказанных оказались «сильные» страны — Германия и Франция, а в роли награвждённых — мелкая, мерзкая, пресмыкающаяся Польша, от которой «старые европейцы» воротили нос. Так примите урок: теперь эта вонючка будет оскорблять вас, и даже помыкать вами* (К. Крылов. *Контроль*).

Таким образом, метафорическое развитие лексемы *вонючка* осуществляется на основании двух ключевых сем в значении слова: ‘продуцировать что-либо’ и ‘неприятный запах’. О продуктивности указанной модели говорит и факт аналогичной семантической деривации других слов данной словообразовательной группы. Так, глаголы *вонять, навонять, развоняться* и под., помимо основного значения ‘иметь или распространить неприятный запах’ (ср.: *завоняла тряпочка — в ведро!* (интернет-источники)), развивают переносные значения в сфере ментальной, речемыслительной, эмоциональной деятельности человека (например, ‘врать’, ‘сплетничать’, ‘возмущаться’).

и др.), негативная оценка при этом сохраняется. Приведем примеры: *Американцы снова навоняли. Читали их статью? Нет?!* (В. Щеголев. С ним покой нам только снится); *Впрочем, иногда угроза пожаловаться родителям (своим или обидчика), несмотря на то, что это осуждаемый всеми ход, срывает, и вещи возвращаются с издевательствами в адрес маменькиного или папенькиного сынка и, бывает, даже объясняется, что это понарошку: «Я пошутил, а ты развонялся тут...»* (С.И. Рыженков. Дворовые игры +); *Надень повязку, – сказал Михаил, – а то капитан развоняется* (В. Пелевин. Спи); *А то Юрка больше никакой работы не даст. Вонять будет, что вовремя не сделали* (В. Панкратов. Шестое января).

Заключение

Таким образом, лексика с запаховой семантикой нередко отражает аксиологические ориентиры индивида, поэтому может выходить за пределы перцептивной сферы и становится исключительно оценочной. Языковой материал дает возможность говорить о референциальной соотношенности обонятельной лексемы с объектами живой и неживой природы, предметного мира, а также человека. В результате семного и семантического варьирования могут наблюдаться трансформации:

- в зоне прагматики, например, модификации, трансформации оценочной семы от негативной ('о плохо пахнущем объекте') к нейтральной ('об издающем любой запах объекте') или позитивно-положительной ('о приятно пахнущем объекте');
- в области денотата, то есть появление новых лексических значений, основанных на различных механизмах метафоризации (например, предмет – человек) и репрезентирующих представления об эмоциональных, ментальных, речевых, поведенческих и др. характеристиках личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков). Барнаул: АГПУ, 2008. 354 с.
2. Чилова Т.А. Когнитивный потенциал лексики чувственного восприятия // Казанская наука. 2023. № 12. С. 448–450.
3. Авдеевнина О.Ю. Перцептивные значения в социальной сфере: от действия к деятельности // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020. № 1 (2). С. 18–33.
4. Корычанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Vrnо: Masarykova univerzita, 2016. 235 с.
5. Кабакова Г. Запахи в русской традиционной культуре // Живая старина. 1997. № 2. С. 36–38.
6. Авдеевнина О.Ю. Ситуация восприятия в аспекте ее синтаксического и художественного моделирования. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. 416 с.
7. Гейко Е.В. Метафорический потенциал компонентов пропозиции обонятельного восприятия // Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании. 2014. Вып. 2. С. 144–150.
8. Зыховская Н.Л. Изучение теории одорической вербализации в отечественной филологии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 25. С. 10–13.
9. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23–44.
10. Шнякина Н.Ю. Опыт моделирования событийного концепта (на материале вербализованной ситуации ольфакторной перцепции). Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2023. 184 с.
11. Русенко Т.И. Существительные в структуре лексико-семантического поля «запах»: состав, семантика, типология // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 79–85.

12. **Зыховская Н.Л.** «Смрад великий»: негативный ольфакторий древнерусской словесности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9 (124). С. 107–109.

13. **Балашова Л.В.** Когнитивный тип метафоры в диахронии (на материале перцептивной лексики русского языка) // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 4. С. 81–84.

14. **Чекулай И.В., Прохорова О.Н.** Аксиологический потенциал лексем со значением «запах», «обоняние» (на материале русского, украинского, английского и чешского языков) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 14–1 (69). С. 30–37.

15. **Здановская Л.Б., Непшекуева Т.С.** Ольфактоемы и их межличностный конфликтогенный потенциал // Эпомен. 2020. № 35. С. 100–107.

16. **Басалаева Е.Г.** О некоторых особенностях становления одоративной метафорической микросистемы русского языка // Сибирский филологический журнал. 2011. №4. С. 192–199.

17. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т.А.** Динамические процессы в русском эмотивно-оценочном словаре // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 30–51. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-1-30-51

REFERENCES

[1] **Kolesov I.Yu.**, Problems of conceptualization and linguistic representation of visual perception (based on the material of English and Russian languages), ASPU, Barnaul, 2008.

[2] **Chilova T.A.**, Cognitive potential of the lexicon of sensory perception, Kazan Science, 12 (2023) 448–450.

[3] **Avdevnina O.Ju.**, Perceptive meanings in social sphere: from action to activities, Language of Science and Professional Communication, 1 (2) (2020) 18–33.

[4] **Korychankova S., Kryukova L.B., Khiznichenko A.V.**, Poetic picture of the world through the prism of perceptual category, Masarykova univerzita, Brno, 2016.

[5] **Kabakova G.**, Smells in Russian traditional culture, Zhivaya starina [Living antiquity], 2 (1997) 36–38.

[6] **Avdevnina O.Ju.**, The situation of perception in the aspect of its syntactic and artistic modeling, Saratov State Law Academy Publ., Saratov, 2022.

[7] **Geyko E.V.**, Metaphorical potential pro-position components olfactory perception, Ural Journal of Philology. Series: Psycholinguistics in Education, 2 (2014) 144–150.

[8] **Zykhovskaya N.L.**, Study of the olfactory theory in russian philology, South Ural State University. Series: Linguistics, 25 (2012) 10–13.

[9] **Paducheva E.V.**, On the structure of the semantic field “perception” (based on the material of perception verbs), Topics in the Study of Language, 4 (2001) 23–44.

[10] **Shnyakina N.Yu.**, The experience of modeling an event concept (based on the material of a verbalized situation of olfactory perception), Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 2023.

[11] **Rusenko T.I.**, Nouns in the lexical-semantic field of scent: structure, meaning, typology, Bulletin of Donetsk National University. Series B. Humanities, 3 (2017) 79–85.

[12] **Zykhovskaya N.L.**, “The great stench”: negative olfactory of old russian literature, Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 9 (124) (2012) 107–109.

[13] **Balashova L.V.**, Cognitive type of metaphor in diachrony (on the material of perceptual vocabulary of the Russian language), Herald of Omsk University, 4 (1999) 81–84.

[14] **Chekulai I.V., Prokhorova O.N.**, The axiological potential of lexemes with the meaning of “smell”, “sense of smell” (based on the material of Russian, Ukrainian, English and Czech languages), Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities, 14–1 (69) (2009) 30–37.

[15] **Zdanovskaya L.B., Nepshekuyeva T.S.**, Olfactoremes and their potential for conflict, Epomen, 35 (2020) 100–107.

[16] **Basalaeva E.G.**, On some peculiarities of the formation of the odorative metaphoric microsystem of the Russian language, Siberian Journal of Philology, 4 (2011) 192–199.

[17] **Bulygina E.Yu., Tripolskaya T.A.**, Dynamic Processes in Russian Emotive-Evaluative Vocabulary, Critique and Semiotics, 1 (2022) 30–51. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-1-30-51

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Басалаева Елена Геннадьевна

Elena G. Basalaeva

E-mail: lena.bas@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2830-0294>

Поступила: 09.07.2024; Одобрена: 14.02.2025; Принята: 28.03.2025.

Submitted: 09.07.2024; Approved: 14.02.2025; Accepted: 28.03.2025.

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16103>

EDN: <https://elibrary/MLBNNH>

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТИКТОКАХ: ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

П.И. Кондратенко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

 p.kondratenko@spbu.ru

Аннотация. Статья впервые рассматривает немецкоязычные тиктоки в свете популяризации научного лингвистического знания. Несмотря на растущую популярность исследований в рус-ле интернет-лингвистики и изучения новых форм коммуникации, короткие видео на крупных онлайн-платформах продолжают восприниматься учеными преимущественно как репрезентация развлекательной функции. Участие клипов, тиктоков и «шортсов» в функционировании других социальных систем (образование, наука, политика и т.д.) практически не принимается во внимание. В настоящей статье обобщаются результаты мультимодального качественно-количественного дискурс-анализа 100 коротких видео автора @fussballinguist на немецком языке. На примере видео из выборки установлена прототипическая структура научно-популярного тиктока, транслирующего знание о современных лингвистических исследованиях и узуальной вариативности немецкого языка. Выделены типичные композиционные блоки, варианты вводной и заключительной частей, акцентирована связь содержания и формальной организации таких блоков с техническим функционалом платформы. Отмечено, что построение научно-популярного изложения ведется интерактивно: автор коротких видео вовлекает в коммуникативное взаимодействие как активных блогеров, так и непосредственных реципиентов — пользователей, зарегистрированных на платформе, но не занимающихся видеоблогингом. Доказано, что в контекстах распространения научного лингвистического знания в формате короткого видео автор конструирует гибридную идентичность, актуализирует себя как эксперт в заявленной области и демонстрирует владение блогерскими приемами ведения коммуникации. Продемонстрировано, что в построении гибридной идентичности автора видео задействованы различные семиотические ресурсы. Таким образом, вербальный пласт, лежащий в основе короткого видео, оказывается тесно связанным с визуальными элементами, направляющими трансфер научного знания о языковых явлениях. Сопроникновение различных уровней создания смыслов порождает принципиально новые коммуникативные практики передачи научного знания широкой аудитории. Наиболее характерной практикой такого рода становится мультимодальное цитирование, адаптирующее к среде интернет-общения традиционную дихотомию «свой – чужой», центральную для разграничения уже существующего научного знания и нового авторского вклада.

Ключевые слова: трансфер научного знания, лингвистическое знание, жанр научно-популярного видео, немецкоязычные тиктоки, языковые средства организации тиктоков, мультимодальность.

Для цитирования: Кондратенко П.И. Особенности представления лингвистического знания в немецкоязычных тиктоках: языковые средства и мультимодальные коммуникативные практики // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 1. С. 30–46. DOI: 10.18721/JHSS.16103

HOW GERMAN TIKTOKS REPRESENT LINGUISTIC KNOWLEDGE: LINGUISTIC RESOURCES AND MULTIMODAL COMMUNICATIVE PRACTICES

P.I. Kondratenko

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

 p.kondratenko@spbu.ru

Abstract. The present article is the inaugural study to analyse German TikToks in the context of the popularisation of scientific and, more specifically, linguistic knowledge. Notwithstanding the escalating popularity of research in the domain of Internet linguistics and the examination of emergent forms of communication, concise video recordings on prominent online platforms persist in being predominantly perceived by academics as a medium of user entertainment. The integration of such content within the broader functioning of other social systems, such as education, science and politics, remains largely unexamined. This paper summarises the results of a qualitative-quantitative multimodal analysis of 100 German short videos (TikToks) by the author @fussballinguist. The analysis of German short videos provides a basis for the establishment of the prototypical structure of a popular science TikTok, which disseminates knowledge concerning contemporary linguistic research and the usual variation of the German language to a wide audience. The paper identifies and examines the structural elements (introduction, main body, and conclusion) that are characteristic of these videos. It also explores the relationship between the content and the structural organisation of these elements, and the technical capabilities of the platform. It is noteworthy that the construction of popular science presentations is interactive, with the author of short videos engaging active bloggers (utilising Duett and Stitch functions) and direct recipients (i.e. ordinary users registered on the platform who do not engage in video-blogging). The paper proves that in the context of disseminating scientific linguistic knowledge in the format of a short video on the TikTok platform, the author constructs a hybrid identity, actualises himself as an expert in the declared field and demonstrates mastery of blogger communication techniques. The analysis demonstrates the integration of diverse semiotic resources in the construction of the hybrid identity of the video author. It has been established that the verbal element underlying the short video is closely connected with the visual elements that guide the transfer of scientific knowledge about linguistic phenomena. The interpenetration of different levels of meaning-making gives rise to fundamentally new communicative practices of communicating scientific knowledge to a wide audience. Consequently, multimodal citation emerges as the predominant practice, adapting the traditional dichotomy of 'one's own – another' to the Internet communication environment. This dichotomy is central to the distinction between existing scientific knowledge and new authorial contributions.

Keywords: scientific knowledge transfer, linguistic knowledge, popular science video genre, German TikToks, linguistic resources in TikToks, multimodality.

Citation: Kondratenko P.I., How German TikToks represent linguistic knowledge: linguistic resources and multimodal communicative practices, *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 30–46. DOI: 10.18721/JHSS.16103

Введение

В полном соответствии с известной цитатой из книги М. Маклюэна «Understanding Media: The Extensions of Man»: «Our speed-up today is not a slow explosion outward from center to margins but an instant implosion and an interfusion of space and functions (Наше ускорение сегодня – это не медленный взрыв, направленный от центра к периферии, но мгновенная вспышка и взаимопроникновение пространства и функций)» [1, с. 93], – повсеместная интернет-коммуникация продолжает открывать новые пространства для развития принципиально новых форматов общения, подключающих к порождению смыслов различные знаковые системы. Если недавно

симптоматичным в отношении медиального сдвига представлялся переход от преимущественно текстового общения пользователей в сети (см. ЖЖ, Facebook¹, ВКонтакте и др.) к обмену статичными изображениями (Instagram², Pinterest) — англ. *shift toward image-centricity* [2], то сегодня становится очевидным движение коммуникации от статики к динамике — от неподвижных изображений к видео, причем преимущественно к короткометражным форматам³.

Одна из наиболее известных платформ для распространения коротких видеороликов, TikTok, функционирует с 2018 года. В период с 2014 по 2018 год платформа называлась musical.ly [3, с. 3]: аналог современного видеохостинга использовался интернет-коммуникантами преимущественно для реализации экспрессивной и развлекательной функций. Содержание видео сводилось к имитации пения: пользователи реинтерпретировали известные композиции за счет создания любительской драматургии, наложения жестов и мимики, добавления визуальных цифровых эффектов. Неудивительно, что такая специфика определила отношение исследователей к мультимодальному содержанию, которое публикуется пользователями TikTok сегодня. Так, ученые отмечают вторичность (пародийность) коротких видео [4, 5]; использование сетевого сленга и англоязычных заимствований [6]; неоднородность единиц и кодов в кадре [7, с. 140]. Отмечается даже низкая популярность пользователей, размещающих на платформе видео социально-политического или иного серьезного содержания [8, с. 349]. Это наблюдение, впрочем, кажется нам не вполне объективным, особенно на фоне устоявшихся представлений о высоком потенциале интернет-платформ для отражения различных виртуальных ипостасей реального человека [9, с. 37], в том числе и его профессиональной идентичности. Представляется, что эмпирический материал нашего исследования также позволит продолжить полемику с тезисом о «поражении» авторов-создателей коротких видео, вносящих вклад в формирование коллективного, в том числе предметно специализированного, знания, и изменяющих существующие социо-коммуникативные практики в ситуациях общения исследователей и широкой общественности.

Отметим, что короткие видео на платформе TikTok (тиктоки) освещаются в научном дискурсе с 2020 года. С систематизацией исследований платформы в зарубежных академических контекстах можно ознакомиться у коллектива авторов, описавших динамику изучения хостинга коротких видео с помощью алгоритмов библиометрии [10]. С сожалением, однако, констатируем, что в пространстве русскоязычных исследований коммуникации в TikTok речь чаще всего идет о материалах конференций, работах обзорного, скорее даже реферативного характера [11, 12]. Очевиден недостаток лингвистических статей и монографий, осмысляющих общение интернет-пользователей посредством коротких видео. Вместе с тем нельзя не приветствовать интерес к изучению роли тиктоков в процессах психологического консультирования, менеджмента и маркетинга [13–15]. Кроме того, укажем на ряд работ, интегрирующих коммуникацию на платформе в ситуации лингводидактики и решения актуальных задач музейной педагогики [16–18].

Вместе с тем в отечественной научной периодике TikTok практически не рассматривается как площадка для трансфера научного знания. В зарубежных академических журналах исследования коротких видео как своеобразного научно-популярного форума новейшего времени также редки, исследователи чаще ограничиваются упоминанием популярных интернет-ресурсов в качестве возможных платформ для представления научного результата общественности [19, с. 5]. На наш взгляд, исследование тиктоков в контексте осмысления новых путей трансфера научных результатов представляется продуктивным, причем не только с точки зрения общего анализа языковых и неязыковых средств и способов представления нового научного знания в интернете, но также и с позиций изучения идентичности и ее выражения в поле параметров, характеризующих конкретный медиадискурсивный формат (подробнее см. [20, с. 87]).

¹ Запрещена на территории РФ.

² Запрещена на территории РФ.

³ Короткий или длинный метр? Результаты опроса об отношении к коротким видеороликам среди россиян // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korotkii-ili-dlinnyi-metr> (дата обращения: 19.02.2025).

Настоящее исследование нацелено на изучение «ансамбля модусов» (англ. *modal ensemble* [21, с. 28]) представления нового лингвистического знания в формате коротких немецкоязычных видео на платформе TikTok. Наше исходное предположение заключается в том, что особенности презентации научных результатов в формате тиктоков будут формироваться жанровыми рамками. Вероятно, будет оправданным утверждать, что жанр научно-популярного короткого видео находится в процессе становления, однако даже поверхностные наблюдения заставляют предполагать, что короткие видео («шортсы», «рилсы», «клипы» – в зависимости от платформы) отличаются от «стандартных» видео не только длительностью, но и особенностями композиции и типичными способами взаимодействия с адресатом. Ожидается, что автор короткого видео (индивидуальный или коллективный – медийная персона или канал) будет выстраивать в контексте распространения научного знания биполярную идентичность, перемещаясь между полюсом «исследователь» и полюсом «блогер». Построение гибридной идентичности необходимо для соответствия социальным конвенциям общения, принятым на конкретной платформе: в противном случае автору будет затруднительно удовлетворять коммуникативные ожидания реципиентов, и видео не будут включены в алгоритмы, повышающие количество охватов и просмотров. Сложность интерпретации видео повышает сочетание различных модусов передачи информации. Изначально можно сформулировать предположение, что в тиктоках, распространяющих научное знание, визуальный элемент скорее будет отвечать за развлекательность и функциональную близость к видеоблогу, сигнализировать единство *когнитивного стиля* [22] автора видео и пользователей платформы. В то же время предполагается, что вербальная составляющая коротких видео будет отвечать в первую очередь за адекватную передачу научного содержания, терминологическую точность, экспликацию логических взаимосвязей между исходными посылками и выводами, постановкой проблемы и объяснением.

Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили 100 коротких видео (суммарная продолжительность – 6550 секунд), опубликованных в период с 2022 по 2023 год на TikTok-канале @fussballinguist (‘футбольный лингвист’). Автор канала – профессор Дрезденского технического университета (Technische Universität Dresden) Симон Майер-Фиракер (Simon Meier-Vieracker), специалист по корпусной лингвистике, медиалингвистике и дискурс-анализу. Выбор канала обусловлен репрезентативностью научно-учебных и методико-дидактических цифровых форматов передачи лингвистического знания, разрабатываемых Дрезденским техническим университетом. С 2014 года и до настоящего времени университет ведет проект на видеохостинге YouTube – Linguistik in 60/120 Sekunden⁴, хорошо известный студентам-германистам. Канал Симона Майера-Фиракера, отмеченный в 2023 году премией Golden Blogger, также пользуется спросом у широкой аудитории и насчитывает более 90 000 подписчиков. Название канала отсылает к исследовательскому проекту профессора Майера-Фиракера Fußballinguistik (‘футбольная лингвистика’) (fussballinguistik.de) и одноименному корпусу интернет-текстов о футболе, транскриптов записей комментаторов футбольных матчей и спортивных новостей. Изначально канал создавался в репутационных и рекламных целях для привлечения внимания к программе «Прикладная лингвистика» в техническом университете: очевидно, что наблюдаемая исследователями цифровизация и медиатизация общественно-политической жизни [23, с. 100] становится определяющей и для сферы науки и высшего образования. Впоследствии @fussballinguist был преобразован в самостоятельный просветительский проект.

Внутренняя структура канала включает в себя следующие тематические разделы. Первый раздел – Prof POV (POV – англ. *point of view* – реферирует к коммуникативной ситуации, в которой

⁴ Linguistik in 60/120 Sekunden. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yfDtyO-74C4&list=PLzwHQfOPWZDG3VCdnPrWIqB_CtopVZ-K0F&index=1 (дата обращения: 19.02.2025).

повествование ведется от первого лица) – представлен юмористическими скетчами из жизни университетского профессора, второй раздел – Unitipps – дает студентам варианты решения проблемных ситуаций, сопровождающих образовательный процесс. Третий раздел – Uni und Karriere, наиболее близкий к исходному замыслу автора канала, – содержит рекомендации для абитуриентов и молодых специалистов. Наконец, четвертый раздел – LinguisTikTok – состоит из более чем 166 коротких видео, отражающих научные интересы автора. В этом разделе для широкой аудитории пользователей TikTok: излагаются основы конверсационного анализа; рассматриваются особенности синтаксиса устной немецкой речи; обсуждается региональная вариативность немецкого языка (диалекты на территории Германии, австрийский и швейцарский литературные стандарты, критическое отношение общественности к региональным особенностям, языковые идеологии [24, с. 27]); опровергается прескриптивно ориентированная любительская критика языка, которая инициирует и направляет острые общественные дискуссии о *richtiges und gutes Deutsch* – «правильном и хорошем немецком языке» [25, с. 410].

Короткие видео подверглись транскрибации вручную; параметры, традиционно важные для конверсационного анализа (разговорный шаг, мена говорящего, паузация и т.д.), не учитывались, так как их релевантность для нашего исследования сомнительна (в кадре нет диалогической речи в привычном понимании, речь скорее подготовленная, чем спонтанная). Далее видео прошли процедуру мультимодального качественно-количественного дискурс-анализа, который позволил учитывать визуальную информацию при контекстно-семантическом и коммуникативно-прагматическом анализе вербальной составляющей немецкоязычных лингвистических тиктоков.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволил следующим образом очертить рамки изучаемого жанра коммуникации. Минимальная длительность видео в выборке составила 6 секунд, максимальная – 3 минуты. Восемь видеороликов короче 10 секунд отличаются меньшей информативностью по сравнению с другими видео @fussballinguist: на передний план выходит развлекательная функция. Такие видео представляют собой динамическую разновидность интернет-мема на тему, связанную с лингвистикой или процессом формирования лингвистических и/или общенаучных компетенций в университете. Несмотря на то, что мы имеем дело с видеокоммуникацией, ориентированной преимущественно на широкий круг реципиентов, анализ (ультра)коротких видео подтверждает вывод о специфической адресованности мультимодальных коммуникатов, полученный в рамках другого исследования немецкоязычных интернет-мемов [26, с. 214]. В частности, в одном (ультра)коротком видео снова поднимается дискуссионный вопрос о том, чем филология отличается от лингвистики⁵.

Средняя продолжительность видео составляет 66 секунд. Типичный тикток @fussballinguist на лингвистическую тему, как правило, состоит из трех композиционных блоков. В качестве введения чаще всего выступает короткий (не более 10 секунд) фрагмент из видео другого пользователя, добавленный к авторскому видео с помощью функции *Stitch* (англ. букв.: ‘сшивание’). Эта функция позволяет отобразить диалогическое взаимодействие с другим пользователем в названии видео за счет хештегов и упоминаний (см. например: *#stitch mit @okayhenno gedownloaded oder downgeloadet? #linguistiktok*) и тем самым повысить охваты видеоролика, а также стимулировать и направить поток творческой активности пользователей в предзаданное платформой русло [27, с. 5]. Фрагмент из видео другого пользователя может, как в случае взаимодействия @fussballinguist и @okayhenno, иллюстрировать узуальное отклонение от нормы, см.: *Wie ich*

⁵ Literaturwissenschaft und Linguistik sind beide Teil der #Germanistik, aber die Unterschiede sind groß zwischen den Disziplinen. Ich bin trotzdem froh, Teil der Germanistik zu sein, gerade wegen der Vielfalt. #linguistiktok #literature #fyp #foryou. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7188514474062580997?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7388080402348803616 (дата обращения: 26.01.2024).

*meine Bildschirmzeit analysiere, nachdem ich Tiktok gedownloadet habe*⁶. Таким образом, вводный фрагмент логичным образом ведет к постановке дискуссионного вопроса в видео Майера-Фиракера: *Heißt es „gedownloadet“ oder doch lieber „downgeloadet“? (Правильно говорить «gedownloadet» или все же «downgeloadet»?)*⁷

Основная часть короткого лингвистического видео, как правило, строится по принципу «развенчивание мифа»: в этой части происходит объяснение представленного узуального явления с лингвистической точки зрения. Объяснения, как это принято в научно-исследовательской и научно-учебной коммуникации, опираются на опубликованные труды по соответствующей теме. Кроме того, нередко к интерпретации отклонения от литературной нормы подключаются данные электронных корпусов текстов и открытого научного проекта Atlas zur deutschen Alltagssprache⁸, изучающего проявления региональной языковой вариативности, см.: *Aber jetzt schauen wir uns diese Aussprachekarte an. Wohlgermerkt keine Dialektkarte, sondern die zeigt die Aussprache der Standardsprache, da sehen wir, dass im Süden des deutschsprachigen Raums richtig die bevorzugte Variante ist (Но теперь давайте посмотрим на карту произношения. Заметьте, это не карта диалектов, а карта, отражающая вариативность литературной нормы, поэтому мы видим, что на юге немецкоязычного мира предпочтение отдается варианту richtig)*⁹.

Заключение видео по сравнению с другими композиционными блоками больше подвержено варьированию. Для завершения рассуждений о языковых явлениях может использоваться:

1) **краткий вывод** (в том числе с участием вопросно-ответных комплексов): *Was wird eigentlich mit dem Weil-Satz begründet? Der Weil-Satz begründet hier einfach keinen Sachverhalt, sondern er begründet, warum hier überhaupt die Frage nach dem richtigen Artikel gestellt wurde (Что на самом деле обосновывается предложением с weil? В предложении с weil не просто объясняется конкретный факт, но обосновывается, почему вообще был задан вопрос о правильном артикле)*¹⁰.

2) **повторная актуализация терминов в контексте** (если не известные широкой аудитории термины вводились в начале основной части): *Wir sind als Sprecher offenbar so sehr gewohnt, den Superlativ durch die Nachsilbe -ste zu markieren, dass uns meistverkaufte irgendwie nicht genug zu sein scheint. Und das ist übrigens auch der Grund, warum viele Leute einzigste sagen (Мы как носители языка, очевидно, настолько привыкли обозначать превосходную степень с помощью суффикса -ste, что нам кажется, что форма «meistverkaufte» недостаточно выразительна. И это, кстати, причина, по которой многие люди говорят «einzigste»)*¹¹.

3) **реинтерпретация введения**: возвращаясь к отрывку из видео другого пользователя, которое служит введением к лингвистическим объяснениям и содержит в себе ненормативное *wie* в сравнительной конструкции (*besser wie du*), Майер-Фиракер приходит к выводу о том, что в разговорной речи все же допустимо употреблять *wie* вместо *als* при прилагательных и наречиях в сравнительной степени, и завершает видео следующим высказыванием: *und jetzt wisst ihr hoffentlich mehr wie vorher (и теперь, я надеюсь, вы знаете больше как раньше)*¹².

⁶ Gedownloadet oder downgeloadet? URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7097111704542170373?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7389934698330064417 (дата обращения: 26.01.2024).

⁷ Здесь и далее примеры даются в переводе автора статьи.

⁸ Atlas zur deutschen Alltagssprache. URL: <https://www.atlas-alltagssprache.de> (дата обращения: 19.02.2025).

⁹ Richtig oder richtig? #stitch mit @employmag #language #linguistics #aussprache. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7051246815588437254?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7389934698330064417 (дата обращения: 26.01.2024).

¹⁰ Mascara, entscheide ganz frei, weil es ist alles drei richtig. #stitch mit @Linnea Der, die, das #Mascara, entscheide ganz frei, weil es ist alles drei richtig :) #linguistiktok #language #grammar #fyp #foryou. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7195834356584189189?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7388080402348803616 (дата обращения: 26.01.2024).

¹¹ Einer der meistgemachten Fehler sogar von Muttersprachler:innen. #stitch mit @der_piekfeine_angler_v2 einer der meistgemachten Fehler sogar von Muttersprachler:innen :) Quelle: dwds.de #linguistiktok #language #grammar #fyp #foryou @Simon Meier-Vieracker. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7208080588564221190?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7388080361567618566 (дата обращения: 26.01.2024).

¹² Seid ihr klüger (als) wie vorher. #stitch mit @ali Mit #LinguisTikTok seid ihr klüger (als) wie vorher. Quellen: Jäger, Agnes (2017): „Mit eyne ander manier dan nu“ – Historische Variation bei Vergleichskonstruktionen. In: Konopka, Marek/Wöllstein, Angelika (Hg.): Grammaticale Variation. Empirische Zugänge und theoretische Modellierung. Berlin, Boston: de Gruyter. S. 65–84. atlas-alltagssprache.de/vergleichspartikel/. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7332392511228448032?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7384482779763492395 (дата обращения: 26.01.2024).

4) **рекомендация литературы для дальнейшего изучения:** *Wenn ihr genauer wissen wollt, warum es insgesamt mehr Ausnahmen als Regeln gibt, dann kann ich euch dieses Buch hier empfehlen* (Если вы хотите узнать больше о том, почему исключений больше чем правил, я могу рекомендовать вам эту книгу)¹³.

5) **взаимодействие с аудиторией:** *Kennt ihr ähnliche Grenzfälle? Schreibts gern in die Kommentare! (Знаете ли вы похожие переходные случаи? Не стесняйтесь писать о них в комментариях!)*¹⁴

Несмотря на то, что Майер-Фиракер взаимодействует с пользователями платформы, обращаясь к ним на «ты» во множественном числе, вербальный уровень организации тиктоков отражает основные черты научной коммуникации¹⁵ (подробнее см. [28, с. 34–37]), которые переносятся и на научно-популярное общение. Так, 1) **отвлеченность** и **обобщенность** научной коммуникации гарантируется использованием языковых единиц абстрактного и обобщенного значения; автор нередко оперирует терминами морфологии и синтаксиса, фонетики и лексикологии, например: *das Komplement* ('комплемент' – термин грамматики конструкций), *die Pronominaladverbkonstruktion* ('конструкция с местоименным наречием'), *die Genusvariation* ('варьирование грамматического рода'), *die Movierung* ('изменение по родам'), *der Glottisschlag* ('глоттальный удар'). 2) **Логичности** изложения, **доказательности** и **аргументированности** способствуют постепенное развертывание аргументации от конкретных примеров к обобщениям, использование лексических операторов для структурирования мыслей, включение сложноподчиненных и сложносочиненных предложений: *Die AutorInnen folgern übrigens aus ihren Ergebnissen, dass es relevantere und weniger relevante Kontexte fürs Gendern gibt, oder wir könntens auch so aussetzen... ausdrücken: ein gesunder Pragmatismus ist durchaus angezeigt* (Кстати, на основании полученных данных авторы делают вывод о том, что существуют более или менее релевантные контексты для реализации гендерно-нейтральных речевых стратегий, ну или мы бы могли это так отложить... изложить: здоровый прагматизм никому не противопоказан)¹⁶; *Dafür gibt's im Wesentlichen zwei Gründe. Der Erste ist ja, dass wir vor ein paar Hundert Jahren im Deutschen angefangen haben, den „Schwa“-Laut mit „e“ zu schreiben. Der Schwa-Laut, auch mittlerer Zentralvokal genannt, ist das /ə/ wie in Torte oder gesund. Dafür haben wir in der Lautschrift ein eigenes Zeichen, nämlich dieses hier. Im normalen deutschen Schriftsystem schreiben wir es aber einfach als „e“ (Этому есть две основные причины. Первая заключается в том, что мы начали писать звук «шва» через «е» в немецком языке несколько сотен лет назад. Звук «шва», также известный как гласный /ə/ смешанного ряда и подъема, встречается в словах «Torte» или «gesund». В фонетической транскрипции для него существует особый символ, а именно, вот этот. Однако обычно на письме мы используем просто «е»)*¹⁷. 3) **Точность** и **ясность** гарантируют ссылки на статьи и монографии, электронные корпусы текстов, словари, результаты научных проектов, находящиеся в открытом доступе. Нередко ссылки на работы других исследователей присутствуют даже в названии видео, что достаточно нетипично для платформы, см.: *#stitch mit @ali Mit #LinguisTikTok seid ihr klüger (als) wie vorher. Quellen: Jäger, Agnes (2017): „Mit eyntre ander manier dan nu“ – Historische Variation bei Vergleichskonstruktionen. In: Konopka, Marek/Wöllstein, Angelika (Hg.): Grammatische Variation. Empirische Zugänge und theoretische Modellierung. Berlin, Boston: de Gruyter. S. 65–84. atlas-alltagssprache.de/vergleichspartikel/*

¹³ Pflaumenbaum oder Pflaumebaum? #stitch mit @Tia #linguistiktok Quelle: Kristin Kopf: Fugenelemente Diachron: eine Korpusuntersuchung zu Entstehung und Ausbreitung der verfügenden N+N-Komposita. Berlin: De Gruyter 2018. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7322368976820997408?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7384543607677912608 (дата обращения: 26.01.2024).

¹⁴ #stitch mit @Christian Spannagel Abstraktion ist etwas, dass wir im Grammatikunterricht unbedingt vermitteln müssen. #linguistiktok #language #grammar Quelle: Höllein, Dagobert (2019). Präpositionalobjekt vs. Adverbial: Die semantischen Rollen der Präpositionalobjekte. Berlin, Boston: De Gruyter. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7296767628914298145?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7384543607677912608 (дата обращения: 26.01.2024).

¹⁵ Кожина М.Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 242–249.

¹⁶ Man muss nicht von einer Bürger*innenmeister*innenwahl sprechen. #linguistiktok Bross, Fabian & Lea-Sophie Kurz. 2023. Zur Wahrnehmung des generischen Maskulinums in Erstgliedern von Komposita und maskuliner Epizöna. Zeitschrift für germanistische Linguistik 51(3). 397–423. Nübling, Damaris & Helga Kotthoff. 2018. Gender-Linguistik. Eine Einführung in Sprache, Gespräch und Geschlecht. Tübingen: Narr. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7338809303593258272?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7384482779763492395 (дата обращения: 26.01.2024).

¹⁷ linguistisch betrachtet nh gute Lösung nh #stitch mit @bayukmusic linguistisch betrachtet nh gute Lösung nh #linguistiktok @Droemer Knaur | BookTok. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7335108258442530080?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7384482779763492395 (дата обращения: 26.01.2024).

Как уже было отмечено выше, 4) **коммуникативная направленность**, или **учет адресата**, строится скорее по принципам неформального общения в условиях видеоблогинга. С другой стороны, интересно обратить внимание на то, как автор тиктоков позиционирует себя по отношению к адресату: *Daraus kann man den Schluss ziehen, dass bei Personenbezeichnungen, wo es eine weibliche Form gibt, wir sprechen dann in der Linguistik von movierbar, dass bei solchen Wörtern die Chance, dass ein generisches Maskulinum eben doch als geschlechtsspezifisch, als rein männlich interpretiert wird, viel höher ist (Из этого можно сделать вывод, что в случае с личными именами, где есть женская форма, – в лингвистике мы называем это изменением по родам (Movierung) – риск того, что общий мужской род будет интерпретироваться как соотнесенный с биологическим мужским полом, будет гораздо выше)*¹⁸. В приведенном примере Майер-Фиракер демонстрирует свою принадлежность к коллективу ученых-лингвистов за счет эксплицитного упоминания этой области знания и местоимения 1 л., мн. ч. *wir*, которое в сочетании с упоминанием лингвистики однозначно соотносится с профильным академическим сообществом.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, можно сделать вывод о подтверждении части нашей гипотезы, дальнейший анализ вербального пласта коротких видео показывает, что в действительности языковые средства актуализируют не только идентичность исследователя-эксперта в контексте. Презентация научного знания пользователям платформы сопровождается языковыми маркерами, возвращающими нас в ситуативный контекст, в котором профессор Майер-Фиракер позиционирует себя не только как лингвист (*Ich bin Simon, ich bin Linguist (Меня зовут Симон, я лингвист)*), но и как видеоблогер, выстраивающий коммуникацию на основании традиций общения, сложившихся в сообществе пользователей платформы. «Блогерский текст» поддерживается за счет активного использования англоязычных заимствований, переключения кодов (*random, Hatespeech, Gaslighting, Claim droppen, Takes, The time has come, Leute; Und das Ähnliche sogar schon Luther, also don't panic!*¹⁹); проявления лингвокреативности и экспрессии в речи; употребления слов и выражений, которые номинируют действия, сопровождающие общение на платформе (*lasst mal ein Like oder ein Abo (поставьте лайк или подпишитесь на канал); Ich hoffe, dass dieses Video hat euch gefallen (надеюсь, вам понравилось это видео); Creatoren und Creatorinnen; Wenn ja, macht gerne das Plus weg und das Herz rot (если да, то уберите плюсики и покрасьте сердечко в красный – перефразированное поставьте лайк и подпишитесь на канал)*²⁰).

Описание примеров и погружение интерпретации лингвистических явлений в ситуативный контекст коммуникации в TikTok, естественно, требуют подключения визуальных ресурсов, типичных для ведения видеоблога. Например, значимые текстовые примеры могут выводиться поверх видео и выделяться с помощью цвета или эмодзи; функции *Duett* и *Stitch* позволяют «сшить» в единое визуальное целое фрагменты разных видеофайлов; наложение на основной кадр дополнительных статических и динамических визуальных объектов (интернет-мемов, стикеров, фотографий и пр.) дают основания говорить о реализации стратегии *Layered Storytelling* [29, с. 10–14] – *многослойного повествования*, типичного для коммуникации в TikTok, которую в целом отличает высокая семиотическая плотность. Кроме того, более активные, чем в академическом контексте, жесты и мимика, а также типичные жесты-указания на ссылки или примеры, размещенные в кадре, или на кнопку подписки на канал за рамками кадра также свидетельствуют о том, что Майер-Фиракер выстраивает взаимодействие с реципиентами не только из позиции эксперта по

¹⁸ Man muss nicht von einer Bürger*innenmeister*innenwahl sprechen. #linguistiktok Bross, Fabian & Lea-Sophie Kurz. 2023. Zur Wahrnehmung des generischen Maskulinums in Erstgliedern von Komposita und maskuliner Epizöna. Zeitschrift für germanistische Linguistik 51(3). 397–423. Nübling, Damaris & Helga Kotthoff. 2018. Gender-Linguistik. Eine Einführung in Sprache, Gespräch und Geschlecht. Tübingen: Narr. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7338809303593258272?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7384482779763492395 (дата обращения: 26.01.2024).

¹⁹ #stitch mit @Schönfärberin ziemlich lange her to be honest #linguistiktok. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7330164097067076897?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7384482779763492395 (дата обращения: 26.01.2024).

²⁰ #stitch mit @Hummel Die Linguistik zeigt uns, dass das war kein simpler Versprecher. #linguistiktok #language #grammar #foryou #fyp. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7172086994737040645?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7389601936368076294 (дата обращения: 26.01.2024).

Рис. 1. Жест-указание «подписаться на канал»

Fig. 1. The “subscribe to channel” gesture

языковым вопросам, но и как активный пользователь платформы, хорошо знакомый с особенностями коммуникации в формате коротких видео (рис. 1).

Необходимо, однако, заметить, что визуальный элемент видео, вопреки нашему исходному предположению, не сфокусирован исключительно на контекстуальном построении идентичности Майера-Фиракера-видеоблогера. Взаимная интеграция «мира показанного» и «мира рассказанного» [30, с. 90] формирует новые визуально-вербальные социокоммуникативные практики, которые соотносятся в первую очередь с необходимостью четко маркировать «напряженный диалог конкретного исследователя с представителями профессионального сообщества специалистов, с которыми он себя идентифицирует» [31, с. 87], взаимодействие старого и нового научного знания, выделение своего вклада на фоне уже существующих результатов. Посредником между структурами научного знания в тиктоках выступает *мультимодальное цитирование*, которое складывается из вербального указания на определенный источник научной информации, например: *Nicht umsonst hat Dagobert Höllein seine ganze Dissertation über die Abgrenzung von Präpositionalobjekten und Adverbialen geschrieben (Не зря Дагоберт Хёлляйн написал целую диссертацию о различиях между предложными объектами и обстоятельствами)*²¹ и демонстрации (обложки, разворота, страницы) монографии/статьи в кадре. Отметим, что дихотомия «свое» vs. «чужое», «старое» vs. «новое» поддерживается и за счет расположения объектов визуального уровня в кадре: на переднем плане находится фигура говорящего – автора видео, дополняющего своей интерпретацией языковых явлений массив уже существующего знания, в то время как упоминаемая монография используется как фоновый слой изображения (рис. 2).

Мультимодальное цитирование зафиксировано в 63 коротких видео из нашей выборки. В среднем, как показывают результаты вычислений, приведенные в таблице 1, мультимодальное цитирование занимает 26% времени видео, что составляет практически 1/3 от усредненного значения суммарной длительности научно-популярных лингвистических тиктоков.

Как и в письменных научных и научно-популярных текстах, мультимодальное цитирование может включать в себя случаи самоцитирования; обращения к печатной литературе дополняются апелляцией к интернет-источникам научных сведений о языке, ср. упоминание профессором Майером-Фиракером своей книги, использование результатов проекта *Atlas zur deutschen*

²¹ #stitch mit @Christian Spannagel Abstraktion ist etwas, dass wir im Grammatikunterricht unbedingt vermitteln müssen. #linguistiktok #language #grammar Quelle: Höllein, Dagobert (2019). Präpositionalobjekt vs. Adverbial: Die semantischen Rollen der Präpositionalobjekte. Berlin, Boston: De Gruyter. URL: https://www.tiktok.com/@fussballinguist/video/7296767628914298145?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7384543607677912608 (дата обращения: 26.01.2024).

Таблица 1. Доля мультимодального цитирования в научно-популярных лингвистических тиктоках
Table 1. The proportion of multimodal citations in popular science linguistic tictocs

	Суммарная длительность (с.)	Мультимодальное цитирование (с.)	Доля мультимодального цитирования (%)
1.	40	30	75%
2.	18	8	44%
3.	212	75	35%
4.	48	15	31%
5.	109	7	6%
6.	56	48	86%
7.	30	8	27%
8.	20	8	40%
9.	15	9	60%
10.	79	52	66%
11.	9	0	0%
12.	134	22	16%
13.	58	4	7%
14.	59	0	0%
15.	59	0	0%
16.	121	43	36%
17.	43	23	53%
18.	141	14	10%
19.	57	30	53%
20.	127	71	56%
21.	6	0	0%
22.	59	37	63%
23.	13	0	0%
24.	162	9	6%
25.	9	0	0%
26.	139	51	37%
27.	58	16	28%
28.	58	26	45%
29.	49	0	0%
30.	51	4	8%
31.	7	0	0%
32.	52	0	0%
33.	59	9	15%
34.	55	0	0%
35.	11	0	0%
36.	45	0	0%
37.	58	17	29%
38.	58	15	26%
39.	57	18	32%
40.	59	0	0%
41.	12	0	0%
42.	55	22	40%
43.	48	0	0%

Продолжение таблицы 1

	Суммарная длительность (с.)	Мультимодальное цитирование (с.)	Доля мультимодального цитирования (%)
44.	55	0	0%
45.	35	0	0%
46.	123	37	30%
47.	56	13	23%
48.	59	0	0%
49.	52	5	10%
50.	58	35	60%
51.	7	0	0%
52.	58	45	78%
53.	58	21	36%
54.	55	16	29%
55.	12	0	0%
56.	59	0	0%
57.	54	33	61%
58.	150	124	83%
59.	108	28	26%
60.	57	24	42%
61.	56	36	64%
62.	156	30	19%
63.	58	40	69%
64.	7	0	0%
65.	59	5	8%
66.	14	8	57%
67.	6	0	0%
68.	52	0	0%
69.	58	0	0%
70.	58	27	47%
71.	58	31	53%
72.	18	0	0%
73.	57	11	19%
74.	145	0	0%
75.	56	0	0%
76.	145	111	77%
77.	58	0	0%
78.	58	0	0%
79.	59	35	59%
80.	59	28	47%
81.	176	0	0%
82.	58	25	43%
83.	56	20	36%
84.	58	10	17%
85.	57	0	0%
86.	24	0	0%
87.	56	17	30%
88.	57	14	25%

Окончание таблицы 1

	Суммарная длительность (с.)	Мультимодальное цитирование (с.)	Доля мультимодального цитирования (%)
89.	55	0	0%
90.	59	23	39%
91.	59	34	58%
92.	122	67	55%
93.	173	87	50%
94.	167	81	49%
95.	9	0	0%
96.	10	0	0%
97.	73	0	0%
98.	154	0	0%
99.	165	61	37%
100.	54	49	91%
СР. ЗНАЧ	66	19	26%

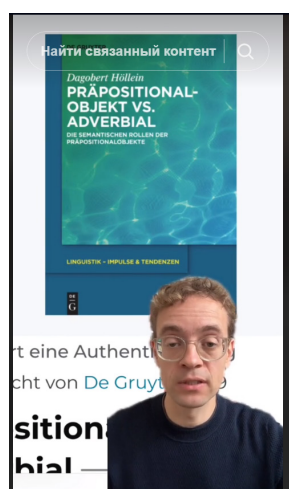

Рис. 2. Визуальная составляющая мультимодального цитирования

Fig. 2. The visual component of multimodal citation

Alltagssprache при обсуждении регионально обусловленных лексических и коммуникативно-прагматических особенностей в ситуациях приветствия/прощания, а также указание на конкретную страницу монографии других авторов.

Несмотря на функциональное сходство мультимодального цитирования с коммуникативными практиками, традиционно направляющими общение в ситуациях «исследователь – исследователь», «исследователь – общественность», нельзя не отметить одно существенное различие (рис. 3). Визуально «цитироваться» могут не только избранные страницы, положения, таблицы и иллюстрации, но и обложки научных монографий и научно-популярных изданий. Так как обложка не позволяет четко обозначить используемый сегмент наличного знания, но формирует у интернет-пользователей устойчивую визуальную ассоциацию с обсуждаемой темой, вероятно, такую разновидность мультимодального цитирования можно рассматривать как инструмент рекламы или саморекламы исследователя в условиях популярной платформы онлайн-общения.

Лингвист в TikTok

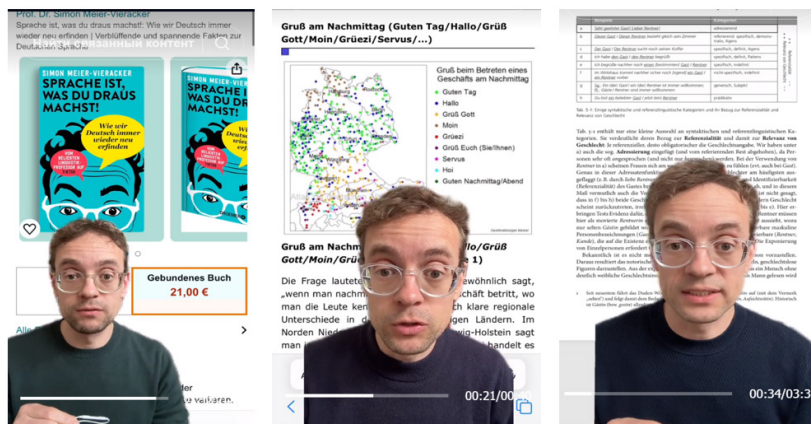

Рис. 3. Разновидности мультимодального цитирования

Fig. 3. Types of multimodal citation

Заключение

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о том, что короткое научно-популярное видео лингвистической тематики интегрирует традиционные способы распространения научного знания с мультимодальными коммуникативными практиками, в которых автор видео предстает как исследователь-эксперт в своей области и вместе с тем как активный пользователь платформы, владеющий широким инструментарием вербальных и визуальных средств эффективного воздействия на реципиента. Таким образом, исходная гипотеза о разделении функций вербальной и визуальной составляющих коротких видео сменяется подтверждением взаимного проникновения различных семиотических уровней. Характерным примером такой интеграции следует признать практику мультимодального цитирования, соответствующую как основополагающим правилам корректного взаимодействия структур знания в научной и научно-популярной коммуникации, так и условиям видеокommunikации на платформе.

В рамках исследования намечены структурные и содержательные особенности короткого видео лингвистической тематики, выделены и описаны типичные блоки информации и связи между ними. Для повышения объективности этого результата потребуется, однако, сопоставление лингвистических тиктоков одного автора с тиктоками других авторов коротких видео лингвистической тематики. Кроме того, для изучения коммуникативно-прагматических стратегий трансляции научного результата на широкую аудиторию представляется продуктивным кросс-платформенным и межкультурным сопоставлением, подключающим к анализу короткие видео из других источников и на других языках. Такое решение дополнит существующие представления о жанрах и форматах коммуникации в новых медиа и позволит внести вклад в развитие интернет-лингвистики в эпоху Web 3.0.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. McLuhan M. Understanding media: The extensions of man. New York: McGraw Hill, 1964. 365 pp.
2. Stöckl H., Caple H., Pflaeging J. Shifts toward Image-Centricity in Contemporary Multimodal Practices. An Introduction // Shifts towards Image-centricity in Contemporary Multimodal Practices /

ed. by H. Stöckl, H. Caple, J. Pflaeging. New York: Routledge, 2020. P. 1–16. DOI: 10.4324/97804294-87965-1

3. **Boffone T.** Introduction: The Rise of TikTok in US Culture // *TikTok Cultures in the United States* / ed. by T. Boffone. London; New York: Routledge, 2022. P. 1–15.

4. **Бусуркина И.П.** Этика и ценности в цифровом пространстве: на примере пародийных видео в TikTok // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3, № 3. С. 374–389. DOI: 10.46539/gmd.v3i3.137

5. **Готовцева А.Г., Карпов Э.С.** Лингвосемиотические особенности текста в TikTok: «чужое слово» в новой мультимедийной реальности // *Litera*. 2021. № 4. С. 127–134. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.4.35321

6. **Бирюкова П.С., Самойлова А.В.** TikTok сленг в современном медиапространстве // *Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов* / под ред. А.В. Зиньковской, В.В. Катерминой, С.Х. Липириди, А.М. Прима, А.В. Самойловой. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 4–12.

7. **Евграфова Ю.А., Максименко О.И.** Лингвосемиотические особенности экранных текстов: неподвижная подвижность (на примере TikTok) // *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2022. №4 (52). С. 137–148. DOI: 10.31249/chel/2022.04.09

8. **Родькин П.Е.** Медиа ситуационизм: ТикТок как реакционный модернизм // *Медиа искусство – XXI век. Генезис, художественные программы, вопросы образования: материалы международной научно-практической конференции*. М., 2023. С. 347–358.

9. **Иванова С.В.** Профессионал в цифровом пространстве: стратегии создания и трансформации образа // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15, № 2. С. 36–44. DOI: 10.18721/JHSS.15203

10. **Rejeb A., Rejeb K., Appolloni A., Treiblmaier H.** Foundations and knowledge clusters in TikTok (Douyin) research: evidence from bibliometric and topic modelling analysis // *Multimedia Tools and Applications*. 2024. Vol. 83. P. 32213–32243. DOI: 10.1007/s11042-023-16768-x

11. **Ясаков Ю.Д.** Социальная сеть ТикТок как место объединения проблем пользователей // *Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова: материалы конференции*. Белгород, 2021. С. 6034–6037.

12. **Фуфаева М.И., Клищенко А.И., Окушова Г.А.** Специфика коротких видео тикток-формата в медиасфере // *Визуальные медиакоммуникации и реклама: новые технологии и методология исследований: материалы II Международной научно-практической конференции*. Челябинск, 2022. С. 376–381.

13. **Отичев Е.О.** Платформа TikTok: инструменты и методы продвижения брендов, товаров и услуг // *Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна*. 2021. № 2. С. 125–129.

14. **Пейгина Л.В., Теплякова А.О.** От YouTube к TikTok: демократизация процесса производства фанатских видео на примере русскоязычной фандомной культуры // *XIV конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов*. Томск, 2021. С. 600–601.

15. **Ажнова А.А.** Платформа TikTok как инструмент цифрового маркетинга // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2021. № 5–1 (75). С. 9–13. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-5-1-9-13

16. **Лебедева В.С.** Потенциал использования социальной сети «TikTok» в анимационной деятельности современного музея // *Вопросы педагогики*. 2021. № 8. С. 115–118.

17. **Иванова Е.А., Король Е.В.** Использование социальной сети «TikTok» в обучении монологу // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 5. С. 59–62. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.5.14

18. **Dwipa E., Raden A.N.K., Fajar G., Aghna Th.A., Reza A.M.** The Implementation of TikTok as Medium for Learning of English Vocabulary: The Perspective of Department English Education Students // *Jurnal Onoma: Pendidikan, Bahasa dan Sastra*. 2024. Vol. 10, No. 1. P. 977–992. DOI: 10.30605/onoma.v10i1.3280

19. **Gürer D., Hubbard J., Bohon W.** Science on social media // *Communication earth & environment*. 2023. Vol. 4. Article no. 148. DOI: 10.1038/s43247-023-00810-9

20. **Кушнерук С.Л.** Телеграм-дискурс как порождение цифровой экосистемы: визуализация формата // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15, № 2. С. 85–91. DOI: 10.18721/JHSS.15208

21. **Kress G.** *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*. London; New York: Routledge, 2010. 212 p.

22. **Fleck L.** Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980. 190 S.
23. **Шрамко Л.И.** Стратегии и тактики создания имиджа политика в современных медиа (на примере англоязычной качественной прессы) // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15, № 3. С. 99–108. DOI: 10.18721/JHSS.15309
24. **Spitzmüller J.** „Sprache“ – „Metasprache“ – „Metapragmatik“: Sprache und sprachliches Handeln als Gegenstand sozialer Reflexion // *Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit (Handbuch Sprachwissen 10)* / hrsg. von G. Antos, Th. Niehr, J. Spitzmüller. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. S. 11–30. DOI: 10.1515/9783110296150-002
25. **Rössler P.** Gutes Deutsch, schlechtes Deutsch: Sprachrichtigkeit und Normen als metasprachliches Thema // *Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit (Handbuch Sprachwissen 10)* / hrsg. von G. Antos, Th. Niehr, J. Spitzmüller. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. S. 400–423. DOI: 10.1515/9783110296150-018
26. **Вороновская И.А.** Системно-языковые и экстралингвистические средства выражения экспрессивности в немецкоязычных интернет-мемах // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2022. Т. 12. С. 196–217. DOI: 10.21638/spbu33.2022.110
27. **Dijck van J., Poell Th.** Understanding Social Media Logic // *Media and Communication*. 2013. Vol. 1., Iss. 1. P. 2–14. DOI: 10.12924/mac2013.01010002
28. **Ильин В.В.** Критерии научности знания. М.: Высшая школа, 1989. 128 с.
29. **Bösch M., Köver Ch.** Schluss mit lustig? TikTok als Plattform für politische Kommunikation. Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung, 2021. 22 S.
30. **Кресс Г.** Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // *Политическая наука*. 2016. № 3. С. 77–100.
31. **Нефёдов С.Т.** Диалог «известного» и «нового»: стратегии оперирования прецедентным научным знанием // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2019. Т. 9. С. 67–90.

REFERENCES

- [1] **McLuhan M.**, *Understanding media: The extensions of man*, McGraw Hill, New York, 1964.
- [2] **Stöckl H., Caple H., Pflaeging J.**, Shifts toward Image-Centricity in Contemporary Multimodal Practices. An Introduction, Shifts towards Image-centricity in Contemporary Multimodal Practices, ed. by H. Stöckl, H. Caple, J. Pflaeging, Routledge, New York, 2020, pp. 1–16. DOI: 10.4324/9780429487965-1
- [3] **Boffone T.**, Introduction: The Rise of TikTok in US Culture, *TikTok Cultures in the United States*, ed. by T. Boffone, Routledge, London, New York, 2022, pp. 1–15.
- [4] **Busurkina I.P.**, Ethics and Values in the Digital Environment: by the Example of Parody Videos on TikTok, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3 (3) (2021) 374–389. DOI: 10.46539/gmd.v3i3.137
- [5] **Gotovtseva A.G., Karpov E.S.**, Linguosemiotic features of text in TikTok: “alien word” in a new multimedia reality, *Litera*, 4 (2021) 127–134. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.4.35321
- [6] **Biryukova P.S., Samoylova A.V.**, TikTok sleng v sovremennom mediaprostranstve [TikTok slang in modern media space], *Mezhdistsiplinarnyye aspekty lingvisticheskikh issledovaniy [Interdisciplinary aspects of linguistic research]*, Coll. of Sci. Trans., ed. by A.V.Zinkovskaya, V.V. Katermina, S.Kh. Lipiridi, A.M. Prima, A.V. Samoylova, Kuban State University, Krasnodar, 2022, pp. 4–12.
- [7] **Yevgrafova Yu.A., Maksimenko O.I.**, Linguasemiotic features of screen texts: still mobility (case study of TikTok), *Human being: Image and essence. Humanitarian aspects*, 4 (52) (2022) 137–148. DOI: 10.31249/chel/2022.04.09
- [8] **Rodkin P.Ye.**, Mediasituatsionizm: TikTok kak reaktionnyy modernizm [Media situationism: TikTok as reactional modernism], *Mediaiskusstvo – XXI vek. Genezis, khudozhestvennyye programmy, voprosy obrazovaniya [Media Art – XXI Century. Genesis, Art Programs, Educational Issues]*, Proc. of the Int. Conf., Moscow, 2023, pp. 347–358.
- [9] **Ivanova S.V.**, A professional in digital space: strategies of creating and transforming the image, *Terra Linguistica*, 15 (2) (2024) 36–44. DOI: 10.18721/JHSS.15203

[10] **Rejeb A., Rejeb K., Appolloni A., Treiblmaier H.**, Foundations and knowledge clusters in TikTok (Douyin) research: evidence from bibliometric and topic modelling analysis, *Multimedia Tools and Applications*, 83 (2024) 32213–32243. DOI: 10.1007/s11042-023-16768-x

[11] **Yasakov Yu.D.**, Sotsialnaya set TikTok kak mesto obyedineniya problem polzovately [TikTok social network as a place where users' problems are brought together], *Mezhdunarodnaya nauchno-tehnicheskaya konferentsiya molodykh uchenykh BGTU im. V.G. Shukhova* [International scientific and technical conference of young scientists of BSTU named after V.G. Shukhov], *Proc. of the Int. Conf.*, Belgorod, 2021, pp. 6034–6037.

[12] **Fufayeva M.I., Klishchenko A.I., Okushova G.A.**, Spetsifika korotkikh video tiktok-formata v mediasfere [Particularity short TikTok's format in the sphere of media], *Vizualnyye mediakommunikatsii i reklama: novyye tekhnologii i metodologiya issledovaniy* [Visual media communications and advertising: new technologies and research methodology], *Proc. of the 2nd Int. Sci.-Prac. Conf.*, Chelyabinsk, 2022, pp. 376–381.

[13] **Otichev Ye.O.**, TikTok platform: tools and methods for promoting brands, products and services, *Vestnik molodykh uchenykh Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna* [Bulletin of the Young Scientists of St. Petersburg State University of Technology and Design], 2 (2021) 125–129.

[14] **Peygina L.V., Teplyakova A.O.**, Ot YouTube k TikTok: demokratizatsiya protsessa proizvodstva fanatskikh video na primere russkoyazychnoy fandomnoy kultury [Democratisation of the process of fan video production in the context of cultural logic of late capitalism], *XIV Kongress antropologov i etnologov Rossii* [The 14th Congress of anthropologists and ethnologists in Russia], *Proc. of the Int. Cong.*, Tomsk, 2021, pp. 600–601.

[15] **Azhnova A.A.**, Modern tendencies in marketing development in Russia, *Journal of Economy and Business*, 5–1 (75) (2021) 9–13. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-5-1-9-13

[16] **Lebedeva V.S.**, Potentsial of using the social network “TikTok” in the animation activities of a modern museum, *Voprosy pedagogiki*, 8 (2021) 115–118.

[17] **Ivanova Ye.A., Korol Ye.V.**, Social network “TikTok” in teaching monologue, *Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities*, 5 (2023) 59–62. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.5.14

[18] **Dwipa E., Raden A.N.K., Fajar G., Aghna Th.A., Reza A.M.**, The Implementation of TikTok as Medium for Learning of English Vocabulary: The Perspective of Department English Education Students, *Jurnal Onoma: Pendidikan, Bahasa dan Sastra*, 10 (1) (2024) 977–992. DOI: 10.30605/onoma.v10i1.3280

[19] **Gürer D., Hubbard J., Bohon W.**, Science on social media, *Communication earth & environment*, 4 (2023) 148. DOI: 10.1038/s43247-023-00810-9

[20] **Kushneruk S.L.**, Telegram discourse as product of digital ecosystem: visualization of format, *Terra Linguistica*, 15 (2) (2024) 85–91. DOI: 10.18721/JHSS.15208

[21] **Kress G.**, *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*, Routledge, London, New York, 2010.

[22] **Fleck L.**, *Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv*, Suhrkamp, Frankfurt am Main, 1980.

[23] **Shramko L.I.**, Strategies and tactics of creating a politician's image in the modern media (on the example of English-speaking quality press), *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 99–108. DOI: 10.18721/JHSS.15309

[24] **Spitzmüller J.**, „Sprache“ – „Metasprache“ – „Metapragmatik“: Sprache und sprachliches Handeln als Gegenstand sozialer Reflexion, *Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit (Handbuch Sprachwissen 10)*, hrsg. von G. Antos, Th. Niehr, J. Spitzmüller, De Gruyter, Berlin, Boston, 2019, pp. 11–30. DOI:10.1515/9783110296150-002

[25] **Rössler P.**, Gutes Deutsch, schlechtes Deutsch: Sprachrichtigkeit und Normen als metasprachliches Thema, *Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit (Handbuch Sprachwissen 10)*, hrsg. von G. Antos, Th. Niehr, J. Spitzmüller, De Gruyter, Berlin, Boston, 2019, pp. 400–423. DOI: 10.1515/9783110296150-018

[26] **Voronovskaya I.A.**, System-linguistic and extralinguistic means of expressiveness expression in German-language internet memes, *German Philology at the St Petersburg State University*, 12 (2022) 196–217. DOI: 10.21638/spbu33.2022.110

[27] **Dijck van J., Poell Th.**, *Understanding Social Media Logic*, *Media and Communication*, 1 (1) (2013) 2–14. DOI: 10.12924/mac2013.01010002

[28] **Ilin V.V.**, Criteria of scientific knowledge, Vysshaia shkola, Moscow, 1989.

[29] **Bösch M., Köver Ch.**, Schluss mit lustig? TikTok als Plattform für politische Kommunikation, Rosa-Luxemburg-Stiftung, Berlin, 2021.

[30] **Kress G.**, Social semiotic and the challenge of multimodality, Political science (RU), 3 (2016) 77–100.

[32] **Nefedov S.T.**, Dialog between existing and new knowledge: strategies of precedent scientific knowledge operation, German Philology at the St Petersburg State University, 9 (2019) 67–90.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Кондратенко Полина Игоревна

Polina I. Kondratenko

E-mail: p.kondratenko@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6749-3047>

Поступила: 12.06.2024; Одобрена: 02.09.2024; Принята: 28.03.2025.

Submitted: 12.06.2024; Approved: 02.09.2024; Accepted: 28.03.2025.

Научная статья

УДК 81'42+82.1

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16104>

EDN: <https://elibrary/NDGDVP>

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ВНЕВРЕМЕННОЙ ДИАЛОГ ТВОРЦОВ: «РАВНОДЕНСТВИЕ» МАНДЕЛЬШТАМА И «ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ» ПАСТЕРНАКА

С.Г. Николаев

Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 nikolaev_s@bk.ru

Аннотация. В центр внимания в статье помещен особый тип поэтического дискурса, участниками которого выступают не поэт и коллективный читатель, а два поэта, две активные творческие личности. Подобный дискурс-диалог складывается из совокупности текстов не менее двух («реплика-посыл» и «реплика-ответ») и может игнорировать фактор реального времени. Исследование проводится на материале двух стихотворений, «охватывающих» собою русскую поэтическую традицию Серебряного века своеобразным концептуально-тематическим кольцом. Комплексная цель исследования – выделить особый сегмент национального поэтического дискурса, который представлен взаимообусловленными текстами разных сочинителей; описать и охарактеризовать межтекстовые сущностные и логико-иерархические ассоциации; терминировать изучаемый феномен в рамках национально-культурной, лингвистической, текстологической, дискурсологической парадигм. Основной метод – описательный, реализованный посредством вскрытия, обобщения, систематизации, соотнесения приемов, средств, мотивов и смыслов поэтических произведений. Чисто лингвистические методы включали контекстный анализ текста и последовательную лингвистическую, по преимуществу семантическую и семиотическую интерпретацию его компонентов. Разбору и сопоставлению подвергаются лексические, синтаксические, экспрессивно-стилистические, фонетические, версификационные, содержательные специфики текстов с выявлением в них параллелей и расхождений, как очевидных, так и скрытых. Единый концептуальный фон текстов – явление солнцестояния – подтверждается аналогиями, основанными на общности признаков в описании природы и времени и, дополнительно, творчества/культуры у Манделштама и человеческой любви у Пастернака. Рассмотренное коммуникативное явление предлагается именовать вневременным межличностным творческим дискурсом диалогического типа.

Ключевые слова: поэтический текст, поэтический дискурс, Осип Манделштама, Борис Пастернак, разноуровневые средства экспрессивной стилистики, поэтический концепт, дискурс диалогического типа.

Для цитирования: Николаев С.Г. Поэтический дискурс как вневременной диалог творцов: «Равноденствие» Манделштама и «Единственные дни» Пастернака // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 1. С. 47–60. DOI: 10.18721/JHSS.16104

POETIC DISCOURSE AS A AUTHORS' SUPERTEMPORAL DIALOGUE: *EQUINOX* BY MANDELSTAM AND *THE ONLY DAYS* BY PASTERNAK

S.G. Nikolaev

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation

 nikolaev_s@bk.ru

Abstract. This article is a scholarly research based on contrastive comparison of two poems created at various times by two Russian Silver Age poets. The objectives set forth were to reveal and juxtapose the expressive stylistic means and devices of both texts employed as discursive guides for a resulting poetic dialogue. The principal method was descriptive based on comparison, systematization and contrasting formal and semantic features of the two texts. Purely linguistic methods included contextual and stylistic analysis and gradual complex, primarily expressive stylistic interpretation of the texts' split-level components. It is concluded that there exist some certain segments within the national poetic discourse, which in their totality and continuity may be rightfully qualified as a supertemporal interpersonal creative discourse of a dialogue type. Numerous instances of the above kind can be found within other national cultures, as well as in the world cross-cultural communicative space.

Keywords: poetic text, poetic discourse, Osip Mandelstam, Boris Pasternak, split-level means of expressive stylistics, poetic concept, discourse of a dialogue type.

Citation: Nikolaev S.G., Poetic discourse as a authors' supertemporal dialogue: *Equinox* by Mandelstam and *The Only Days* by Pasternak, *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 47–60. DOI: 10.18721/JHSS.16104

Введение. Постановка проблемы, цель, задачи, методы

Проблема выделения и разграничения типов дискурса, или, иначе, типологизации дискурсивных разновидностей, была осознана как насущная почти одновременно с признанием остроты и неизбежности дискурсологического угла зрения на феномен человеческой (социальной, индивидуальной, личностной, языковой, внеязыковой, любой иной) коммуникации и, соответственно, новизны и перспективности дискурсивного вектора в изучении общения в целом. Поэтический дискурс, понимаемый как живой, лабильный культурный процесс, онтологически связан с поэтическим текстом — артефактом со всеми свойствами статической константы. В указанной выше типологии, как и в общефилологической познавательной парадигме, поэтический дискурс сразу занял исключительное, но вовсе не периферийное (ввиду «самости» поэтической речи) положение. Как исследовательский объект он и сегодня представляет научный интерес, поскольку остается изученным фрагментарно и далеко не в полной мере. Отсюда актуальность настоящей работы, выполненной в рамках лингвистики (с акцентом на лингвистическую теорию художественного текста), дискурсологии, экспрессивной стилистики, когнитивной поэтики. Актуальным в статье может также считаться рассмотрение поэтического дискурса в свете теории прецедентности и интертекстуальности.

Заявленную в заглавии дискурсивную разновидность следует расценивать как чрезвычайно сложный по коммуникативной природе, разветвленный и то же время осязаемо упорядоченный конструкт — «гетерогенное единство, реализующееся как результат социального, исторического, культурологического процессов в виде поэтических текстов»¹. А текст в поэзии представляет собой, помимо прочего, когнитивную единицу, которая «отражает специфику художественного

¹ Монгилева Н.В. Семантическое пространство поэтического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: 2004. С. 25.

мышления, конститутивным признаком которого является образность» [1, с. 177]. Поэтический текст, определяемый как «многомерная система, структурно (относительно) закрытая и семантически открытая, имеющая форму наслаения, характеризуется возможностью внутренней саморегуляции», это одновременно и система, которая «реализует гармонические возможности в параметрах горизонтали, вертикали и „глубины“» [2, с. 22].

В филологии последнего времени наметилось устойчивое стремление к уяснению закономерностей функционирования коммуникативной единицы, представленной поэтическим текстом, с намеренным «подключением» к дискуссии поэтического дискурса. И.И. Чумак-Жунь трактует отношения текста и дискурса в поэзии как двунаправленные: «Поэтический дискурс – это сложная, нелинейно организованная система поэтических текстов, образно-речевые элементы которой представляют собой интегративное и системно связанное единство их языковых, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических свойств. Понимание поэтического дискурса как системы включает одновременно и динамический процесс образноречевой деятельности, вписанной в соответствующий метаконтекст, и его результат – поэтический текст»².

Расширяя функциональные границы поэтического дискурса, выводя его за пределы собственно поэзии и объединяя с музыкальным семиотическим компонентом – «фоном», О.И. Максименко и В.В. Подрядова пишут: «Поэтический дискурс представляет собой сложную систему, объединяющуюся вокруг стихотворного текста, наполненную прагматическим содержанием и репрезентирующую индивидуальные характеристики отправителя и получателя стихотворного текста» [3, с. 33].

В работе, специально посвященной взаимоотношению понятий «язык поэзии» и «поэтический дискурс», С. Ван справедливо утверждает, что «поэтический дискурс представляет собой модус художественного дискурса, характеризующегося наличием диалога между автором и читателем не в смысле формирования материализованных высказываний реципиента, а в смысле прогностического проектирования внутреннего диалога „транслятор – реципиент“ в сознании автора поэтического произведения на основе его личной рефлексии» [4, с. 124]. Из последней цитаты явствует, насколько важное значение в рассуждениях о коммуникативной природе и определяющих принципах построения поэтического дискурса придается постулату о его диалогизме. Два участника диалога-дискурса естественным образом определяются как автор (поэт) и читатель (дешифратор) текста или, иначе, субъект и объект речи – единая и одновременно дискретная личность. «Поэтическая языковая личность – уникальный тип языковой личности со специфической смысловой структурой сознания, которое может воплощаться в двух ипостасях – автора и адресата (поэта и читателя)»³.

Мнение о писателе и читателе как об очевидных и неоспоримых участниках литературного дискурса высказывается в большинстве работ сходной тематики. Однако признавать такую коммуникацию полноценным двусторонним и двунаправленным дискурсом, к тому же диалогического типа, едва ли правомерно – хотя бы по причине жесткого закрепления ролей за его участниками и асимметричности их функций. Действительно, продуцентом высказывания – текста, причем чаще всего письменного, выступает автор, а его реципиентом – массовый, т.е. лишенный отчетливых индивидуальных черт, читатель. Но главное различие следует усматривать в том, что поэт есть личность творческая и потому исключительная, чего нельзя сказать о читателе: «вторгаться» в статичный текст он не может.

Допустима и другая, расширенная точка зрения на такой диалог, не противоречащая первой, но подразумевающая реципиента качественно иного функционального типа. Это личность, которая выполняет уже две роли – и читателя, и творца в рамках единого акта дискурсивной

² Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009. С. 8.

³ Там же. С. 10.

поэтической деятельности. В.И. Карасик вводит в обсуждаемую схему, в качестве активного адресата, создателя другого, нового текста, возникающего в результате творческого диалога как «текст-ответ», «текст-реакция» на исходное поэтическое сообщение. Ученый уточняет: «Поэтический диалог в прямом смысле слова как диалог поэтов, обменивающихся ритмически организованными высказываниями, имеет место в опосредованном временном режиме, когда возникают ответные поэтические произведения на одну и ту же тему либо по одному и тому же поводу» [5, с. 414].

В этом последнем случае субъектно-объектные характеристики и отношения в коммуникации должны быть существенно пересмотрены: читатель, традиционно воспринимаемый как пассивный объект, приобретает права и черты субъекта. Так происходит даже в том случае, когда роль воспринимающей стороны сводится к интерпретации художественного текста. Активную позицию интерпретирующего участника в раскрытии коммуникативного назначения текста показывает В.Е. Чернявская: по убеждению ученого, адресат является для автора и объектом воздействия (через текст), и субъектом декодирования сообщения: адресат имеет собственные коммуникативно-прагматические установки, собственные фоновые знания, заставляющие по-разному «мерцать» текстовые смыслы⁴. Тем более оправданной будет подобная трактовка деятельной роли читателя, если он включается в дискурс как создатель, творец: тогда диалог, в нашем случае поэтический, превращается в динамический процесс, начало и конец которого теряются во времени, т.е. утрачивают, ввиду своей непрерывности и неиссякаемости, четкость своих физических границ.

Убедительным доказательством и образцом подобного диалога-дискурса может служить ритмическая преемственность в русском классическом стихотворчестве, при которой постепенно, в течение десятилетий, а в иных случаях веков, складываются ассоциации между стихотворным метром и содержанием метрически гомогенной группы «знаковых» текстов, заметно отстоящих друг от друга по времени создания. М.Л. Гаспаров называл действие таких связей «механизмом культурной памяти», подчеркивая, что в национальной поэзии подобные механизмы прослеживаются не единично, исключительно, а в виде совокупностей, т.е. исключительно системно [6].

Подвижность художественного дискурса отнюдь не ограничивается областью формального в поэтических текстах (стихотворные размеры), но распространяется и на смыслы, их сочетания и сплетения: «Смысловая многомерность художественного текста – фактор динамического характера» [7, с. 82].

Еще точнее и отчетливее относительно национальной «культурной памяти» высказывался Ю.М. Лотман: «...тексты, достигшие по сложности своей организации уровня искусства, вообще не могут быть пассивными хранилищами константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами. Смыслы в памяти культуры не „хранятся“, а растут. Тексты, образующие „общую память“ культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые» [8, с. 202].

Распространенной в научно-популярной и собственно научной литературе номинацией, обозначающей данное явление, стала метафора «переключка» – слово, которое едва ли может считаться термином и функционировать как таковой ввиду своей понятийной неопределенности. Иначе говоря, обсуждаемое явление до сих пор не терминовано, как и не существует строгой научной дефиниции соответствующего ему понятия.

Отсюда комплексная цель исследования: выделить тот особый сегмент национального поэтического дискурса, который представлен взаимообусловленными текстами разных сочинителей; описать и охарактеризовать межтекстовые сущностные и логико-иерархические ассоциации; терминовать изучаемый феномен в рамках национально-культурной, лингвистической, дискурсологической парадигм. Целью обусловлены задачи: выявить образно-речевые –

⁴ Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие. М.: URSS Ленанд, 2021. С. 27–28.

формальные и содержательные – маркеры исходного текста, послужившие дискурсивными опорами и ориентирами для инициации, развития и структурирования поэтического диалога; обнаружить соответствующие корреляты таких маркеров в тексте-реплике, которые в своей совокупности составляют механизм принципиально дискурсивного понимания (и интерпретации) поэтического континуума; предложить гипотетическую модель лингвопоэтического исследования, выводящую комплексный филологический анализ за пределы традиционного взгляда на поэтический текст как на автономное, обособленное высказывание.

Основным методом явился описательный, реализованный посредством вскрытия, обобщения, систематизации, соотнесения приемов, средств, мотивов и смыслов поэтических произведений. Чисто лингвистические методы предполагали контекстный анализ текста и последовательную лингвистическую, по преимуществу семантическую и семиотическую интерпретацию его компонентов. В работу также включены, в качестве вспомогательных, элементы мотивного анализа (по Б.М. Гаспарову).

Результаты и обсуждение

Материалом послужили два поэтических произведения – «Равноденствие» Осипа Мандельштама и «Единственные дни» Бориса Пастернака, между которыми, как мы предполагаем аргументированно доказать ниже, существуют несомненные и многочисленные сущностные связи ассоциативного типа, основанные как на сходстве, так и на расхождении. Приведем первый из этих текстов.

Равноденствие

*Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера,
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность, как в метрике Гомера.*

*Как бы цезурою зияет этот день:
Уже с утра покой и трудные длинноты,
Волы на пастбище, и золотая лень
Из тростника извлечь богатство целой ноты.*

1914

Изначально это стихотворение было напечатано во втором издании сборника «Камень» в 1916 году, затем вышло в третьем издании 1923 года; заглавие появилось только в беловом автографе, хранящемся в архиве Мандельштама. Восемистишие написано регулярным шестистопным ямбом с большой, главным образом мужской (в четвертом, пятом и седьмом стихах дактилической) цезурой после третьей стопы. Схема рифмовки перекрестная (аВаВ), рифмы в основном точные; бедной, банальной можно считать только внутреннюю рифму *в лесах – (в) стихах*, – впрочем, сохраненную явно намеренно. Текст интонационно разделен на две равные строфы, что графически подтверждено междустрочным интервалом и порождает впечатление фонетической и визуальной симметрии при восприятии.

Обращает на себя внимание синтаксическая организация высказывания. Стихотворение состоит из нескольких простых предложений, соединенных сочинительными связями; три первых предложения занимают первую строфу-четверостишие, четыре последующих – вторую. Из семи предложений только два – двусоставные, полные (*разлита... длительность; зияет... день*);

остальные неполные: односоставные назывные (*покой и... длинноты; волны*), двухименное (*долгота... мера*), бессубъектное (*лень... извлечь*), бытийное (*есть иволги*).

Чрезвычайно показательна фоника стихотворения. Сложную инструментовку удачно иллюстрирует первая строка: две доли, разделенные цезурой, анаграммируют друг друга, ср. сочетания согласных [лг] левой доли и [гл], [длг] правой, [л'с] левой и [лс] правой, [т'] левой и [д]/[т] правой долей; ср. также троекратный ударный (долгий) гласный заднего ряда [а] в первой строке, контрастирующий с начальным ударным гласным переднего ряда [и] в ней же.

В содержательном отношении здесь присутствуют, действуют и сопоставляются две стихии: с одной стороны — это природа, мироздание, миропорядок, с другой — искусство поэзии в ее античном, изначальном (т.е. естественном, «отприродном») виде. Конечной смысловой доминантой выступает идея сродства — равнозначности и равновеличия одной стихии (данной) другой (творимой). При таких условиях *иволги в лесах* начинают соотноситься с *долготой гласных в стихах* (напомним: пение иволги — серия коротких и один долгий нисходящий звук), *длительность в метрике* соответствует *замедленности в природе* (инвертированное подобие), *день* воспринимается *зияющей цезурой* (*день и стих*, таким образом, становятся нераздельной сущностью), *длинноты* относятся и к природе — форме жизни сущего, и к поэзии. Наконец, *тростник* завершающей строки, метонимически репрезентирующий и музыку, и искусство, и мир, должен прочитываться как многократно усложненный знак, метафорически представляющий человека — центр мироздания и творца новых миров. Последнюю мысль подтверждает заключенная в слове *тростник* аллюзия на известное высказывание французского мыслителя XVI века Блеза Паскаля «человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он тростник мыслящий», принятое Мандельштамом через призму стихов Федора Тютчева («Певучесть есть в морских волнах...», 1865).

При вычленении семантической доминанты стихотворения следует иметь в виду, что «основной ментальной единицей поэтического дискурса, формирующей дискурсивно-когнитивное пространство поэтического текста, является поэтический концепт»⁵. Безусловным, т.е. базовым, ключевым концептом текста выступает концепт *солнцестояние*: он «работает» как идейная скрепа всей вещи. Судя по полустижии *волы на пастбище*, речь идет о солнцестоянии *летнем*, явленном в одном дне; отсюда и позднее заглавие *Равноденствие*. Известно, что пора солнцестояния делит календарный год на две части, световой день летнего солнцестояния — самый длинный в году (ср. лексемы, эксплицирующие эту мысль: *долгота, длительность, длинноты*; и имплицитные ее же: *разлита, зияет, покой, лень*). Но равноденствие, по Мандельштаму, обнаруживается и в творчестве, в поэзии, в самых ранних и потому «надежных», «незыблемых» ее воплощениях — в эпических сочинениях антиков. Идея раздвоения, разлома, естественного раздела и одновременно смежности настолько важна для Мандельштама, что передается и лексически, и иконически: каждая из двух строф — отдельное сложное предложение с точкой в конце, и каждая строка благодаря цезуре распадается на две доли. Так же тематически и концептуально сопоставляются и объединяются (как равные) две автономные сущности — природная и творческая.

Обратимся ко второму тексту.

Единственные дни

*На протяженьи многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.*

⁵ Чумаков-Жунов И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII — начала XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009. С. 9.

*И целая их череда
Составилась мало-помалу —
Тех дней единственных, когда —
Нам кажется, что время стало.*

*Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыши течет,
И солнце греется на льдине.
И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.*

*И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.*

Январь 1959

Стихотворение Бориса Пастернака было впервые опубликовано в 1961 году в авторском сборнике «Стихотворения и поэмы». В тексте пять строф; стансовый тип сочинения подтверждается замкнутой синтаксической структурой четырехстиший, где каждая строфа — отдельное предложение с точкой в конце; регулярный четырехстопный ямб скреплен точными перекрестными рифмами по схеме аВаВ (о формальных признаках стансового канона см., например, соответствующую статью в Поэтическом словаре А.П. Квятковского). Заметное число «длинных» слов и сочетаний по четыре, пять и даже шесть слогов (*на протяженьи, солнцеворота, неповторим, мало-помалу, ворочаться, и не кончается* и др.) вводит в большинство строк — 18 из 20 — пиррихии с пропусками ударений; и этот интонационный принцип формирует причудливый, изысканный акцентный рисунок по ходу всей пьесы.

Фонетический облик тщательно продуман и организован, что явствует уже из заглавия, ср. соотносимые друг с другом сочетания [д'ин] — [дн'и] и те же сочетания, также под ударением, но в обратном порядке [дн'э] — [јэд'ин] в третьем стихе второй строфы. Тем не менее прецедент радикальной звукописи, столь характерной для раннего периода творчества поэта, встречается только однажды в стихе *потеют от тепла (скворешни)* в виде аллитерации [пт'] — [т'п]. В остальном фоника максимально приближена к разговорной, повествовательной, развивающей эффект монотонии (которую однократно нарушает межстрочный перенос *когда / нам кажется...*, предваряющий узловую мысль стихотворения (*что*) *время стало*).

Все предложения — сложные с преобладанием сложносочиненных; паратаксис здесь весьма выразителен при перечислении природных явлений и процессов (см. третью и пятую строфы). На функциональное предназначение намеренного повтора сочинительных союзов в этом стихотворении обратил внимание А.С. Кушнер: «Перечислительная интонация, ее однообразие, предложения, вводимые союзом „и“, — все это приближает стих к повествованию в стихах» [9, с. 191]. Важно и другое: Пастернак умышленно применяет риторическую фигуру прибавления полисиндетон, которая «особенно эффективно используется для изображения замедленного движения, а также устойчивого эмоционального состояния, постоянства в любви, ненависти и т.п.» [10, с. 156].

Заметный прием экспрессивной стилистики в тексте – олицетворение, манифестированное тремя случаями: *солнце греется на льдине, потеют от тепла скворешни и полусонным стрелкам лень / ворочаться*. Персонификация как разновидность метафоры соотносится с идеей одушевленного мира, и в ткани текста всё, пускай неохотно или неприметно, но неуклонно движется, изменяется, «ворочается», живет (*зима подходит к середине, дороги мокнут, с крыши течет* и т.п.). На этом фоне логическим контрастом читается *время стало*. С остановкой времени согласуются: нежелание часовых стрелок «ворочаться», протяженность светового дня до длительности века и даже дольше, бесконечность объята в последнем стихе пятой строфы, завершающего поспешное движение любящих друг к другу в первом стихе третьей строфы.

Медитативная тональность текста подтверждена предложением *я помню*, где местоимение обозначает говорящего субъекта, с переходом к обобщенному *нам кажется* второй строфы и повтором *я помню* в третьей. Содержание, в том что касается поверхностного плана, сводится к описанию от первого лица происходящего в природе, в меньшей мере (по объему текстового пространства) между людьми, в дни зимнего равноденствия. Этот тематический, композиционный «центр тяжести», «стержень» текста автор обозначает словом «солнцеворот», выбирая из возможных номинаций старое народное название. Что же «спасает» высказывание от обыденности, прозаизации и уверенно помещает в сферу поэтического? Это, конечно, не персонификация, не многосоюзие и не гипербола (*и дольше века*): такие приемы во множестве встречаются и в бытовом дискурсе. Несомненно, это парадокс, заявленный в тексте многократно и вариативно.

Формальный, грамматический парадокс заключен уже в номинативном заглавии *Единственные дни*; это даже позволило Б.Г. Бобылеву назвать заглавие «грамматической аномалией», а весь последующий текст – развернутой метафорической актуализацией этой аномалии, которая «возникает в результате рассогласования лексического значения и грамматического числа в слове *единственные*. Форма множественного числа „навязана“ прилагательному-определению существительным *дни* по законам грамматического плеоназма» [11]. Но в тексте, помимо грамматического, присутствует еще и ряд других, логико-семантических парадоксов. Так, первый эпизод с эффектом обманутого ожидания обнаруживается в инициальной строке стихотворения: в привычной, узуальной разговорной фразе *на протяжении многих лет* вероятное финальное *лет* заменено на *зим* (в конце второй строки ретроспективно соотносится с *солнцеворотом*, и парадокс оказывается снятым). Слово *год* в тексте хоть и не звучит, но подразумевается как отрезок времени, состоящий из *зимы* и *лета*. Далее, в первой же строфе заявлен демонстративный, развернутый парадокс-противоречие диалектического типа: *И каждый был неповторим / И повторялся*; обратим внимание на амплифицирующее действие синонимического повтора *вновь без счета*. Во второй строфе, в ее последнем стихе, читателя ждет еще одно утверждение-оксюморон: *время стало* – поданное, правда, через призму коллективного субъективного ощущения (*нам кажется, что...*). Сложный двухступенчатый логический парадокс усматривается и в предложении *солнце греется на льдине*: во-первых, солнце – источник тепла, оно греет, а не греется; во-вторых, *льдина, лед* ассоциируются как раз с холодом, *греться* на льдине невозможно. (Впрочем, показанное снова становится допустимым, если представить солнечный луч, падающий на льдину и отражающийся от нее.) После такой цепочки парадоксов естественно воспринимаются заявления последней, итоговой строфы, где уже напрямую манифестировано не просто замедленное, но остановленное время (*стрелкам лень... ворочаться; дольше века длится день; не кончается объятье*), которое, в общем, прочно связано и в коллективном бытовом, и в индивидуальном поэтическом сознании с поступательным движением, ходом, бегом, ср. фрагмент другого стихотворения Пастернака: *Потому что жизнь не ждет. / Не оглянись – и святки. / Только промежутки краткий, / Смотришь, там и новый год* («Снег идет», 1957).

Анализируя центральный образ времени в этом стихотворении, текстологи-лингвисты настаивают на наличии религиозного подтекста, обнаруживая намеки на праздник Рождества

Христова, Святки, христианскую любовь и т.п. [11, 12]. У нас имеются возражения относительно подобной гипотезы, но полемика в задачи исследования не входит, поэтому мы от нее воздержимся. Заметим лишь, что поэзия Бориса Пастернака настолько плотно насыщена сложными, подчас тщательно завуалированными, потаенными смыслами и их неожиданными комбинациями, что легко допускает разнообразие трактовок. Мы же считаем, что двумя базовыми концептами данного текста являются концепт остановившегося времени и концепт земной, человеческой любви, любви между мужчиной и женщиной. Оба концепта сближаются, сливаются и смешиваются в дни солнцеворота, когда сама природа неявно, «подспудно» благоволит возлюбленным, позволяя им в эти *единственные дни* длить объятье до бесконечности и таким образом утверждать чувство любви (личностное) в вечности (надличностное).

Кратко укажем на некоторые обстоятельства, сопутствовавшие созданию стихотворений Мандельштама и Пастернака и отчасти послужившие основанием для нашего выбора этих текстов.

Оба поэта, родившись с разницей в один год, в молодости изучали философию в Европе (Пастернак в Германии, Мандельштам во Франции). Оба жили и творили в одну историческую эпоху, стали свидетелями и участниками колоссальных, драматических социальных перемен. Ранний, дореволюционный Пастернак относил себя к футуристам; Мандельштам периода «Камня» решительно уходил от символизма в сторону нового направления — акмеизма, одним из создателей и идеологов которого он и стал. И Пастернак, и Мандельштам дебютировали зрелыми поэтическими сочинениями, начав печататься одновременно в 1913 году. Оба всегда оставались вполне самобытными авторами; однако их наследие допускает чисто филологическое, исследовательское сближение, которое способно оказаться продуктивным при выявлении нетривиальных языковых, идейных, мировоззренческих, содержательных параллелей и одновременно несогласий (блестящий пример являет собой статья С.С. Аверинцева, посвященная сопоставительному анализу лексических специфик в поэзии этих авторов [13], см. также более масштабную «контрастивную поэтику», построенную Ю.М. Лотманом с опорой на творчество тех же двух авторов [14]).

Если «Равноденствие» Мандельштама относится к началу его поэтической карьеры, то «Единственные дни» — последнее из дошедших до нас поэтических сочинений Пастернака (написано менее чем за полтора года до его ухода из жизни); между созданием двух текстов — 45 лет. Можно сказать, что эти два произведения охватывают русскую поэтическую традицию Серебряного века своеобразным концептуально-тематическим кольцом. Для Мандельштама литературный эксперимент с выходом «Камня» только начинался, а для Пастернака, в то время уже завершившего работу над главной своей прозой — романом «Доктор Живаго» и редко сочинявшего стихи, как раз наступило время глубокой поэтико-философской рефлексии — воспоминаний, раздумий, обобщений.

Теперь попытаемся сопоставить два текста. Миниатюра Мандельштама не относится к числу самых примечательных стихов «Камня»: ее, появившуюся только во втором издании, затмевают более масштабные вещи, такие как «Дано мне тело — что мне делать с ним...», «Silentium», «Раковина», «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» и др. Но выход «Камня» стал заметным событием в культурной жизни России; в последующие годы два поэта поддерживали дружеские отношения, и Пастернак, осознавая значительность и масштабы творчества Мандельштама, всегда с интересом относился к его новым сочинениям, как публикуемым, так и рукописным. Тогда возникает вопрос: создавались ли «Единственные дни» с учетом, с оглядкой на мандельштамовское «Равноденствие»? Думается, непосредственным первым доводом в пользу положительного ответа может стать опыт соотнесения лексических составов двух текстов.

В стихотворении Пастернака присутствуют слова и корни, которые кажутся заимствованными у Мандельштама: у Пастернака *единственные* (повторено дважды), у Мандельштама *единственная (мера)*; у Пастернака *дольше, длится*, у Мандельштама *долгота, длительность, длинноты*; у Пастернака *дни* (дважды), *день*, у Мандельштама *день; лень* фигурирует в обоих текстах.

Связанные рифмой у Мандельштама лексемы *день / лень* составляют рифму и у Пастернака, но в обратном порядке: *лень / день*. Мандельштамовское *только раз в году* у Пастернака передано сочетанием *единственные дни*; замедленность движения у Мандельштама обозначена словами *покой, лень*, картиной-образом *волы на пастбище*; Пастернак эксплицирует ту же идею разнообразными маркерами во второй и пятой строфах. Можно также сблизить фразу Мандельштама (*как бы*) *цезурую зияет этот день*, обозначающую раздел, точную середину и года, и стиха, с фразой Пастернака *зима подходит к середине*, отметив при этом, что в новом тексте она делит пополам *зиму*, а не *год*, не *время*. Также обратим внимание: у Мандельштама подобная значимая лексика сосредоточена в основном на описании культуры, у Пастернака – на реалиях окружающего мира. Впрочем, о культуре, поэзии в своем тексте Пастернак не говорит вообще: пора открытий, радость творческих откровений для него миновали.

И вновь обратимся к тексту Мандельштама, к его рождению. Что могло послужить толчком к созданию и включению стихотворения во второе издание книги? Как отмечает мемуарист, «Камень» составляли стихи философские, «насыщенные удивленным прислушиванием к мирозданию, к соседствующей природе и к себе» [15, с. 580]. Стихией и силой, равновеликой целому миру, для Мандельштама оказалась (открылась) культура: «Коды *природы* и *культуры* оказываются гомологически соотнесенными, во-первых, через изоморфизм их структуры, во-вторых, посредством симпатической корреспонденции магических обрядов, и, наконец, с помощью функциональной связи их материальных субстратов» [16, с. 40]. Этим поэт и делится с читателем в своем «Равноденствии», и одним из стимулов к новой для него, но уже безусловной связи могли стать занятия древнегреческим языком – отсюда и насыщенность небольшого текста терминами стиховедения (*тонические стихи, метрика, цезура, длительность*).

Чрезвычайно важно, что, кроме показанных лексико-морфологических совпадений, иных формальных версификационных параллелей тексты, в общем, не обнаруживают: шестистопный цезурованный иконический ямб Мандельштама не соотносится с четырехстопным ямбом Пастернака (мы помним: метр – среди наиболее убедительных оснований поэтической преемственности); не соотносимы преобладающие синтаксические построения предложений двух текстов; изменены в них идейные акценты, составляющие опорный (но не единственный) мотив произведения – «космический» мотив равноденствия, реализованный на концептуальном уровне.

На данном этапе текстологический анализ закономерно актуализирует понятие концептуальной константы (или концепта-константы). Корректное выявление одной или совокупности таких констант с определением глубинных когнитивных механизмов их действия способно привести к тонкой характеристике механизмов мышления в творчестве одного писателя [17] или в одном виде искусства, например в национальной художественной литературе [18], или даже в национально-языковом сообществе⁶. Текст поэта Мандельштама создавался с опорой на ключевой концепт-мотив *равноденствие*, заявленный в заглавии. Этот концепт был позднее «подхвачен» и использован другим поэтом – Пастернаком, но отнесен во внешний, тематический (также и мотивный) план нового текста; структура концепта усложняется, начинает двоиться, одновременно проявляясь теперь и во вселенском, и, по парадоксальной, но безупречной логике, личностном плане. Этим самым в поэзии выстраивается прочная жизнеутверждающая ось *творчество – время – любовь*. В стихотворении Пастернака, как отмечалось выше, все живет и движется, пускай и в замедленном, «полусонном» темпе. Мандельштам же «отдает предпочтение устойчивым субстанциям природы, вечному (т.е. незыблемому. – С.Н.): в его стихах много „воздуха“, но почти отсутствует „ветер“, есть „вода“, но не „воды“, не „потоки“. Бурные стихии... практически отсутствуют» [19, с. 241].

⁶ Шестеркина Н.В. Языческий субстрат как вербально-концептуальная константа мифорелигиозного сознания русского и немецкого языковых сообществ: на материале фольклорных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2018. 52 с.

Равноденствие не обретает статуса индивидуально-авторского концепта-константы ни у Мандельштама, ни у Пастернака ввиду периферийности его роли в смысловых структурах двух текстов и дискретности проявления в творчестве двух поэтов. Но при условии его закрепления и дальнейшего развития в русской поэзии — классической и/или неклассической, любой, но, главное, представляющей собой единый, универсальный и длительный диалог-дискурс, — этот концепт, как и всякий иной, вполне способен стать культурной константой в названной коммуникативной сфере.

Рассмотрим еще одну соотносимую значимую специфику двух стихотворений. Казалось бы, заметное, если не центральное место в изобразительной (и метафорической, и фактической) структуре обоих текстов должен занимать образ, передаваемый лексемами с корнем *солн-*. Но у Мандельштама солнце не обозначено никак; не вводит его и позднее заглавие (в слове *равноденствие* выделяется корень *ден-*), и это при том, что образ солнца занимает и в поэзии, и в прозе Мандельштама существенное место, выстраиваясь в смысловой — метафорический и одновременно концептуальный — ряд *свет — солнце — черное солнце — похороны солнца — ночь без солнца — тьма*, см. примеры из более поздних сочинений поэта и их разборы в [20, с. 14–24]. В «Единственных днях» Пастернака *солнце* эксплицировано дважды. Первый раз оно заявлено в составе сложного слова *солнцеворот* (в род. падеже) в конце второй строки, второй раз существительным в им. падеже в функции субъекта предложения *и солнце греется на льдине* — в его прямом, не переносном, образном или символическом, значении, лишь как атрибут декорации, фрагмент сцены — зримый и яркий, но не главный (ср. союз *и* в начале этого предложения и его отсутствие в двух предшествующих). Отсюда можно вывести, что оба поэта, включая в понятийные структуры своих произведений пейзаж (Мандельштам — пасторальный летний, Пастернак — городской зимний) и конкретизируя таким образом вселенское время как форму бытия всего сущего, вовсе не намерены были сочинять пейзажную лирику. Авторской интенцией в обоих случаях были вскрытие и трансляция гораздо более тонких истин, зависимостей и связей посредством языка поэзии.

Что же касается заглавия-расшифровки «Равноденствие» (Мандельштам), то, скорее всего, Пастернак его так и не увидел, поскольку опубликовано оно было уже после его смерти, но для поэта такая «подсказка» не требовалась в принципе.

Здесь сделаем небольшую, но важную оговорку. Одним из условий существования и функционирования диалога поэтов должен быть латентный характер межтекстовых референций и интерференций. Соблюдение этого условия, естественно, будет неявной стратегией второго и последующих авторов, а задачей филолога-исследователя — поиск и распознавание, доказательство, обсуждение, анализ скрытых (при восприятии массовым читателем) отношений, выходящих на уровень закономерностей объективного порядка.

Заключение

Проведенный комплексный анализ лингвистических специфик двух стихотворных текстов, созданных в XX веке ведущими русскими поэтами Осипом Мандельштамом в ранний период творчества и Борисом Пастернаком фактически в конце его жизни, обнаруживает ряд формально-содержательных параллелей по типу взаимных соответствий и расхождений. В смысловом отношении в ткани обоих текстов присутствует концепт *равноденствие*, который способен послужить отправной точкой не столько для сближения — тематического, идейного, эмоционального, событийного и т.п., сколько для познавательного объединения двух произведений в акт творческого диалога, в котором выделяется иницирующая реплика-посыл («Равноденствие» Мандельштама) и реплика-ответ («Единственные дни» Пастернака). При этом параллели, вплоть до прямых лексических заимствований, оказываются «сбалансированными» композиционными, интонационными, версификационными, но главное — идейными расхождениями двух текстов.

Так, «космический» концепт *равноденствие* использован Мандельштамом для утверждения мысли об извечной взаимосвязи природного мира и, с другой стороны, мира, творимого человеком созидающим. Тот же концепт переведен Пастернаком в зону понятийной периферии нового текста и обращен в одну из его тематических линий, при этом важнейшее значение обретает концепт земной, человеческой любви. Замедленное (у Мандельштама) и доведенное до кажущейся остановки (у Пастернака) физическое время манифестировано – эксплицитно и имплицитно – в обоих текстах: время образует опору и центр в смысловой оси *творчество – время – любовь*; эта триада открывается при осмыслении двух текстов как единого поэтического дискурса – «диалога творцов».

Итак, в двух текстах явлен поэтический диалог во времени, состоящий из двух реплик-произведений; в единстве они представляют ранее не выявленный конструкт – связный сегмент русской поэтической речи XX века в широком, культурологическом и общеполитическом смысле. По своей коммуникативной природе это сегмент непрерывной речи, представляющей – через язык и стиль – эстетику, философию, идеологию русского поэтического модернизма, или Серебряного века, от его начальных стадий (рождение акмеизма) до исхода. Сегменты национального поэтического дискурса, подобные показанному, в их совокупности и протяженности могут быть поименованы как вневременной межличностный творческий дискурс диалогического типа. Переходя в распоряжение последующих поколений, становясь фактом национальной культуры, поэтический диалог-дискурс в конечном счете утрачивает «привязку» к конкретной исторической эпохе, школе, традиции, а читатель-реципиент получает уникальный и красноречивый образец инициированного поэтического взаимодействия «вне времени», но с отчетливо различимыми ролями участников. Примером такого дискурса, иллюстрацией его жизнеспособности, обусловленной заключенной в нем внутренней дискурсивной динамикой, может служить случай Мандельштама и Пастернака.

Показанный и рассмотренный нами пример – далеко не единственный в своем роде. Множество подобных прецедентов можно обнаружить как в пределах одной национальной культуры, так и внутри других культур, но также и в их взаимодействии в мировом межкультурном пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Маслова Ж.Н.** Поэтический текст как объект исследования в рамках когнитивного подхода // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 5 (21). С. 174–182.
2. **Штайн К.Э.** Принципы анализа поэтического текста: монография. СПб.; Ставрополь: Ставропольский государственный педагогический институт, 1993. 276 с.
3. **Максименко О.И., Подрядова В.В.** Поликодовый музыкальный поэтический дискурс // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 4. С. 27–37.
4. **Ван С.** Язык поэзии и поэтический дискурс (к вопросу о взаимоотношении понятий) // Ученые записки казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, № 4–5. С. 119–128. DOI: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.119-128
5. **Карасик В.И.** Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
6. **Гаспаров М.Л.** Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 289 с.
7. **Андреева В.А., Ситникова И.О.** Постигая смысл текста: заметки на полях книги «Художественный текст. Формулы смысла» (Художественный текст: формулы смысла: коллективная монография / Е.А. Гончарова, Е.Ю. Ильинова, В.И. Карасик, И.В. Кононова и др. М: Флинта, 2022. 296 с.) // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, № 4. С. 80–86. DOI: 10.18721/JHSS.13407
8. **Лотман Ю.М.** Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 200–202.

9. **Кушнер А.** Аполлон в снегу: Заметки на полях. Ленинград: Советский писатель, 1991. 512 с.
10. **Хазагеров Т.Г., Ширин Л.С.** Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1994. 190 с.
11. **Бобылев Б.Г.** «Единственные дни» Пастернака – стихи о Рождестве // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2015/05/25/1223> (дата обращения: 31.12.2024).
12. **Коннова М.Н.** Образ времени в стихотворении Б.Л. Пастернака «Единственные дни» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2011. Вып. 8. С. 136–140.
13. **Аверинцев С.С.** Пастернак и Мандельштам: опыт сопоставления // Известия АН СССР. Серия: Литературы и языка. 1990. № 3. С. 213–217.
14. **Лотман Ю.М.** Мандельштам и Пастернак (попытка контрастивной поэтики). Таллинн: Aleksandra, 1996. 175 с.
15. **Герштейн Э.** Мемуары. М.: Захаров, 2002. 762 с.
16. **Кихней Л.Г.** «Феноменологические» открытия О. Мандельштама: «Закон тождества» как принцип конституирования поэтического смысла // Осип Мандельштам и феноменологическая парадигма русского модернизма: сб. научн. трудов. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского госуниверситета, 2008. С. 33–47.
17. **Кононова И.В.** Художественный концепт как феномен индивидуального сознания // Художественный текст: формулы смысла: коллективная монография / Е.А. Гончарова, Е.Ю. Ильинова, В.И. Карасик, И.В. Кононова и др. М.: Флинта, 2022. С. 143–178.
18. **Демкина Я.Ю.** Базовые концепты-константы в английской художественной литературе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 5. С. 134–139.
19. **Эпштейн М.Н.** «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
20. **Сурат И.З.** Опыты о Мандельштаме. М.: Intrada, 2005. 128 с.

REFERENCES

- [1] **Maslova Zh.N.**, Poetic Text as Object of Research in Cognitive Approach, Social-Economic Phenomena and Processes, 5 (21) (2010) 174–182.
- [2] **Shtain K.E.**, Principles of Analysis a Poetic Text, Stavropol State Pedagogical Institute, St. Petersburg, Stavropol, 1993.
- [3] **Maksimenko O.I., Podryadova V.V.**, Polycode Musical Poetic Discourse, RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 4 (2013) 27–37.
- [4] **Van S.**, Language of Poetry and Poetic Discourse (on the Problem of the Relationship of Concepts), Proceedings of Kazan University. Humanities Series, 163 (4–5) (2021) (119–128). DOI: 10.26907/2541-7738.2021.4-5. 119-128
- [5] **Karasik V.I.**, Yazykovyye klyuchi [Language keys], Paradigma, Volgograd, 2007.
- [6] **Gasparov M.L.**, Metr i smysl: ob odnom iz mekhanizmov kulturnoy pamyati [Meter and sense: on a mechanism of cultural memory], Russian State University for the Humanities, Moscow, 1999.
- [7] **Andreeva V.A., Sitnikova I.O.**, Comprehending the meaning of the text: notes on the margins of the book “The Fiction Text: Formulas of Meaning”, Terra Linguistica, 13 (4) (2022) 80–86. DOI: 10.18721/JHSS.13407
- [8] **Lotman Yu.M.**, Pamyat v kulturologicheskom osveshchenii [Memory in culture studies], Lotman Yu.M., Izbrannyye statyi [Selected writings], 1, Aleksandra, Tallinn, 1992, pp. 200–202.
- [9] **Kushner A.**, Apollon v snegu: Zаметki na polyakh [Apollo in snow: Notes in the margin], Sovetskiy pisatel, Leningrad, 1991.
- [10] **Khazagerov T.G., Shirina L.S.**, Obshchaya ritorika. Kurs lektsiy i slovar ritoricheskikh figur [General rhetoric. A lecture course and dictionary of rhetorical figures], Rostov University Publ., Rostov-on-Don, 1994.
- [11] **Bobylev B.G.**, “Edinstvennyye dni” Pasternaka – stihi o Rozhdestve [“The only days” by Pasternak: verse on the Nativity], Proza.ru, Available at: <https://proza.ru/2015/05/25/1223> (accessed 31.12.2024).

[12] **Konnova M.N.**, Obraz vremeni v stikhotvorenii B.L. Pasternaka “Edinstvennye dni” [The time image in B.L. Pasternak’s poem “The only days”], IKBFU’s Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology, 8 (2011) 136–140.

[13] **Averintsev S.S.**, Pasternak i Mandelstam: opyt sopostavleniya, [Pasternak and Mandelstam: a case of comparison], Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series, 3 (1990) 213–217.

[14] **Lotman Yu.M.**, Mandelstam i Pasternak (popytka kontrastivnoy poetiki) [Mandelstam and Pasternak (an attempt on contrastive poetics)], Aleksandra, Tallinn, 1996.

[15] **Gershtein E.**, Memuary [Memoirs], Zakharov, Moscow, 2002.

[16] **Kikhney L.G.**, “Fenomenologicheskiye” otkrytiya O. Mandelstama: “Zakon tozhdestva” kak printsip konstituirovaniya poeticheskogo smysla [“Phenomenology” discoveries of O. Mandelstam: “Identity law” as a principle of institutionalizing poetic sense], Osip Mandelstam i fenomenologicheskaya paradigma russkogo modernizma [Osip Mandelstam and phenomenology paradigm of Russian modernism: collection of papers], Voronezh University Publ. and Print. Center, Voronezh, 2008, pp. 33–47.

[17] **Kononova I.V.**, Khudozhestvennyy kontsept kak fenomen individualnogo soznaniya [A literary concept as a phenomenon of individual consciousness], Goncharova Ye.A., Ilinova Ye.Yu., Karasik V.I., Kononova I.V. et al., The Fiction Text: Formulas of Meaning, a joint monograph, Flinta, Moscow, 2022. 143–178.

[18] **Demkina Ya.Yu.**, Basic Concepts-Constants in English Fiction, Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 5 (2019) 134–139.

[19] **Epshteyn M.N.**, “Priroda, mir, taynik vselennoy...”: Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii [“Nature, world, hiding-place of the universe...”: A system of landscape images in Russian poetry], Vysshaya shkola, Moscow, 1990.

[20] **Surat I.Z.**, Opyty o Mandelstame [Essays on Mandelstam], Intrada, Moscow, 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Николаев Сергей Георгиевич

Sergey G. Nikolaev

E-mail: nikolaev_s@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6896-5034>

Поступила: 10.01.2025; Одобрена: 21.02.2025; Принята: 28.03.2025.

Submitted: 10.01.2025; Approved: 21.02.2025; Accepted: 28.03.2025.

Научная статья

УДК 81'33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16105>

EDN: <https://elibrary/THFJON>

АВТОМАТИЗИРОВАННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДИКАТОРОВ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

О.У. Серова

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 serovaolesyau@gmail.com

Аннотация. В условиях роста публикационной активности ученых и международного обмена знаниями растут и требования, предъявляемые к качеству переводов научных статей. Среди факторов, влияющих на качество переводов, особое место занимает феномен переводческого языка (translationese), проявляющийся в ряде особых, свойственных переводам характеристик – в упрощении, экспликации, нормализации, интерференции, отличающих их от непереводаемых текстов, написанных на том же языке. Данные характеристики могут служить предикторами качества выполняемых переводов, что делает важным их учет как в самом процессе перевода, так и при принятии решения о его постредактировании. Вместе с тем анализ индикаторов этих характеристик является весьма долгим и трудоемким процессом, в связи с чем возникает необходимость в инструментах, способных автоматизировать этот процесс. В статье данная проблема решается с использованием специализированного инструмента, разработанного для сбора корпусов текстов, анализа индикаторов феномена переводческого языка (как для отдельных текстов, так и для целых корпусов текстов), а также для сопоставления показателей индикаторов по корпусам. Материалом для проверки корректности работы анализатора послужил сопоставимый корпус научных статей по социологии – корпус, включающий в себя два текстовых подкорпуса, схожих по стилю, жанру, тематике и объему, но различающихся по происхождению: первый подкорпус составили оригинальные (непереводные) тексты научных статей на русском языке, а второй – тексты англо-русских переводов статей. В результате анализа подтверждается наличие в переводах таких индикаторов переводческого языка, как снижение уровня лексической вариативности, уникальности используемой лексики, лексической повторяемости, повышение уровня эксплицитности посредством увеличения частоты использования личных, притяжательных и указательных местоимений, дискурсивных маркеров пояснения и противопоставления, а также интерференция, выражающаяся в более частом использовании прямого порядка слов, предпочтении глаголов отглагольным существительным, более частом использовании придаточных определительных вместо причастных оборотов. Дается интерпретация полученных данных и предлагаются возможные способы преодоления влияния рассматриваемого феномена на переводы научных статей с английского на русский язык.

Ключевые слова: индикаторы translationese, автоматическая обработка текста, научная статья, упрощение, нормализация, экспликация, интерференция.

Для цитирования: Серова О.У. Автоматизированное исследование индикаторов переводческого языка на материале переводов научных статей // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 1. С. 61–81. DOI: 10.18721/JHSS.16105

AN AUTOMATED STUDY OF TRANSLATIONESE INDICATORS IN SCIENTIFIC PAPER TRANSLATIONS

O.U. Serova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation

 serovaolesyau@gmail.com

Abstract. The rise in global scientific publication output and international knowledge exchange has heightened the demands for the quality of scientific paper translations. Among the factors influencing their quality, the phenomenon of translationese stands out due to its characteristics such as simplification, explicitation, normalization, and interference. Not only do they differentiate translations from non-translated texts, but they might also be indicative of translation quality, suggesting the need to consider them when evaluating the quality of a translation and deciding on its further post-editing. However, calculating and analyzing the indicators of these characteristics is a lengthy and labor-intensive process, which creates the need for tools to automate it. The article offers a solution to this issue through the use of a specialized tool designed for compiling text corpora, identifying translationese indicators in individual texts and entire corpora, as well as comparing collected data across corpora. A comparable corpus of sociology-related scientific papers is used as material for validating the accuracy of the tool – this corpus includes two textual subcorpora of the same style, genre, subject matter, and size but of different origin: the first subcorpus comprised original (non-translated) Russian texts, while the second one consisted of English-to-Russian translations. The results of the analysis reveal the presence of such translationese indicators in translations as reduced lexical variety, lexical uniqueness, and lexical repetition; increased text explicitness characterized by the frequent use of personal, possessive, and demonstrative pronouns and discourse markers used for clarifying information and contrast; a more frequent use of direct word order and preference for verbs rather than their substantivized counterparts; the tendency to use relative clauses more often than participial phrases. The article discusses the implications of these findings and outlines possible strategies for reducing their impact on English-to-Russian scientific paper translations.

Keywords: translationese indicators, automatic text processing, scientific paper, simplification, normalization, explicitation, interference.

Citation: Serova O.U., An automated study of translationese indicators in scientific paper translations, *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 61–81. DOI: 10.18721/JHSS.16105

Введение

Многочисленные исследования в области переводоведения демонстрируют существенные различия между переводами и непереводами текстами, изначально написанными на языке перевода (ПЯ) (см., например, [1–10]). Эти отличия лежат в основе концепции так называемого переводческого языка, обозначаемого термином *translationese* [11].

В переводных текстах феномен *translationese* эксплицируется рядом характеристик, каждая из которых представлена соответствующими ей индикаторами. Часть характеристик связана с задействованной в процессе перевода языковой парой (*интерференция*) [12, 13], другие характеристики обусловлены самим этим процессом как таковым (*упрощение, экспликация, нормализация*) [3, 14]. При этом под *интерференцией* понимается перенос в текст перевода морфологических и синтаксических особенностей, свойственных структурной организации исходного языка (ИЯ), в связи с чем предлагается концепция различных «диалектов» переводческого языка [15], что подтверждается эмпирическими данными [2]. *Упрощение* представляет собой стремление переводчика сделать текст перевода морфологически, лексически и синтаксически более простым, чтобы облегчить его понимание читателем. *Экспликация* заключается в повышении объяснительного

потенциала перевода за счет более частого использования средств обеспечения когезии и когерентности текста. **Нормализация** состоит в стремлении использовать в переводе более стандартизированные структуры ПЯ, а также избегать лексических повторов и нетипичных для ПЯ коллокаций.

Различия, обусловленные перечисленными характеристиками, иногда связывают с уровнем профессионализма переводчика – недостаток опыта приводит к «неуклюжести» и неестественности текста перевода при его восприятии носителями целевого языка [14, с. 249; 16, р. 292–293]. В недавнем исследовании М.А. Куниловской¹, основанном на анализе корпусов переводных текстов (англо-русский перевод) и оригинальных русскоязычных текстов в области СМИ, было установлено, что индикаторы *translationese* могут выступать предикторами качества перевода на уровне всего текста, при этом переводы более низкого качества демонстрируют более выраженные признаки *translationese*. Снижение качества перевода наиболее важно учитывать, когда речь идет о переводе научных текстов, в частности – научных статей, поскольку некачественный перевод способен привести к неверной интерпретации процедуры, методов исследования, выводов и иных данных, представленных в статье, а также подорвать доверие к автору и снизить влияние его работы в академическом сообществе. Особую актуальность эта проблема приобретает в условиях роста исследовательской публикационной активности в последние десятилетия² и необходимости международного обмена знаниями.

Проведение исследований индикаторов *translationese* в переводах научных статей позволило бы переводчикам более объективно оценивать качество выполняемых ими переводов, а постредакторам – выявлять потенциальные проблемные аспекты перевода, требующие корректировки. Наряду с этим следует подчеркнуть, что процесс исследования феномена *translationese* сопряжен с высокой сложностью, обусловленной двумя факторами. Первым фактором является большое разнообразие индикаторов характеристик исследуемого феномена, каждый из которых требует отдельного анализа. Второй заключается в том, что исследование феномена *translationese*, как и любое другое корпусное исследование, предполагает составление текстовых корпусов значительного объема, что, в свою очередь, обуславливает необходимость обработки больших объемов текстовых данных, «ручной» анализ которых является крайне трудоемкой и практически невыполнимой задачей, поэтому автоматизация текстового анализа в исследованиях подобного рода становится не просто желательной, а необходимой мерой [17, с. 100]. В связи с этим целью настоящей статьи является применение специально разработанного инструмента – автоматического анализатора феномена *translationese*³ – для анализа индикаторов рассматриваемого феномена на материале переводов научных статей по социологии, а также интерпретация полученных результатов и рассмотрение возможных путей смягчения влияния данного феномена на текст перевода.

Материал и методы исследования

В ходе исследования на каждом его этапе использовался функционал автоматического анализатора феномена *translationese*. Сначала перечислим использованные в исследовании функции программы:

1) анализ вводимых текстов на наличие индикаторов характеристик феномена *translationese* с дальнейшим сохранением результатов анализа в выбранную базу данных, соответствующую одному из формируемых подкорпусов – непереводному или переводному подкорпусу;

¹ Kunilovskaya M. Translationese indicators for human translation quality estimation (based on English-to-Russian translation of mass-media texts): Ph.D. thesis, University of Wolverhampton, 2023. URL: <http://hdl.handle.net/2436/625250> (дата обращения: 10.07.2024).

² Publication Output by Region, Country, or Economy and by Scientific Field // Publications Output: U.S. Trends and International Comparisons. 2023. URL: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb202333/publication-output-by-region-country-or-economy-and-by-scientific-field/> (дата обращения: 14.09.2024).

³ Описание проекта. TRANSLATIONESE ANALYSER // translationese-analyzer 0.0.0. URL: <https://pypi.org/project/translationese-analyzer/> (дата обращения: 26.03.2025).

2) переводной подкорпус, состоящий из полнотекстовых англо-русских переводов научных статей.

Каждый подкорпус включал 30 текстов, общий объем каждого из подкорпусов составил около 166 000 словоформ.

В целях обеспечения сопоставимости материала при выборе текстов для анализа применялись строгие критерии отбора, в соответствии с которыми все тексты корпуса относятся:

- к научному функциональному стилю, к жанру «научная статья»;
- к единой предметной области – социологии, в связи с чем все анализируемые тексты (как переводы, так и непередаваемые тексты) были взяты из рецензируемых научных периодических изданий по социологии⁴. Предметная гомогенность корпуса позволила минимизировать влияние предметной области на лингвистические особенности текстов и сосредоточиться на выявлении признаков феномена *translationese*.

Все тексты обоих подкорпусов прошли предобработку: из них были автоматически удалены ссылки на литературу, вручную – заголовки, аннотации, ключевые слова, сноски, списки литературы и иллюстративные материалы.

Далее все тексты были проанализированы с помощью анализатора феномена *translationese* на наличие упомянутых ранее характеристик феномена. Так, для анализа каждой из характеристик применялся комплекс предоставляемых анализатором методов, позволяющих вычислять значения соответствующих этой характеристике индикаторов, сопоставлять полученные данные по корпусам и интерпретировать их. Выбор анализируемых программой индикаторов основывался на изучении ряда исследований по теме [1–5, 7, 14]. В частности, отбор индикаторов осуществлялся с акцентом на их значимость и доказанную эффективность в рамках практического анализа феномена.

При подсчете средних показателей индикаторов по корпусам применялись взвешенные (weighted) методы усреднения, поскольку в анализе использовались полнотекстовые версии научных статей, в связи с чем длины вошедших в корпус текстов варьировались. Так, применялся один из следующих методов усреднения:

1) для индикаторов, имеющих тенденцию к более симметричному распределению по текстам, использовалась формула взвешенного арифметического среднего:

$$\bar{x} = \frac{\sum_{i=1}^n w_i x_i}{\sum_{i=1}^n w_i}, \quad (1)$$

где \bar{x} – взвешенное среднее арифметическое значение показателя, x_i – значение показателя для i -го текста, w_i – вес i -го текста (в токенах), n – общее количество текстов в корпусе;

2) для индикаторов с более выраженной асимметрией распределения по текстам и возможным наличием выбросов, способных исказить среднее значение, применялась формула взвешенной медианы (weighted median), минимизирующая влияние выбросов и обеспечивающая более устойчивый показатель центральной тенденции:

$$M_w = X_k, \text{ где } \sum_{i=1}^{k-1} w_i < \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n w_i \leq \sum_{i=1}^k w_i, \quad (2)$$

где M_w – взвешенное медианное значение показателя, X_k – значение показателя, соответствующее медиане, w_i – вес i -го текста (в токенах), n – общее количество текстов в корпусе.

Перейдем к подробному рассмотрению каждой из используемых в анализе характеристик, а также приведем их формальные индикаторы.

⁴ Журнал социологии и социальной антропологии. URL: <https://www.jourssa.ru/> (дата обращения: 04.09.2024); Журнал «Социологическое обозрение». URL: <https://sociologica.hse.ru/> (дата обращения: 04.09.2024).

Индикаторы характеристики упрощение

Коэффициент лексического разнообразия (*lexical variety*) [3–5, 7]. Считается, что переводы уступают непереводам по этому показателю [3, с. 107]. Рассчитывались три разновидности коэффициента:

$$TTR = \frac{V}{N} \times 100 \text{ – базовая версия коэффициента;} \quad (3)$$

$$\log TTR = \frac{\log V}{\log N} \times 100 \text{ – версия, сглаживающая зависимость показателя от длины текста;} \quad (4)$$

$$\text{ModifiedTTR} = \frac{100 \times \log N}{1 - \frac{V_1}{V}} \text{ – версия, учитывающая слова, встречающихся в тексте один раз}$$

(так называемая *hapax legomena*), (5)

где V – общее число различных слов (объем словаря), N – общее количество словоформ (токенов) в тексте (объем текста), а V_1 – количество *hapax legomena* (слов с частотой, равной 1).

Лексическая плотность (*lexical density*) – отношение числа слов-знаменательных частей речи ко всему объему текста (в словарных токенах) [3–5, 7]. Предполагается, что в переводах показатель ниже, так как в них содержится меньше знаменательных и больше служебных частей речи.

Средняя длина слов (*mean word length*) в символах и в слогах [3, 7]. Ожидается, что в переводах используются более короткие слова.

Средняя длина предложений (*mean sentence length*) в символах и в словах [3–5]. Считается, что часто в переводе длинные и сложные предложения оригинала разбиваются на более короткие и простые [3, с. 110].

Средний ранг слов (*mean word rank*) вычисляется на основе ранжирования слов текста по частоте их встречаемости в национальном корпусе русского языка [3]. Для этого используется частотный словарь русской лексики⁵. Предполагается, что переводы содержат меньше уникальной и больше более частотной лексики. Индикатор вычисляется по формуле:

$$MWR = \frac{\sum_{i=1}^n R_i}{n}, \quad (6)$$

где R_i – ранг i -го слова в тексте, n – общее количество словарных токенов. Ранг слова равен его порядковому номеру в частотном списке слов.

Как и в [3], при подсчете используются первые 6000 слов списка. Максимальный ранг слова равен 5000. Для слов, не вошедших в этот список, применяются два подхода:

- 1) слову присваивается максимальный ранг 6000;
- 2) слово исключается из анализа и не учитывается при вычислении ранга.

Индикаторы характеристики нормализация

Повторяемость знаменательных слов (*repetition*) [3, 4, 14] вычисляется как отношение абсолютной частоты слов, встречающихся более одного раза, к общему количеству словарных токенов. Считается, что переводчики склонны к избеганию лексических повторов, причиной чему может служить представление о том, что разнообразие словарного запаса является отражением культурного уровня автора текста и что чрезмерная повторяемость используемой лексики может восприниматься читателем как показатель «бедности» языка – это заставляет переводчиков заменять

⁵ Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. М.: Азбуковник, 2009. 1090 с. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/jrd78un2xg/69157696.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).

повторы синонимами, словосочетаниями или вовсе убирать повторяющиеся слова из текста [19, с. 77].

Поточечная взаимная информация (Pointwise Mutual Information – PMI) [3, 20] отражает силу ассоциативной связи между двумя соседствующими словами (биграммami слов) – то, насколько чаще два слова встречаются вместе, чем можно было бы ожидать, если бы их появления были независимы друг от друга. Слова предварительно лемматизируются. PMI для биграмм вычисляется по формуле (7):

$$PMI(w_1, w_2) = \log \left(\frac{P(w_1, w_2)}{P(w_1)P(w_2)} \right), \quad (7)$$

где $P(w_1, w_2)$ – вероятность совместного появления слов, $P(w_1)$ и $P(w_2)$ и – вероятности их появления по-отдельности.

Показатель рассчитывается с учетом всех текстов корпуса, общее количество биграмм с $PMI > 0$ нормализуется, т.е. делится на общее количество всех уникальных биграмм.

Индикаторы характеристики экспликация

Эксплицитное называние (explicit naming) – отношение числа личных / притяжательных местоимений к числу именованных сущностей [3]. Считается, что в переводах используется больше местоимений для облегчения идентификации именованных сущностей, о которых идет речь [14, с. 243].

Единичное именование (single naming) – соотношение числа именованных сущностей, состоящих из одного токена, ко всем именованным сущностям в тексте [3]. Предполагается, что в переводах предпочтение отдается полным версиям имен (например, *Йоганн Вольфганг фон Гёте*), тогда как в непереводах чаще используется вариант из одной лексемы (например, *Гёте*).

Средняя длина именованных сущностей (mean named entities length) – среднее количество токенов, составляющих именованные сущности [3]. Данный показатель связан с предыдущим: ожидается, что в переводах чаще используются более длинные варианты имен собственных.

Характеристика *экспликации* была бы неполной без учета *дискурсивных маркеров (discourse markers)* (ДМ), способствующих повышению когезии и когерентности текста и, как следствие, повышающих его эксплицитность [2–5]. Так, в анализе подсчитываются нормализованные частоты двух групп дискурсивных маркеров русского языка [21, с. 160]:

1) ДМ связи текста на локальном уровне (когезия предложений и их частей) – маркеры введения новой информации, пояснения, противопоставления, введения примеров;

2) ДМ связи текста на глобальном уровне (когерентность разных фрагментов текста друг другу, связь текста как единого целого – маркеры введения в тему, порядка следования информации, расположения иллюстративного материала, внутритекстовой референции).

Для каждого маркера подсчитывается нормализованная частота, т.е. абсолютная частота, деленная на общее количество токенов в тексте, что позволяет нивелировать влияние объема текста и обеспечивает корректное сравнение между текстами разной длины по данному показателю. Если ДМ состоит из нескольких токенов (например, *в то же время*), в анализе он считается за один токен.

Индикаторы характеристики интерференция

Анализ индикаторов данной характеристики нацелен, в отличие от анализа предыдущих трех характеристик, на определение влияния исходного языка на текст перевода. В анализ вошли следующие индикаторы:

Частеречные n-граммы (POS uni-, bi-, trigrams) представляют собой частеречные последовательности из одного, двух или трех токенов, анализируемые с целью выявления характерных для

текста перевода частеречных паттернов [1, 3, 4, 7]. Теги, используемые в анализе для обозначения частей речи, взяты из библиотеки *rumorphy2*⁶. Дополнительно вводятся специальные обозначения *S_START* (начало предложения), *S_END* (конец предложения) и *КОММА* (запятая) для анализа *n*-грамм, стоящих на первой, последней позициях в предложении и в начале придаточных клауз. Рассчитываются нормализованные частоты *n*-грамм, т.е. отношение абсолютной частоты определенной *n*-граммы к общему количеству *n*-грамм в тексте.

Символьные n-граммы (character uni-, bi-, trigrams) – последовательности из одного, двух или трех буквенных символов, нормализованные по частоте их встречаемости относительно общего числа буквенных *n*-грамм в тексте [3]. Индикатор используется для выявления морфологических особенностей слов, используемых в переводных текстах. Дополнительно вводятся специальные символы < и > для обозначения начала и конца слов соответственно, они позволяют учитывать границы слов и идентифицировать морфологические структуры, используемые в начале и конце слов (префиксы, суффиксы и окончания).

Остальные индикаторы переводческого языка

Кроме того, производился подсчет индикаторов, не вошедших ни в одну из предложенных характеристик [3], но позволяющих расширить спектр анализа и выявить те закономерности перевода, которые не охватываются рассмотренными выше индикаторами:

Использование местоимений разных разрядов (pronouns) – нормализованные частоты личных, притяжательных, относительных, неопределенных, отрицательных, указательных и определенных местоимений относительно всех токенов.

Использование различных знаков препинания (punctuation) – нормализованные частоты знаков препинания относительно всех токенов и всех знаков препинания в тексте.

Соотношение глаголов в страдательном залоге (passive verbs ratio) ко всем глаголам в тексте.

Индекс удобочитаемости Флэша (the Flesch readability score) для русского языка⁷ отражает уровень сложности текста с точки зрения его восприятия (чем ниже показатель, тем более сложным считается текст):

$$K = 206,836 - 60,1 \times W - 1,3 \times S, \quad (8)$$

где *K* – сложность текста, *W* – средняя длина слов (в слогах), *S* – средняя длина предложений (в словах).

Там, где в целях анализа индикаторов требовались лемматизация, частеречное тегирование и распознавание именованных сущностей, в анализаторе для этих задач использовались библиотеки для обработки естественного языка – *rumorphy2*⁸ и *Natasha*⁹.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим полученные в ходе исследования результаты по каждой из проанализированных характеристик, сопоставляя и интерпретируя полученные данные по корпусам.

Результаты анализа индикаторов характеристики *упрощение* показали более низкие значения для всех индикаторов в переводных текстах (табл. 1). Для оценки стабильности средних значений индикаторов *упрощения* вычислялся коэффициент вариации (the coefficient of variation – CV)¹⁰, отражающий степень колеблемости средних значений индикаторов между текстами в каждом из

⁶ Обозначения для грамем (русский язык) // Морфологический анализатор *rumorphy2*. URL: <https://rumorphy2.readthedocs.io/en/stable/user/grammemes.html> (дата обращения: 22.08.24).

⁷ Оборнева И.В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров: дисс. ... канд. пед. наук; 13.00.02. М., 2006. С. 47.

⁸ Морфологический анализатор *rumorphy2*. URL: <https://rumorphy2.readthedocs.io/en/stable/> (дата обращения: 26.03.2025).

⁹ Описание проекта // *natasha* 1.6.0. URL: <https://pypi.org/project/natasha/> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁰ Коэффициент вариации (Variation coefficient) // Вики. URL: <https://wiki.loginom.ru/articles/variation-coefficient.html> (дата обращения: 15.03.25).

подкорпусов. Коэффициент вариации рассчитывался как отношение стандартного квадратического отклонения к взвешенному среднему арифметическому. Принято считать, что если коэффициент вариации не превышает 33%, то выборочная совокупность является однородной и величина исследуемого признака может считаться надежной характеристикой этой совокупности. Как видно из табл. 1, для всех индикаторов значения колеблемости не превышают порога в 33%, что свидетельствует о достаточно стабильном распределении показателей по корпусам.

Таблица 1. Средние показатели индикаторов упрощения по корпусам
Table 1. Average indicators of simplification indicators by buildings

Показатель	Непереводные тексты	Переводы	Разница	CV (Непереводные тексты)	CV (Переводы)
Lexical density	64%	61%	3%	3,5%	4,5%
TTR	28,18%	26,94%	1,24%	15%	18%
Log TTR	85,25%	84,76%	0,49%	1,8%	1,9%
Modified TTR	1995,64	1921,57	74,07	8,6%	12,7%
Mean word length					
(1) characters	6,9	6,7	0,2	3%	4,4%
(2) syllables	2,95	2,89	0,06	3,3%	4%
Mean sentence length					
(1) tokens	30,1	25,6	4,5	28%	11%
(2) characters	176	148	28	28%	13%
Mean word rank 1	1831,53	1689,3	142,23	8%	13%
Mean word rank 2	886,29	847,72	38,57	6%	9%

Результаты анализа подтверждают действие упрощения на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Примечательно, что для корпуса непереводных текстов коэффициент вариации средней длины предложений (в токенах и в символах) приближается к пороговому значению и значительно превосходит аналогичный показатель у переводных текстов. Вероятно, это свидетельствует о большей вариативности длины предложений в непереводных текстах, что может быть связано с большим разнообразием используемых синтаксических конструкций. В то время как в переводных текстах длина предложений часто более стандартизирована, что, вероятно, вызвано стремлением избежать чрезмерно сложных или стилистически разнообразных синтаксических структур.

Среди индикаторов особенно выделяются *модифицированный коэффициент лексической вариативности* и показатель *среднего ранга слов*. Показатель *лексической вариативности* оказался существенно ниже в переводах, что указывает на стремление переводчиков избегать использования лексических единиц, встречающихся в тексте лишь единожды (*hapax legomena*). Значительный разрыв между корпусами по *показателю среднего ранга слов*, в свою очередь, свидетельствует о снижении уникальности используемой в переводах лексики и о предпочтении переводчиками более частотных вариантов лексем (например, выбор лексемы *сложный* с рангом 754 вместо менее частотной лексемы *трудоемкий* с рангом 6000). Следует отметить, что такое снижение количества *hapax legomena* и среднего ранга слов может стать причиной сглаживания стилистических особенностей текста, заложенных автором оригинальной статьи, и потери его оригинальности.

Сопоставление полученных показателей индикаторов нормализации продемонстрировало снижение *лексической повторяемости* в переводах (40,13% в непереводных текстах против 38,4% в переводах), что свидетельствует в пользу *нормализации*. Потенциальным следствием такого снижения является ослабление смысловых связей между частями текста, для обеспечения которых в оригинальном тексте употреблялись опущенные в переводе лексемы. Еще одним

следствием может стать утрата смысловых акцентов, намеренно расставленных автором оригинальной статьи посредством повторного употребления той или иной лексемы.

Нормализованная частота биграмм с PMI > 0, вопреки прогнозам, была почти одинаковой по корпусам: 97,3% для непереводных текстов против 97% для переводов.

Перейдем к рассмотрению результатов анализа *экспликации*. В отличие от индикаторов *упрощения*, относящихся к более общим, глобальным характеристикам текста и имеющим более равномерное распределение по корпусу, индикаторы *экспликации* подразумевают учет языковых единиц, выбор и частота использования которых в значительной мере зависят от таких факторов, как контекст и тематическая соотнесенность текста (в случае с именованными сущностями), сознательное намерение автора оригинала использовать определенные языковые единицы с целью выразить собственное отношение к обсуждаемому предмету, усилить определенные логические связи, привлечь внимание читателя к чему-либо и т.д. (в случае с дискурсивными маркерами). Все это может стать причиной менее равномерного распределения анализируемых языковых единиц между текстами в корпусе и, как следствие, увеличить вероятность возникновения выбросов – значений, значительно отклоняющихся от общей тенденции. В связи с этим при расчете средних показателей индикаторов было решено использовать взвешенную медиану, а коэффициент вариации рассчитывался как отношение взвешенного медианного абсолютного отклонения к взвешенному медианному значению. Результаты анализа характеристики *экспликация* приведены в табл. 2.

Таблица 2. Средние (медианные) показатели индикаторов экспликации по корпусам
Table 2. Average (median) indicators of explication by corpus

Показатель	Непереводные тексты	Переводы	Разница	CV (Непереводные тексты)	CV (Переводы)
Explicit naming	168,5%	248%	49,5%	47,2	51
Single naming	61%	71%	10%	23	20
Mean named entity length	1,4 токена	1,3 токена	0,1 токена	13	11
ДМ пояснения	0,37%	0,5%	0,13%	25	21
ДМ противопоставления	1,04%	1,15%	0,11%	21	10
ДМ порядка следования информации	0,2%	0,186%	0,014%	42	17
ДМ выводов	0,4%	0,32%	0,08%	18	32

Согласно показателям *эксплицитного называния*, переводам свойственно более частое использование личных и притяжательных местоимений для идентификации имен собственных. При этом коэффициент вариации показателей индикатора указывает на то, что оба подкорпуса демонстрируют по нему высокую и вместе с тем схожую степень вариативности. Как упоминалось ранее, такая вариативность может быть обусловлена тем, что частота использования именованных сущностей, используемых при подсчете показателей *эксплицитного называния*, во многом зависит от контекста, тематики статьи и авторских предпочтений. Результаты анализа *единичного именованного* и *средней длины именованных сущностей* не подтвердили прогнозов – в переводах чаще используются именованные сущности, состоящие из одного токена, а средняя длина именованных сущностей по корпусам почти не различается.

Что касается дискурсивных маркеров, обеспечивающих когерентность частей текста друг другу и связь текста как единого целого, то, вопреки ожиданиям, результаты анализа показали снижение частоты использования в переводах *дискурсивных маркеров порядка следования информации* (маркеры типа *прежде всего, во-первых, с одной стороны*) и выводов (маркеры типа *таким*

образом, следовательно, *итак*). Такое снижение может стать причиной ослабления логических связей между частями текста и затруднения восприятия приводимых в статье аргументов и результатов исследования. Следует отметить, что коэффициент вариации *дискурсивных маркеров порядка следования информации* в непереводном корпусе значительно превысил пороговое значение (33%), что говорит о неравномерном распределении маркеров этого типа между непереводными текстами. Коэффициент вариации *дискурсивных маркеров выводов* в переводах составил приближающееся к пороговому значение, которое, к тому же, заметно превышает то же значение в непереводных текстах, что свидетельствует о большей вариативности в использовании этих маркеров в переводе. В этом контексте перспективным направлением дальнейших исследований представляется расширение корпуса и привлечение дополнительных текстов, что позволит более точно установить закономерности использования маркеров этих типов.

В то же время результаты анализа подтвердили наличие в переводах характеристики *экспликация* по показателям *дискурсивных маркеров пояснения* (маркеры типа *потому что, иными словами*) и *противопоставления* (маркеры типа *хотя, тем не менее*), обеспечивающим когезию между предложениями / их частями, что может свидетельствовать о повышении объяснительного потенциала текста.

Перейдем к рассмотрению результатов анализа индикаторов *интерференции* по корпусам. Данные об использовании *частеречных n-грамм*, продемонстрировавших наибольшие различия, приведены в табл. 3.

Таблица 3. Нормализованные частоты частеречных n-грамм по корпусам
Table 3. Normalized frequencies of partial n-grams by case

<i>n</i> -граммы	Непереводные тексты (%)	Переводы (%)	Разница (%)
NOUN	31,4	29,6	1,8
ADJF	15,4	14,6	0,8
CONJ	7,8	8,6	0,8
NPRO	2,2	2,7	0,5
VERB	5,9	6,8	0,9
NOUN, NOUN	6,96	6,23	0,73
NOUN, ADJF	3,9	3,1	0,8
NOUN, PREP	3,7	3,3	0,4
COMMA, PRTF	0,8	0,6	0,2
COMMA, CONJ	2,58	2,96	0,38
NPRO, VERB	0,5	0,9	0,4
S_START, CONJ	0,55	0,75	0,2
CONJ, NPRO	0,31	0,46	0,15
S_START, NPRO	0,13	0,27	0,14
NOUN, ADJF, NOUN	2,96	2,3	0,66
NOUN, NOUN, PREP	0,9	0,67	0,23
NOUN, NOUN, NOUN	1,47	1,25	0,22
NOUN, COMMA, PRTF	0,71	0,56	0,15
VERB, ADJF, NOUN	0,72	0,84	0,12
CONJ, NPRO, VERB	0,1	0,2	0,1
CONJ, NOUN, VERB	0,19	0,27	0,08
VERB, NOUN, PREP	0,24	0,28	0,04
VERB, NOUN, NOUN	0,4	0,42	0,02

Из таблицы видно, что текстам переводов свойственно более частое использование таких *n*-грамм, как (*CONJ*), (*COMMA, CONJ*) и (*NPRO*), что может быть следствием *экспликации*. *n*-

граммы (*CONJ*) и (*COMMA, CONJ*), вероятно, говорят о более частом использовании в переводах придаточных предложений, в то время как *n*-грамма (*NPRO*) – о более частом употреблении местоименных существительных, часто используемых для указания на существительные-антецеденты в тексте перевода.

В целях иллюстрации других выявленных различий рассмотрим некоторые примеры *частеречных триграмм*, взятые из проанализированных подкорпусов, и приведем возможные причины этих различий (табл. 4).

Таблица 4. Примеры триграмм и причины различий в их частотах
Table 4. Examples of trigrams and the reasons for differences in their frequencies

<i>n</i> -граммы	Примеры	Частота	Причина
CONJ, NPRO, VERB	<i>поскольку она играет</i>	Выше в переводе из-за интерференции	В АЯ прямой порядок слов в утверждениях, почти полное отсутствие глагольных окончаний, вследствие чего наличие подлежащего обязательно
CONJ, NOUN, VERB	<i>поскольку ценность приобретается</i>		
VERB, NOUN, NOUN	<i>устанавливается новая связь (вместо установление новой связи)</i>	Выше в переводе из-за интерференции	Академическому АЯ свойственен более активный стиль изложения, из-за чего при описании чаще используются глаголы, нежели имена существительные
VERB, NOUN, PREP	<i>проявляется склонность к (вместо проявление склонности к)</i>		
NOUN, NOUN, NOUN	<i>описание данных наблюдения (в переводе чаще используются конструкции типа описываются данные наблюдения)</i>	Ниже в переводе из-за интерференции	См. причину выше
NOUN, NOUN, PREP	<i>адаптация условий для (в переводе чаще используются конструкции типа адаптировать условия для)</i>		
VERB, ADJF, NOUN	<i>проявлялись культурные образцы (вместо проявление культурных образцов)</i>	Выше в переводе из-за интерференции	См. причину выше
NOUN, ADJF, NOUN	<i>появление взаимного доверия (в переводе чаще используются конструкции типа появляется взаимное доверие)</i>	Ниже в переводе из-за интерференции	См. причину выше
NOUN, COMMA, PRPF	<i>функция, обеспечивающая (в переводе чаще используются конструкции типа функция, которая обеспечивает)</i>	Ниже в переводе из-за интерференции	В АЯ конструкции причастиями настоящего времени (<i>participial phrases</i>) используются реже, чаще предпочтение отдается придаточным определительным / распространительным

Рассмотрим некоторые примеры буквенных *n*-грамм, наиболее информативными являются триграммы (табл. 5), так как они позволяют захватывать морфемы слов целиком.

Анализ демонстрирует снижение частотности окончаний *-ой*, *-го* и *-ого* в переводах, что свидетельствует о менее частом употреблении форм родительного падежа прилагательных. Это явление может быть объяснено интерференцией английского языка, являющегося, как показано в табл. 4, более динамичным, в результате чего фразы с отглагольными существительными типа *появление взаимного доверия* с большей вероятностью будут передаваться в переводе с использованием глагола (ср. с *появляется взаимное доверие*), устраняющего необходимость употребления

родительного падежа. О снижении использования в переводе отглагольных существительных также говорит и уменьшение частоты триграмм типа *-ция / -ции* и *-ния / -ние*, часто используемых в качестве суффиксов в отглагольных существительных.

Таблица 5. Нормализованные частоты буквенных *n*-грамм
Table 5. Normalized letter *n*-gram frequencies

3-граммы	Непереводные тексты (%)	Переводы (%)	Разница (%)
о, й, >	0,367	0,269	0,098
г, о, >	0,4	0,33	0,07
о, г, о	0,31	0,265	0,045
н, и, я	0,275	0,259	0,016
ц, и, и	0,131	0,116	0,015
ц, и, я	0,053	0,048	0,005
н, и, е	0,205	0,195	0,01

Рассмотрим некоторые результаты анализа *триграмм со служебными словами* (табл. 6), в которых два токена заменены служебными словами, а один токен — соответствующим ему тегом.

Таблица 6. Нормализованные частоты 3-грамм со служебными словами
Table 6. Normalized 3-gram frequencies with service words

3-граммы	Непереводные тексты (%)	Переводы (%)	Разница (%)
в, том, СОММА	0,05	0,09	0,04
того, СОММА, чтобы	0,01	0,05	0,04
VERB, в, том	0,023	0,06	0,037
для, того, СОММА	0,007	0,034	0,027
то, СОММА, что	0,06	0,084	0,024
том, СОММА, что	0,08	0,1	0,02

Представленные данные свидетельствуют о более частом использовании в переводе элементов, вводящих придаточные предложения, которые служат для повышения *экспликации* какого-либо содержания текста. Эти данные согласуются с представленными ранее результатами анализа *дискурсивных маркеров пояснения*, также преобладающих в переводных текстах и используемых с такой же целью.

Перейдем к анализу *позиционной частоты токенов* в предложениях по корпусам. В табл. 7 представлены данные о токенах на первой, второй, третьей с конца и предпоследней позициях в предложении — приводятся токены, абсолютная взвешенная частота которых больше или равна единице. Последняя позиция из анализа исключается, так как используется исключительно для определения конца предложений. Токены распределены по своей частеречной принадлежности, в скобках указаны их нормализованные частоты.

Значительное увеличение в переводах частоты использования союзов на первой позиции, вероятно, свидетельствует в пользу *экспликации*, проявляющейся в стремлении переводчиков сделать логические и причинно-следственные связи между частями текста более явными. Более высокая частота противительных союзов, в свою очередь, может быть признаком *интерференции*, вызванной частым использованием в английском языке на первой позиции таких союзов, как *however, although, nevertheless*.

Более частое употребление указательных, личных и притяжательных местоимений на первой, второй и третьей позициях может быть следствием *экспликации*, которая выражается в стремлении переводчиков сделать отсылку к ранее упомянутому в тексте существительным. Увеличение

Таблица 7. Нормализованные частоты токенов на разных позициях (по убыванию частот)
Table 7. Normalized token frequencies at different positions (in descending order of frequencies)

Непереводные тексты (%)			
Первая	Вторая	Третья с конца	Предпоследняя
Предлоги (15,57)	Пунктуация (9,2)	Союзы (6,3)	Пунктуация (5,5)
В (9,4), По (1,2), При (1,14), С (1), Для (0,93), На (0,9), К (0,54), Кроме (0,46)	, (9,2)	и (5,7), или (0,6)) (5,5)
Союзы (7,74)	Предлоги (4,9)	Предлоги (6,15)	Им. сущ. (3,47)
Однако (2,1), Но (1,6), И (1,3), Если (1,24), Поэтому (1), А (0,5)	в (2,2), из (0,9), на (0,8), с (0,6), к (0,4)	в (2,6), на (1,05), к (1), с (0,54), для (0,48), от (0,48)	времени (0,54), труда (0,53), общества (0,5), производства (0,43), жизни (0,41), мира (0,4), действия (0,36), власти (0,3)
Местоимения (9,39)	Местоимения (5,57)	Пунктуация (1,74)	
Это (1,7), Таким (1,45), Он (0,8), Эти (0,67), Этот (0,65), Эта (0,64), Все (0,63), Иными (0,6) Тем (0,57) Они (0,5), Мы (0,44), Она (0,4), Что (0,34)	этом (1,7), это (1,2), того (0,9), то (0,45), этой (0,4), этого (0,4), ее (0,4), его (0,3)	, (1,34),) (0,4)	
Наречия (4,57)	Частицы (2)	Частицы (1,34)	
Как (1,7), Так (1,25), Именно (0,65), Здесь (0,47), Более (0,5)	не (1,2), же (0,8)	не (1,34)	
Вводные слова (1,26)	Им. сущ. (2,67)	Местоимения (1,84)	
Во-первых (0,4), Во-вторых (0,4), Например (0,46)	образом (1,5), словами (0,67), результате (0,5)	его (1,04), их (0,8)	
Предикатив (0,43)	Союзы (1,4)	Им. прил. (1,74)	
Можно (0,43)	и (1,4)	социальной (0,76), социального (0,52), социальных (0,46)	
Частицы (0,4)	Наречия (0,4)		
Не (0,4)	как (0,4)		
Переводы (%)			
Первая	Вторая	Третья с конца	Предпоследняя
Предлоги (15,65)	Пунктуация (8,8)	Союзы (7,88)	Пунктуация (2,5)
В (8,9), С (1,3), На (1), Для (0,94), По (0,88), Кроме (0,6), При (0,5), К (0,5), Несмотря (0,35), Согласно (0,34), Во (0,34)	, (8,8)	и (7,13), или (0,75)) (2,5)
Союзы (11,95)	Предлоги (4,11)	Предлоги (6,26)	Им. сущ. (2,55)
Но (3,2), Однако (2,4), Если (1,85), И (1,37), Хотя (0,78), А (0,53), Поэтому (0,5), Поскольку (0,46), Чтобы (0,46), Когда (0,4)	в (1,9), из (1,03), на (0,78), с (0,4)	в (2,65), к (1,05), на (1), с (0,96), для (0,6)	жизни (0,6), общества (0,5), сообщества (0,4), политики (0,38), деятельности (0,37), организации (0,3)
Местоимения (13,24)	Местоимения (7,04)	Пунктуация (0,7)	
Это (3,05), Они (1,7), Он (1,14), Таким (1,13), Эти (1,1), Мы (0,85), Я (0,82), Эта (0,7), Этот (0,6), Все (0,6), Тем (0,6), Что (0,55), Она (0,4)	это (1,3), того (1), этом (0,9), мы (0,75), то (0,6), этого (0,56), этой (0,5), эти (0,4), они (0,37), другой (0,34), что (0,32)	, (0,7)	

Окончание таблицы 7

Наречия (3,73)	Частицы (1,95)	Частицы (1)	
Как (1,4), Так (0,75), Именно (0,6), Здесь (0,55), Более (0,43)	не (1,25), же (0,7)	не (1)	жизни (0,6), общества (0,5), сообщества (0,4), политики (0,38), деятельности (0,37), организации (0,3)
Вводные слова (0,82)	Им. сущ. (1,56)	Местоимения (2,5)	
Например (0,56), Итак (0,26)	образом (1,2), словами (0,36)	их (1,22), его (0,72), ее (0,56)	
Частицы (0,45)	Союзы (2,3)	Им. прил. (1,73)	
Не (0,45)	и (1,4), также (0,5), если (0,4)	социальных (0,76), социальной (0,5), социального (0,47)	

частоты использования местоимений на первой позиции может также быть связано с *интерференцией* английского языка с его обязательным формальным наличием подлежащего в предложении – это приводит к тому, что местоимения, которые могли бы быть опущены в русскоязычном тексте, в переводе сохраняются. Дополнительным фактором здесь служит тенденция современной англоязычной научной литературы к использованию активного стиля изложения¹¹, особенно если речь идет о таких разделах научной статьи как «Введение», «Обсуждение» и «Результаты» – в них чаще предпочтение отдается активным формам глаголов, так как это позволяет читателю легко идентифицировать деятеля, что снижает риск двусмысленности и повышает уровень ответственности авторов за излагаемые в статье положения и результаты. Также в английской научной литературе нормой является использование местоимений *we* или *I* для указания автора исследования в качестве деятеля, в то время как русскоязычной литературе такая практика менее распространена, а порой и вовсе не приветствуется.

Кроме того, из табл. 7 видно, что в непереводных текстах закрывающие скобки на предпоследней и третьей с конца позициях встречаются гораздо чаще, чем в переводах, что, вероятно, говорит о более частом использовании в русскоязычной научной литературе скобок для указания каких-либо уточнений / дополнительной информации, при этом без нарушения структуры основного текста. В переводах же более частое употребление союзов *or* / *and* или на третьей с конца позиции может быть обусловлено нормой английского языка использовать соединительные союзы *or* или *and* перед последним элементом перечисления, в то время как русскоязычный текст в данном случае нередко обходится запятой, что также подтверждается данными из таблицы.

Наконец, перейдем к рассмотрению индикаторов, не вошедших ни в одну из характеристик. Из табл. 8 видно, что переводам свойственно более частое использование некоторых личных, притяжательных и указательных местоимений, что еще раз подтверждает действие характеристики *экспликации*.

Более частое использование местоимения *он* в непереводных текстах связано с тем, что в английском языке, в отличие от русского, у существительных отсутствует грамматическая категория рода, и что в случае, если в оригинале используются местоимения *he* или *she*, в переводе они однозначно будут переданы как *он* или *она*, в то время как местоимение *it* используется для обозначения абстрактных понятий, неодушевленных объектов или животных, а соответствующие им существительные в русском языке могут быть любого рода, в том числе и мужского, из-за чего нередко *it* переводится как *он*. Что касается местоимения *столько*, оно не имеет прямого аналога в английском языке, что делает его использование более характерным для непереводных текстов.

Рост использования относительных местоимений, выполняющих функцию союзных слов, которые вводят придаточные предложения, свидетельствует об *экспликации*.

¹¹ Plotnick. J. How to Use Active Voice in the Sciences // The Founding College of the University of Toronto. URL: <https://www.uc.utoronto.ca/active-voice-in-science> (дата обращения: 22.12.24).

Таблица 8. Нормализованные частоты местоимений по разрядам
Table 8. Normalized frequencies of pronouns by digits

Местоимение	Непереводные тексты (%)	Переводы (%)	Разница (%)
Личные местоимения			
они	0,627	0,962	0,335
мы	0,225	0,404	0,179
я	0,061	0,173	0,112
она	0,349	0,375	0,026
вы	0,002	0,016	0,014
он	0,686	0,574	0,112
Притяжательные местоимения			
свой	0,434	0,47	0,036
наш	0,087	0,118	0,031
мой	0,008	0,033	0,025
Указательные местоимения			
это	0,638	0,795	0,157
этот	0,491	0,63	0,139
тот	0,577	0,693	0,116
такой	0,374	0,419	0,045
то	0,313	0,358	0,045
столько	0,02	0,01	0,01
Определительные местоимения			
другой	0,28	0,4	0,12
сам	0,26	0,16	0,10
иной	0,12	0,06	0,06
Относительные местоимения			
который	0,84	1,05	0,21
что	0,9	1,04	0,14
чем	0,1	0,15	0,05
какой	0,07	0,1	0,03
Неопределенные местоимения			
некоторый	0,05	0,13	0,08
несколько	0,04	0,06	0,02

Более высокая частота местоимений *другой*, *некоторый* и *несколько* в переводах может быть объяснена *интерференцией* английского языка, которому свойственно очень частое использование лексем *other / another / the other* и *some*.

Сравнение частот некоторых *пунктуационных знаков*, нормализованных относительно всех знаков препинания, приведено в табл. 9.

Более частое употребление запятых, нередко использующихся для введения придаточных предложений, вероятно, является показателем *экспликации*, а рост частоты употребления точек подтверждает наличие синтаксического *упрощения*. Что касается увеличения частоты использования точек с запятой в переводах, это может быть связано с *интерференцией* – в английских текстах точку с запятой зачастую используют для соединения двух и более предложений, сохраняя их относительную автономность, но при этом подчеркивая тесную смысловую связь¹². Для примера приведем предложение, взятое из оригинала одного из проанализированных переводов: *If the*

¹² Semicolons, colons, and dashes // The Writing Center. The University of North Carolina at Chapel Hill. URL: <https://writingcenter.unc.edu/tips-and-tools/semi-colons-colons-and-dashes/> (дата обращения: 22.12.24).

argument about the current postsocial transition is right, such extensions will be needed in several respects; to make them is perhaps the major challenge confronting social theory today.

Увеличение использования в переводах тире, вероятно, также является следствием *интерференции* и связано с особенностями их употребления в оригинальных англоязычных текстах. В английском языке чаще, чем в русском, тире используется для акцентирования внимания на важных аспектах предложения или для пояснения какого-то элемента в нем. Для примера приведем следующее предложение: *I now need to sketch out what an expanded conception of sociality that includes (but is not limited to) material objects – which I will call an object-centered sociality – is about.* В данном варианте тире используется для разъяснения термина, в то время как в русском языке аналогичная по смыслу структура часто оформляется с помощью запятых или же вовсе практикуется разбиение предложения на несколько более простых.

Таблица 9. Нормализованные частоты знаков препинания
Table 9. Normalized punctuation mark frequencies

Знак	Непереводные тексты (%)	Переводы (%)	Разница (%)
,	50,86	55,21	4,35
.	20,66	23,97	3,31
–	0,51	1,11	0,60
;	0,71	0,97	0,26

Что касается использования *глаголов в форме страдательного залога*, в переводах их процент несколько ниже (12,6% против 15%). Одной из причин этого, как уже указано, может служить тенденция англоязычных научных текстов к активному стилю изложения. Так, например, предложение *We propose a new method for analyzing...* в русскоязычных непереводных статьях с большей вероятностью будет выглядеть как *В статье предлагается / предложен новый метод анализа...* Однако вопрос о том, следует ли в процессе постредактирования переводов намеренно заменять активные конструкции оригинала на пассивные, остается открытым, поскольку это может нарушить намерения автора оригинала, особенно если он осознанно стремился к персонализированному стилю.

Анализ *индекса удобочитаемости Флеша* показал, что переводные тексты сложнее непереводных для восприятия – для непереводных текстов индекс составил 5,8, а для переводных – 1,97. Это, вероятно, вызвано тем, что, хотя средняя длина слов и предложений в переводах становится несколько меньше, возрастающая тенденция к *экспликациям*, а именно к более частому использованию местоимений, союзов, а также придаточных предложений, может усложнять восприятие текста и влиять на значение данного показателя.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного анализа подтверждают, что переводам научных статей с английского на русский язык свойственно наличие всех ключевых характеристик феномена *translationese*. Приведем выявленные характеристики феномена и их индикаторы, а также рассмотрим возможные пути преодоления их влияния на перевод:

Упрощение. Все индикаторы данной характеристики подтвердили ее влияние на переводы. Индикаторами, продемонстрировавшими наиболее существенные различия, оказались *модифицированный коэффициент лексического разнообразия* и *средний ранг слов*. Так, оба они указывают на лексическое упрощение текста и снижение уникальности используемой в переводах лексики, что может приводить к нивелированию стилистических особенностей, заложенных в тексте оригинала. Преодолеть это влияние, повысив уровень уникальности и разнообразие используемой в переводе лексики, можно несколькими способами:

1) обращаясь к словарям синонимов / антонимов, а также тезаурусам (к примеру, RuWordNet¹³), предлагающим широкий спектр лексических единиц, находящихся с интересующим переводчика / постредактора словом не только в отношениях анто- и синонимии, но также и гипо-, гипер-, меро- и холонимии;

2) используя частотный словарь русской лексики для выбора менее частотных вариантов слов (слов с бóльшим порядковым номером в списке).

Нормализация. Влияние данной характеристики подтвердилось по индикатору *лексической повторяемости знаменательных слов* – было выявлено снижение по этому показателю. Учет данного явления в переводе видится важным, поскольку, как говорилось выше, оно может повлечь ослабление логических связей между фрагментами текста и привести к снижению их понимания читателем, а также снизить важность идей, которые автор оригинального текста намеревался подчеркнуть, повторно используя опущенную в переводе лексику.

Экспликация. Было обнаружено, что данная характеристика проявляется в переводах через увеличение *показателя эксплицитного названия*, а именно частоты использования личных, притяжательных, указательных местоимений относительно имен собственных (рост частоты местоимений также подтверждается отдельным анализом местоимений и анализом *n*-грамм), а также через увеличение частоты *дискурсивных маркеров пояснения* и *противопоставления*, что свидетельствует о повышении связности и объяснительного потенциала текста. Вероятно, увеличение частоты этих маркеров необязательно ухудшает качество перевода, однако необходимы дальнейшие исследования, чтобы оценить влияние данного явления на восприятие качества перевода носителями русского языка.

В то же время было зафиксировано снижение частоты *дискурсивных маркеров*, организующих *порядок следования информации* и *выводы* статьи, что может привести к ослаблению понимания русскоязычным читателем логики аргументации и к тому, что выводы статьи станут менее очевидными.

Интерференция. Данная характеристика проявляется в переводе по всем проанализированным индикаторам. Так, анализ *частеречных n-грамм* продемонстрировал снижение триграмм (*NOUN, NOUN, NOUN*), (*NOUN, NOUN, PREP*) и (*NOUN, ADJF, NOUN*) и соответствующее этому снижению увеличение триграмм (*VERB, NOUN, NOUN*), (*VERB, NOUN, PREP*) и (*VERB, ADJF, NOUN*), связанное с более динамичной природой английского языка, где употребление глаголов более предпочтительно, чем использование их субстантивированных версий, что также подтверждается *анализом буквенных триграмм*. Также было выявлено, что переводам в меньшей мере свойственно использование триграммы (*NOUN, COMMA, PRTF*), обусловленное менее частым употреблением в английском языке фраз с причастиями настоящего времени (*participial phrases*), что приводит к снижению частоты причастных оборотов в русскоязычных переводах. Так, эти явления также необходимо учитывать, поскольку научный стиль русского языка отличается от английского научного стиля тем, что в первом гораздо чаще, чем во втором, предпочтение отдается отглагольным существительным вместо самих глаголов, а также чаще используются причастные обороты. Если при переводе не учитывать эти различия, вероятно, слишком частое использование глаголов (вместо существительных) и придаточных определительных (вместо причастий) может повлиять на восприятие текста русскоязычным читателем.

По результатам анализа *триграмм со служебными словами* было выявлено более частое использование в переводе придаточных конструкций, указывающее на повышение уровня эксплицитности.

Анализ индикатора *позиционной частоты токенов* показал увеличение использования союзов в начале предложений, вероятно, свидетельствующее о стремлении переводчиков более ясно выражать причинно-следственные связи в тексте (*экспликация*). Более частое использование

¹³ Тезаурус русского языка RuWordNet. URL: <https://www.ruwordnet.ru/ru> (дата обращения: 26.03.2025).

противительных союзов на первой позиции может быть результатом *интерференции*, так как в английском нередко союзы типа *however, although* стоят в начале предложения. Повышенная частота указательных, личных и притяжательных местоимений на первых двух и третьей с конца позициях, вероятно, также свидетельствует в пользу *экспликации*. А что касается увеличения частоты употребления личных местоимений на первой позиции, оно может быть вызвано интерференцией английского языка, выражающейся: 1) в необходимости (даже формального) присутствия подлежащего на первой позиции в утверждениях; 2) в тенденции к активному стилю изложения, т.е. к использованию глаголов в активном залоге, нередко сопровождающемуся употреблением местоимений *I* и *we* (если речь идет об авторе как деятеле) — данная тенденция отражает особенности современного английского научного дискурса, однако она в какой-то степени вступает в противоречие с нормами русскоязычной академической традиции и, вероятно, требует учета в процессе перевода / постредактирования.

Другие индикаторы. Анализ частот местоимений показал, что местоимения всех разрядов чаще встречаются в переводных текстах. Так, например, увеличение количества личных, притяжательных, указательных и относительных местоимений (последние используются как союзные слова для ввода придаточных предложений) подтверждает тенденцию к *экспликации*, на что стоит обращать внимание при переводе / постредактировании, поскольку избыточное употребление местоимений может приводить к усложнению текста, о котором также свидетельствует более низкий показатель *индекса удобочитаемости Флеша* для переводов. На *интерференцию* указывает значительно более частое использование в переводах местоимений *другой, некоторый* и *несколько*, аналогов очень частотных в английском языке слов *other, another, the other* и *some*. Вероятно, при переводе стоит контролировать частоту их использования, опуская их либо заменяя на другие лексемы (например, *другой* на *иной, еще один*).

Анализ *пунктуации* показал рост употребления точек с запятой и тире, что, вероятно, отражает *интерференцию* английской пунктуации, где данные знаки активно используются для соединения близких по смыслу предложений (точка с запятой) или для акцентирования / пояснения важных элементов текста (тире), что в меньшей мере характерно для норм русского языка.

Наконец, анализ *глаголов в форме страдательного залога* продемонстрировал снижение их процентного соотношения в тексте, что с большой долей вероятности является следствием упомянутой ранее тенденции более активного стиля изложения в англоязычном письменном дискурсе и что также необходимо учитывать при переводе / постредактировании, так как для русского научного стиля изложения характерно более частое использование страдательного залога.

Для более глубокого понимания выявленных характеристик необходимо проведение дальнейших исследований. Такие исследования позволят с большей точностью определить, какие из характеристик оказывают наиболее существенное влияние на качество перевода и должны быть учтены на этапе перевода и постредактирования, а какие менее значимы или вовсе не влияют на качество перевода. И в этом процессе использованный в представленном исследовании анализатор феномена *translationese* может сыграть ключевую роль, став инструментом систематического анализа и сопоставления корпусов текстов.

Перспективы дальнейшего исследования, помимо всего прочего, включают анализ (и включение в программу) других индикаторов феномена *translationese*, что обеспечит его более глубокий и детальный анализ. Кроме того, важным представляется увеличение объема исследовательского корпуса научных статей, что позволит повысить достоверность получаемых данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Baroni M., Bernardini S.** A New Approach to the Study of Translationese: Machine-learning the Difference between Original and Translated Text // *Literary and Linguistic Computing*. 2005. Vol. 21, Iss. 3. P. 259–274. DOI: 10.1093/llc/fqi039
2. **Koppel M., Ordan N.** Translationese and Its Dialects // *Proceedings of the 49th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*. Portland: Association for Computational Linguistics, 2011. P. 1318–1326.
3. **Volansky V., Ordan N., Wintner Sh.** On the features of translationese // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2013. Vol. 30, Iss. 1. P. 98–118. DOI: 10.1093/llc/fqt031
4. **Kunilovskaya M., Corpas Pastor G.** Translationese and register variation in English-to-Russian professional translation // *New Perspectives on Corpus Translation Studies* / ed. by V.X. Wang, D. Li, L. Lim. Singapore: Springer, 2021. P. 133–180. DOI: 10.1007/978-981-16-4918-9_6
5. **Kunilovskaya M., Lapshinova-Koltunski E., Mitkov R.** Translationese in Russian Literary Texts // *Proceedings of the 5th Joint SIGHUM Workshop on Computational Linguistics for Cultural Heritage, Social Sciences, Humanities and Literature*. Punta Cana: Association for Computational Linguistics, 2021. P. 101–112. DOI: 10.18653/v1/2021.latechclfl-1.12
6. **Bizzoni Y., Lapshinova-Koltunski E.** Measuring Translationese across Levels of Expertise: Are Professionals more Surprising than Students? // *Proceedings of the 23rd Nordic Conference on Computational Linguistics (NoDaLiDa)*. Reykjavik; Linköping University Electronic Press, 2021. P. 53–63.
7. **Pylypenko D., Amponsah-Kaakyire K., Dutta Chowdhury K., van Genabith J., España-Bonet C.** Comparing Feature-Engineering and Feature-Learning Approaches for Multilingual Translationese Classification // *Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Punta Cana: Association for Computational Linguistics, 2021. P. 8596–8611. DOI: 10.18653/v1/2021.emnlp-main.676
8. **Kunilovskaya M., Lapshinova-Koltunski E.** Lexicogrammatic Translationese across Two Targets and Competence Levels // *Proceedings of the 12th Conference on Language Resources and Evaluation*. Marseille: European Language Resources Association, 2020. P. 4102–4112.
9. **Ni J., Jin Z., Freitag M., Sachan M., Schölkopf B.** Original or Translated? A Causal Analysis of the Impact of Translationese on Machine Translation Performance // *Proceedings of the 2022 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*. Seattle: Association for Computational Linguistics, 2022. P. 5303–5320. DOI: 10.18653/v1/2022.naacl-main.389
10. **Lee Y.C.** Function Words as Markers of Translationese: A Corpus-based Approach to Mental Translation in Second Language Writing // *Korean Journal of English Language and Linguistics*. 2021. Vol. 21. P. 261–281. DOI: 10.15738/kjell.21..202103.261
11. **Gellerstam M.** Translationese in Swedish novels translated from English // *Translation Studies in Scandinavia* / ed. by L. Wollin, H. Lindquist. Lund: CWK Gleerup Publ., 1986. P. 88–95.
12. **Toury G.** Interlanguage and its Manifestations in Translation // *Meta*. 1979. Vol. 24, No. 2. P. 223–231. DOI: 10.7202/004502ar
13. **Frawley W.** Prolegomenon to a theory of translation // *Translation: Literary, Linguistic and Philosophical Perspectives* / ed. by W. Frawley. Newark: University of Delaware Press, 1984. P. 159–175.
14. **Baker M.** Corpus Linguistics and Translation Studies – Implications and Applications // *Text and Technology: In honour of John Sinclair* / ed. by G. Francis, E. Tognini-Bonelli. Amsterdam: John Benjamins Publ., 1993. P. 233–252. DOI: 10.1075/z.64.15bak
15. **Toury G.** *In Search of a Theory of Translation*. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics, 1980. 159 p.
16. **Blum-Kulka Sh.** Shifts of Cohesion and Coherence in Translation // *Interlingual and Intercultural Communication: Discourse and Cognition in Translation and Second Language Acquisition Studies*. Tübingen: Gunter Narr, 1986. P. 17–35.
17. **Бабина О.И., Зиновьева А.Ю., Неручева Е.Д.** Влияние предварительной обработки набора данных на концептуальную разметку текстовых токенов на основе двунаправленной LSTM // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15, № 3. С. 109–123. DOI: 10.18721/JHSS.15310
18. **Laviosa S.** How Comparable Can Comparable Corpora Be? // *Target-international Journal of Translation Studies*. 1997. Vol. 9, No. 2. P. 289–319. DOI: 10.1075/target.9.2.05lav

19. **Ben-Ari N.** The Ambivalent Case of Repetitions in Literary Translation. Avoiding Repetitions: a “Universal” of Translation? // *Meta*. 1998. Vol. 43, No. 1. P. 68–78. DOI: 10.7202/002054ar
20. **Church K., Hanks P.** Word association norms, mutual information, and lexicography // *Proceedings of the 27th Annual Meeting on Association for Computational Linguistics*. Vancouver: Association for Computational Linguistics, 1989. P. 76–83. DOI: 10.3115/981623.981633
21. **Корут С.В.** Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе // *Сибирский филологический журнал*. 2016. № 2. С. 157–163. DOI: 10.17223/18137083/55/17

REFERENCES

- [1] **Baroni M., Bernardini S.**, A New Approach to the Study of Translationese: Machine-learning the Difference between Original and Translated Text, *Literary and Linguistic Computing*, 21 (3) (2005) 259–274. DOI: 10.1093/lc/fqi039
- [2] **Koppel M., Ordan N.**, Translationese and Its Dialects, *Proceedings of the 49th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, Portland, 2011, pp. 1318–1326.
- [3] **Volansky V., Ordan N., Wintner Sh.**, On the features of translationese, *Digital Scholarship in the Humanities*, 30 (1) (2013) 98–118. DOI: 10.1093/lc/fqt031
- [4] **Kunilovskaya M., Corpas Pastor G.**, Translationese and register variation in English-to-Russian professional translation, *New Perspectives on Corpus Translation Studies*, ed. by V.X. Wang, D. Li, L. Lim., Springer, Singapore, 2021, pp. 133–180. DOI: 10.1007/978-981-16-4918-9_6
- [5] **Kunilovskaya M., Lapshinova-Koltunski E., Mitkov R.**, Translationese in Russian Literary Texts, *Proceedings of the 5th Joint SIGHUM Workshop on Computational Linguistics for Cultural Heritage, Social Sciences, Humanities and Literature*, Association for Computational Linguistics, Punta Cana, 2021, pp. 101–112. DOI: 10.18653/v1/2021.latechclfl-1.12
- [6] **Bizzoni Y., Lapshinova-Koltunski E.**, Measuring Translationese across Levels of Expertise: Are Professionals more Surprising than Students?, *Proceedings of the 23rd Nordic Conference on Computational Linguistics (NoDaLiDa)*, Reykjavik, Linköping University Electronic Press, 2021, pp. 53–63.
- [7] **Pylypenko D., Amponsah-Kaakyire K., Dutta Chowdhury K., van Genabith J., España-Bonet C.**, Comparing Feature-Engineering and Feature-Learning Approaches for Multilingual Translationese Classification, *Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Association for Computational Linguistics, Punta Cana, 2021, pp. 8596–8611. DOI: 10.18653/v1/2021.emnlp-main.676
- [8] **Kunilovskaya M., Lapshinova-Koltunski E.**, Lexicogrammatic Translationese across Two Targets and Competence Levels, *Proceedings of the 12th Conference on Language Resources and Evaluation*, European Language Resources Association, Marseille, 2020, pp. 4102–4112.
- [9] **Ni J., Jin Z., Freitag M., Sachan M., Schölkopf B.**, Original or Translated? A Causal Analysis of the Impact of Translationese on Machine Translation Performance, *Proceedings of the 2022 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, Association for Computational Linguistics, Seattle, 2022, pp. 5303–5320. DOI: 10.18653/v1/2022.naacl-main.389
- [10] **Lee Y.C.**, Function Words as Markers of Translationese: A Corpus-based Approach to Mental Translation in Second Language Writing, *Korean Journal of English Language and Linguistics*, 21 (2021) 261–281. DOI: 10.15738/kjell.21..202103.261
- [11] **Gellerstam M.**, Translationese in Swedish novels translated from English, *Translation Studies in Scandinavia*, ed. by L. Wollin, H. Lindquist, CWK Gleerup Publ., Lund, 1986. pp. 88–95.
- [12] **Toury G.**, Interlanguage and its Manifestations in Translation, *Meta*, 24 (2) (1979) 223–231. DOI: 10.7202/004502ar
- [13] **Frawley W.**, Prolegomenon to a theory of translation, *Translation: Literary, Linguistic and Philosophical Perspectives*, ed. by W. Frawley, University of Delaware Press, Newark, 1984. pp. 159–175.
- [14] **Baker M.**, *Corpus Linguistics and Translation Studies – Implications and Applications*, Text and Technology: In honour of John Sinclair, ed. by G. Francis, E. Tognini-Bonelli, John Benjamins Publ., Amsterdam, 1993, pp. 233–252. DOI: 10.1075/z.64.15bak

[15] **Toury G.**, In Search of a Theory of Translation, The Porter Institute for Poetics and Semiotics, Tel Aviv, 1980.

[16] **Blum-Kulka Sh.**, Shifts of Cohesion and Coherence in Translation, Interlingual and Intercultural Communication: Discourse and Cognition in Translation and Second Language Acquisition Studies, Gunter Narr, Tübingen, 1986, pp. 17–35.

[17] **Babina O.I., Zinoveva A.Yu., Nerucheva E.D.**, Dataset preprocessing effects on Bi-LSTM based concept tagging of text tokens, Terra Linguistica, 15 (3) (2024) 109–123. DOI: 10.18721/JHSS.15310

[18] **Laviosa S.**, How Comparable Can Comparable Corpora Be?, Target-international Journal of Translation Studies, 9 (2) (1997) 289–319. DOI: 10.1075/target.9.2.05lav

[19] **Ben-Ari N.**, The Ambivalent Case of Repetitions in Literary Translation. Avoiding Repetitions: a “Universal” of Translation?, Meta, 43 (1) (1998) 68–78. DOI: 10.7202/002054ar

[20] **Church K., Hanks P.**, Word association norms, mutual information, and lexicography, Proceedings of the 27th Annual Meeting on Association for Computational Linguistics, Association for Computational Linguistics, Vancouver, 1989, pp. 76–83. DOI: 10.3115/981623.981633

[21] **Kogut S.V.**, Discourse markers in written scientific discourse, Siberian Journal of Philology, 2 (2016) 157–163. DOI: 10.17223/18137083/55/17

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Серова Олеся Усмановна

Olesya U. Serova

E-mail: serovaolesyau@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4902-1738>

Поступила: 14.01.2025; Одобрена: 23.03.2025; Принята: 28.03.2025.

Submitted: 14.01.2025; Approved: 23.03.2025; Accepted: 28.03.2025.

Научная статья

УДК 81"33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16106>

EDN: <https://elibrary/XKXCUO>

ДЕОНТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КЛЮЧЕВОГО СЛОВА В ДИСКУРСЕ: *WESTLICHE WERTE* (ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ) В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА, НАПРАВЛЯЕМОГО КОРПУСОМ

В.Е. Чернявская

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Аннотация. В рамках статьи анализируется деонтическое значение, понимаемое как компонент значения слова или выражения, содержащий оценку и одновременно предписание ин-структивного характера о (не)желательности использования слова в некотором контексте для обозначения определенного содержания. Анализ деонтического значения проводится с опорой на понятие *ключевое слово* как значимое слово, которое начинает выдвигаться и активно повто-ряться в социокультурном контексте в определенный период для выражения социально значи-мых смыслов. Ключевые слова рассматриваются как разновидность салиентной лексики, ассо-циированы с определенными социальными акторами, политическими партиями, движениями, привязаны к сущностным характеристикам их политической повестки, могут использоваться при выражении альтернативных ценностей и конкурирующих понятий. Изучение ключевых слов опирается на их включенность в дискурс. Исследуется семантика и прагматика языковой единицы *westliche Werte* (*западные ценности*) в современном немецком дискурсе и выявляется ее деонтическая заряженность. Анализ проведен как некритический дискурсивный анализ, на-правляемый корпусом. Выборка контекстов осуществлена на основе «Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache» («Цифрового словаря современного немецкого языка»). Использованы специ-еализированный корпус политических речей, газетный корпус «Frankfurter Allgemeine Zeitung» («Франкфуртер альгемайне цайтунг»). Поисковый период ограничен 2014–2023 гг. Установлено, что в немецком общественном дискурсе *westliche Werte* (*западные ценности*) выступает как одно из ключевых слов. *Westliche Werte* (*западные ценности*) используется как «слово-знаменосец» с поло-жительной оценочностью и деонтикой желательности при обозначении понятий, формирующих самопонимание и саморепрезентацию немецкого общества и его коллективную идентичность. В связи с альтернативными идеологиями, политическим взглядами и социальными акторами это ключевое слово утрачивает положительную деонтику и получает признаки ключевого слова-яр-лыка с пейоративной семантикой отторжения. Анализ показывает, что разработка деонтического значения языковой единицы представляет новый инструментарий в изучении семантической и оценочной полисемии вследствие идеологической поляризации социальных акторов, стоящих за выражаемым понятием.

Ключевые слова: деонтическое значение, деонтическая полисемия, оценочность, ключевое сло-во, дискурсивный анализ, направляемый корпусом.

Для цитирования: Чернявская В.Е. Деонтическое значение ключевого слова в дискурсе: *westliche Werte* (*западные ценности*) в немецком общественном пространстве как предмет анализа, направ-ляемого корпусом // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 1. С. 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

DEONTIC MEANING OF A DISCURSIVE KEY WORD: CORPUS-ASSISTED ANALYSIS OF *WESTLICHE WERTE* (WESTERN VALUES)

V.E. Chernyavskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

✉ chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Abstract. The paper highlights the notion of deontic meaning, understood as a component of the descriptive meaning of a word or a phrase, expressing both an assessment and a volitive modality indicating how a word ought to be used in a certain context to denote a certain content. The analysis is in line with the concept of cultural keywords that at certain periods of time stand out in public discourse and begin to be put forward to express socially significant meanings. The adopted notion of a key word is in favour of conceptualising salient lexics in discourse, the analysis argues that key words are associated with social actors, political parties, tied to the essential characteristics of their political agenda, can be used to express alternative values and competing concepts. The deontic meaning of the linguistic item *westliche Werte* (*western values*) in German public discourse is revealed. The analysis is carried out as a corpus-guided noncritical discourse analysis. The selection of contexts was carried out on the Digital Dictionary of Contemporary German. A corpus of political speeches and the newspaper corpus “Frankfurter Allgemeine Zeitung” were used. The search period is 2014–2023. It was found that in German public discourse *westliche Werte* acts as a flag word with a positive deontics when referring concepts that shape the self-understanding and self-representation of German society and its collective “us”-identity. In connection with alternative ideologies, political views, this key word acquires the characteristics of a stigma keyword with pejorative semantics of rejection. The article advocates the suitability of the deontic meaning as a tool in the study of semantic and axiological polysemy due to the ideological polarization of social actors standing behind the expressed concept.

Keywords: deontic meaning, deontic polysemy, evaluation, key word, corpus assisted discourse analysis.

Citation: Chernyavskaya V.E., Deontic meaning of a discursive key word: corpus-assisted analysis of *westliche Werte* (*western values*), *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

Введение

В аналитический фокус предлагаемого исследования выдвигается понятие деонтическое значение, понимаемое как компонент значения слова или выражения, содержащий оценку и одновременно предписание инструктивного характера о желательности или нежелательности использования этого слова в некотором контексте для обозначения определенного содержания. Формирование у слова деонтического значения предположил Ф. Херманнс, который собственно предложил термин *deontische Bedeutung*, *deontic meaning* [1]. По Херманнсу, в лексическом значении слова наряду с дескриптивным значением (предметно-понятийным) и оценочным компонентом значения можно проследить деонтический компонент, который может быть также назван прескриптивным. Деонтический компонент значения связан с апеллятивной функцией языка и обращенностью высказывания к адресату. Некоторые языковые единицы имеют деонтическое значение, закрепленное в лексиконе, например, *сорняк* (*следует искоренять, нельзя возделывать и распространять*); *ложь* (*нельзя верить*); *долг* (*должно быть исполнено*); *жертва* (*тот, та, кому следует помогать*); *агрессор* (*тот, та, кого следует остановить и не следует поддерживать*); *сепаратизм* (*не следует поддерживать, следует ограничивать как радикальную и дезинтегрирующую политику*). Другие единицы приобретают положительную/отрицательную деонтику только и именно в контексте, для обзора см. исследования контекстуального использования слов *Kollektiv*, *политическая корректность* [2; 3]. Деонтическое значение может возникать у любой значимой

языковой единицы, ср. [4, с. 62–63]. Одновременно с этим утверждением следует подчеркнуть, что особой чувствительностью к контексту и деонтической заряженностью обладают слова, обозначающие ценностные и мировоззренческие концепты. Выбор слова для обозначения некоего референта показывает определенные предметно-понятийные аспекты с опорой на дескриптивное значение слова и вместе с этим фиксирует деонтический компонент значения, предписывающий или, напротив, ограничивающий его использование. Поэтому семантическая начиненность слов, способная проявить ценностную и идеологическую поляризацию выражаемых ими понятий, является объектом анализа политического дискурса, политической семантики, стилистики, риторики. В употреблении «чужими» и по отношению к «чужим» закрепляется негативная деонтика нежелательности, отрицательно-оценочных смыслов, выражаемых определенным словом. По отношению к «своим» закрепляется положительная деонтика с прескриптивным характером желательности использования языковой единицы в данном контексте. Например, исследования на немецком языковом материале показывают, что в немецком политическом дискурсе в 1970–1990-е гг. слово *социализм* (*Sozialismus*) имело отрицательную оценочность (негативную деонтику нежелательности использования) в контекстах, представляющих реалии социалистического строя в СССР и Восточной Германии. Выражение *рыночная экономика* (*Marktwirtschaft*) имело позитивную деонтику при описании западно-немецкого общества и одновременно отрицательное деонтическое значение в восточно-немецком контексте при описании социалистических реалий Восточной Германии, где рыночная экономика была противопоставлена социалистической плановой экономике [5]. Исследована дискурсивная специфика слов и словосочетаний *социальная справедливость* (*soziale Gerechtigkeit*) [6], *глобализация* (*Globalisierung*) [7], *интеграция* (*Integration*) [8].

Новый результат исследования связан с выдвиганием деонтического значения в современный дискурсивный анализ и прояснением объяснительных возможностей лингвистического анализа с опорой на это понятие. Наблюдения за формированием деонтического значения слова находятся в точке пересечения нескольких исследовательских подходов, близких по своим заключениям, но использующих нетождественный понятийный аппарат и методы анализа языковых данных. Выделю, как минимум, три значимых и перспективных аспекта. Во-первых, степень выраженности деонтического компонента в значении языковой единицы может становиться предметом детального анализа в семасиологии, полученные выводы способны влиять на практику лексикографии. Во-вторых, это попадает в сферу интересов культуроведческой лингвистики (или лингвокультурологии, в одном из возможных терминов), лингвоконцептологии и формирующейся в связи с ней лингвоидеологии. В-третьих, степень выраженности деонтики слова находится в фокусе дискурсивного анализа, реализуемого как критический дискурс-анализ, так и некритический прагматически ориентированный анализ текста и дискурса¹. Последняя исследовательская проекция представляет основной интерес для предлагаемого анализа.

Цель анализа в рамках статьи – проследить семантику и прагматику языковой единицы *westliche Werte* (*западные ценности*) в современном немецком дискурсе. Анализ проведен как некритический дискурсивный анализ, направляемый корпусом. На основе контекстов использования языковой единицы *westliche Werte* (*западные ценности*) выявляется ее деонтическая заряженность. Для определения теоретико-методологических оснований анализа и его терминологического аппарата учитывался ряд взаимосвязанных направлений лингвистического анализа. Это традиционные исследования в сфере коннотаций, альтернативной номинации, обращенные к эвфемизмам, в том числе в перспективе политической корректности на разных этапах ее манифестации в обществе, для обзора основных тенденций и выводов см. [3]. Возникновение прескриптивного деонтического значения, как правило, связано с оценочностью и может быть осмыслено в связи с семантикой и прагматикой языковой оценки. С развитием корпусных методов в лингвистике

¹ О методологических различиях критического и некритического дискурсивного анализа подробнее см. [24, с. 11, 159–161], там же библиография для обзора.

и выдвижением корпусно-ориентированного дискурсивного анализа в научный оборот водятся новые данные о семантических предпочтениях (*semantic preferences*) в сочетаемости слов [9], о семантической (дискурсивной) просодии или «семантической ауре» нейтральных языковых единиц, получающих отрицательную или положительную оценочность в контекстуализации в зависимости от жанра текста или дискурсивной практики [10]. Возникновение у языковой единицы оценочности рассматривается в связи с аксиологическим содержанием коммуникации с использованием понятия «наведенная оценочность» [11]. «Наведенная оценочность», как это толкуется Т.Б. Радбилем, имплицитно определяется контекстным окружением языковых единиц. Например, основываясь на массиве контекстов в газетном корпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), анализируется прилагательное *народный* и показывается, что НКРЯ содержит контексты, в которых слово *народный* является внеоценочным в соответствии со словарными толкованиями (относящийся к народу, созданный народом, принадлежащий стране, государству и др.). При этом в некоторых контекстах *народный* может приобретать позитивную оценочность, если актуализируется значение «соответствующий духу народа, его культуре, отображающий характерные свойства народа», или негативную оценочность, если прилагательное сочетается со словами, выражающими негативные понятия — грех, недостаток, слабость, ср. [11, с. 97–101]. Аналогичные выводы сделаны в связи со словами *интернациональный*, *международный* [12]. Реализация позитивной или негативной оценочности слова в контексте связывается с интенсификаторами, модальными средствами и с семантикой языковых единиц в непосредственном окружении анализируемого слова. Подобный анализ значим для прагматической перспективы изучения семантики языкового знака в его контекстной реализации и способен дополнить на разнообразных языковых данных традиционно изучаемые средства и механизмы создания оценочности, для обзора см. [13]. Однако возможные выводы исследователя и определение границ их значимости зависят в значительной степени от репрезентативности контекстов, от использования или неиспользования корпусного инструментария, переводящего анализ в количественный, поддерживаемый и/или направляемый корпусом, что, в свою очередь, предполагает определение ясных оснований для формирования выборки текстов/высказываний. Представляется, что проведение аналитического разграничения между «внеоценочными словами» и «имплицитной наведенной оценочностью» трудно достижимо без ясных критериев для обоснования выбора той или иной единицы языка в исследовании ее прагматической траектории и без характеристики факторов, влияющих на контекстуализацию и переосмысление значения в языковом коллективе.

Наиболее отчетливо тема, значимая для предлагаемого здесь анализа, очерчена в ранних исследованиях «идеологического макрокомпонента» значения и формирования идеологием в рамках исторически подвижных дискурсивных практик. В работе Н.А. Купиной формирование идеологием прослежено внутри советского «тоталитарного языка» на основе «Толкового словаря русского языка», изданного в 1935–1940 гг. под редакцией Д.Н. Ушакова (далее ТСУ) [14]. Идеологизация лексики и «идеологический компонент» значения устанавливались на основе толкования значений и систем помет (таких как *презрит.*, *иронич.*, *так наз.*, *бран.* и др.) в ТСУ. Показано, что семантика ряда слов в ранний советский период приобретает «идеологический макрокомпонент», то есть «цельную, развернутую, достаточно самостоятельную часть словарного толкования и/или набор качественно новых для русского языка идеологизированных контекстов (от словосочетания до развернутого высказывания), рекомендуемых ТСУ в качестве нормативных, типовых» [Там же, с. 11]. ТСУ как лексикографический источник зафиксировал «прямое давление идеологии на лексическую семантику, экспансию значений мировоззренческого типа, искусственный примат сигнификативной функции, квалифицирующей язык как „фиксатор“ идеалов классовой борьбы, социалистической революции, диктатуры пролетариата» [Там же, с. 7]. Для идеологием характерна отчетливая семантическая оппозиция, например, *красный* — *белый* (*вражеский*, *враждебный*); *советский* — *антисоветский* (*буржуазный*, *западный*); прямолинейная аксиологическая

поляризация лексики; развитие антонимических и синонимических рядов, закрепляющих идеологемы. Например, слова *примиренческий*, *примиренчество* получают идеологическую нагруженность значения и становятся негативно оценочными для обозначения политики примирения и соглашательства с классовым врагом, пособничества оппортунизму, скрытия классовых противоречий, ведущей к ослаблению рабочего класса и коммунистической партии [Там же, с. 36–37]. *Примиренчество* фактически становится синонимом слова *предательство* и приравнивается к нему. Лексема *интеллигенция* в ТСУ характеризуется идеологически, так как в семантическую структуру слова включаются семы с пометами (*презр.*): *Интеллигент. Человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями. Интеллигентщина (нов. разг. презрит.)*. Понятийную и аксиологическую оппозицию образуют идеологемы *красный террор* – *белый террор*. *Красный террор*, как следует из контекстов в ТСУ, иллюстрирующих использование этого выражения, – это оправданное физическое насилие по отношению к политическим врагам и справедливое возмездие за злодеяния белых, средство защиты, праведное средство подавления эксплуататоров. *Белый террор* – это зверское уничтожение вождей пролетариата. Положительная оценочность красного террора возникает как оправдание насилия за счет принадлежности к социалистическому, большевистскому, пролетарскому [Там же, с. 37]. «Идеологическая коррозия» породила тенденцию к созданию искусственных идеологем или квази-идеологем [Там же, с. 15].

Методология и понятийный инструментарий

Для предлагаемого здесь анализа значим методологический фокус на семантической и оценочной полисемии вследствие идеологической поляризации социальных акторов, стоящих за выражаемым понятием. Описывается деонтическое значение как положительная деонтика с прескриптивным характером желательности использования единицы для обозначения определенного содержания или как негативная деонтика ограничения, запрета на употребление. Анализ связан с аналитическим различением деонтического значения на фоне дескриптивного значения, с одной стороны, и коннотации как широкого зонтичного термина для обозначения любого компонента, дополняющего предметное содержание знака, с другой. На основе анализа положительной и негативной деонтики слов возможно изучать деонтическую полисемию, то есть эксплицитную или завуалированную конкуренцию языковых единиц при обозначении понятий в различных, аксиологически полярных социальных практиках и контекстах использования. Разработка и обоснование понятия *деонтическое значение* языковой единицы представляет новый инструментарий в изучении того, как языковая единица с деонтическим значением выполняет в текстовой структуре индексальную роль, то есть актуализирует коммуникативное взаимодействие текста со средой и с коммуникативными агентами.

Анализ деонтического значения проводится с опорой на объяснительные возможности термина *ключевое слово*, который выбран здесь в качестве основного аналитического инструмента. При определении теоретико-методологической рамки исследования принималось во внимание, что в изучении ключевых слов выделяемы два исследовательских вектора, не вполне тождественные друг другу в установлении статуса языковой единицы как ключевого слова. Во-первых, вслед за работами А. Вежбицкой сложились исследовательские традиции анализа культурно-значимых слов как лингвистических репрезентаций понятий, ключевых в культуре и наиболее значимых и показательных для социокультурной практики в определенный период ее развития, например, *свобода*, *справедливость*, *душа*, *духовность* и др. [15]. Предлагался термин *ключевые слова текущего момента* [16] для обозначения языковых единиц, ставших резонансными и актуальными в обществе. Такой подход попадает в широкие рамки изучения языка и культуры через исследование лексики как языкового выражения ценностей. Особый интерес представляют наблюдения за понимаемыми так ключевыми словами-репрезентантами культуры в сравнительной межъязыковой перспективе. При этом перечень ключевых языковых единиц открыт, неоднозначен, равно

как открыты для дискуссий методика и процедура выявления значимости тех или иных слов как ключевых для культуры.

Во-вторых, понятие *ключевое слово* является центральным в корпусной лингвистике. Корпусная лингвистика и корпусный дискурсивный анализ (направляемый корпусом, основанный на корпусе) определяют ключевые слова на основе статистических подсчетов и частотности в релевантном корпусе для выявления тематики текста. Понимаемые так ключевые слова используются в качестве индекса в поисковых запросах, совокупность ключевых слов создает аннотацию текстового документа.

Предлагаемый здесь подход в большей степени опирается на представления о ключевом слове как о значимом — знаковом — слове, которое в определенный период начинает выдвигаться и активно повторяться в социокультурном контексте для выражения социально значимых смыслов. При этом принимаются во внимание следующие существенные параметры для идентификации языковой единицы в качестве ключевого слова.

1. Ключевые слова — это разновидность салиентной лексики, то есть значимой, важной, заметной. *Салиентность* означает выделенность на фоне других знаков или признаков, ср. [17], яркость и заметность знака, привлекающая внимание к передаваемой им информации [18, с. 56]. Лингвистическая салиентность обусловлена предшествующим опытом коммуникантов об известности, устойчивости и частотности слова или высказывания в том или ином характерном контексте [Ibid., с. 176]. В этом смысле ключевые слова — это лексические единицы, которые становятся частотными в определенных исторических социокультурных условиях, в определенных дискурсах. Например, *гласность*, *перестройка* в период позднего СССР, *глобализация*, *мультикультурализм*, *социальная инклюзия* для обозначения толерантности и сосуществования культур, выдвинутые в развитых странах Запада в 2000-е гг., *глобальное потепление*, *биопродукты* в дискурсе экологической безопасности и др.

2. Ключевые слова, как правило, ассоциированы с определенными политическими партиями, движениями или социальными группами, привязаны к сущностным характеристикам их политической повестки или политического профиля. Ключевые слова идентифицируют определенные группы, социальные силы, даже если они используются и другими акторами в социальных практиках. Ключевые слова могут использоваться в том числе при выражении альтернативных ценностей и конкурирующих понятий. Ключевое слово задает целеполагание и содержит сжатую «программу действий», ср. [19, с. 103]. Языковая единица получает статус ключевого слова и поддерживает его в процессе использования, только и именно если это слово влияет на формирование общественного мнения и волеизъявления² [20, с. 12]. Изменения в общественно-политических условиях, ценностная трансформация в обществе и идеологии ведут к изменению ключевых слов, резонирующих с изменениями в дискурсе. Это означает ослабление или усиление частоты использования релевантных слов — одни из них остаются в центре дискуссий, другие выгорают и узнаются лишь как «историческая реминисценция» на некий социо-культурный период, например, *перестройка* и *гласность* — характерные слова периода экономических преобразований в СССР в 1980-е гг., *запрет на профессию (Berufsverbot)* — слово, отсылающее в Западной Германии к социальным мерам 1970-х гг. по исключению радикальных элементов из публичной сферы в связи с борьбой с терроризмом, подробнее см. [21, с. 45]. Ключевые слова имеют недолговечную траекторию в общественной практике употребления. Их воздействующая сила может ослабевать и их восприятие в обществе притупляться.

3. Изучение ключевых слов должно опираться на их дискурсивную включенность, на контекстуализацию. М. Шретер ввела термин *дискурсивное ключевое слово* и определяет его статус на основе ряда признаков: дискурсивные ключевые слова частотны в определенном дискурсе; используются

² В оригинале: «Jedes Schlagwort ist nur dann, erst dann und nur solange Schlagwort, wie es die Funktion hat, auf die oeffentliche Meinungsbildung (inklusive Willensbildung) einzuwirken».

вместе с другими лексическими единицами, которые выдвигаются в данном дискурсе как наиболее заметные, характерные для него; могут выражать противоположные и конкурирующие ценностные установки субъектов [22]. Ключевое слово всегда являлось центральной темой в политической семантике для описания политически нагруженного использования языка. Это обстоятельство дополнительно кристаллизует эвристическую значимость анализа формирования деонтического значения и деонтической полисемии в перспективе ключевых слов.

Исследовательский акцент на анализе лексики не предполагает редуционистского подхода к заявляемому дискурсивному анализу, не означает сведения дискурсивной комплексности к лексическому уровню, ср. аналогичную точку зрения [23, с. 4]. Действительно, отдельные слова, даже будучи наиболее заметными и выдвинутыми в семантике дискурса, не могут сами по себе объяснить всю сложность механизмов смыслообразования в социальном контексте, см. подробнее [24; 25; 26]. Вместе с этим принимается во внимание, что именно лексические характеристики текста являются главным элементом дискурсивного анализа³ [27, с. 83]. Ключевые слова следует рассматривать как ядро дискурса (as discourse in a nutshell) [21, с. 43].

Западные ценности как ключевое слово

Анализ ставит целью проследить деонтическое значение у языковой единицы *westliche Werte* (*западные ценности*). Словосочетание *западные ценности* используется для обозначения принципов общественного, государственного, семейного устройства на основе культурных, идеологических и политико-правовых представлений о должном, служащих для объединения и идентификации группы наций западной части Европы. Провозглашается, что сердцевину западных ценностей составляют права человека, демократия, свобода, толерантность. Постепенно заостряемые и ставшие сегодня максимально интенсивными геополитическое противостояние и поляризация идеологий и доминирующих парадигм выдвинули словосочетание *западные ценности* в фокус политических и – шире – общественных дискуссий, сделали его средством политической борьбы и поддержали знаковую функцию этого выражения в качестве дискурсивного ключевого слова.

Предлагается описание контекстуального использования языковой единицы *westliche Werte* (*западные ценности*) в современном немецком общественном дискурсе. Языковые данные, отражающие немецкую социокультурную практику, показательны с двух точек зрения. Общественный дискурс в Германии последних десятилетий и языковое отражение этого дискурса создают особый фокус в изучении полярности между понятиями Запад и Восток, дают по меньшей мере две значимые точки доступа к социокультурным и лингвистическим наблюдениям. В немецком обществе Запад и Восток всегда были ключевой темой. Их соотнесенность и противопоставление оказались заостренными после 1991 г. и объединения Германии. Разница между западной и восточной идентичностями граждан объединенной Германии стала демаркационной линией в немецком обществе. Продолжающиеся дискуссии о незавершенности воссоединения Германии, о сохраняющейся отчужденности восточных федеральных земель получают новое звучание и заостренность в современном политическом контексте, становятся актуальными в связи с выдвижением тех политических партий и сил, которые выражают недовольство принимаемыми властями политическими решениями. Это одна из тенденций поляризации. Второй точкой доступа в наблюдении поляризации Запада и Востока на материале немецкого общественного дискурса является обостренное политическое и идеологическое противостояние в мировом пространстве, когда Германия активно вовлечена в идеологическое формирование и продвижение миропорядка, основанного на ценностях и представлениях о должном, называемых «западными ценностями».

Анализ проведен на основе «Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache» («Цифрового словаря современного немецкого языка») (далее DWDS), представляющего собой глобальную для немецкоязычного социокультурного пространства лексико-семантическую систему слов и их

³ В оригинале: «the lexical features (lexical machinery) of the texts are “classic topics” and “prominent entities” in discourse linguistic analysis».

текстовых реализаций. В ходе анализа были задействованы обе части DWDS: словарная и тексто-во-корпусная. Используются также два корпуса, которые обеспечивают оптимальное решение поставленных в исследовании задач в соответствии с заданной процедурой анализа. Во-первых, это специализированный корпус политических речей («Politische Reden»)⁴. Корпус относится к категориям Webkorpora, которые автоматически создаются из электронных текстов Интернета по технологии Webcrawling, и включает протоколы заседаний исполнительных и законодательных органов государственной власти немецкоязычных стран и регионов, транскрипты устных речей политических деятелей. Корпус ограничен периодом с 1982 по 2020 г.

Во-вторых, использован газетный корпус «Frankfurter Allgemeine Zeitung» («Франкфуртер альгемайне цайтунг») (далее FAZ). Это авторитетное издание либерально-консервативного направления с широкой географией распространения в Германии, оказывающее значимое влияние на общественное мнение, и самая распространенная немецкая газета за пределами Германии.

В качестве слова для поискового запроса использовалось словосочетание *westliche Werte*. Дата обращения к данным – 1.09.2024, поисковый период ограничен 2014–2023 гг., так как это период заострения геополитического противостояния, возникновения вооруженных конфликтов в разных регионах, в том числе в европейской части мира. Для корпуса «Politische Reden» ограничение с 2014 по 2020 г.

Работа над корпусными данными проходила в два этапа. На первом этапе с помощью поисковой программы Dialing Concordancer (далее DCC), интегрированной в DWDS, для словосочетания *westliche Werte* был задан максимально доступный формат извлекаемого вербального фрагмента, а именно текстовое извлечение объемом в три предложения, измеряемых от точки до точки независимо от их структурной сложности. Были выявлены 17 вхождений в корпус «Politische Reden» и 298 вхождений в корпус FAZ. На втором этапе каждый текстовый фрагмент анализировался с опорой на прагма-семантические методы. В случае необходимости привлекались полные тексты, доступные при каждом текстовом извлечении по ссылке в аннотации источника.

Материал и интерпретация

В корпусе «Politische Reden» отмечены 17 контекстов с использованием интересующего ключевого слова *westliche Werte* (*западные ценности*). Практически все выявленные контексты имеют декларативный аксиоматический характер, то есть западные ценности называются как свободно и сознательно выбранная основа для (само)идентификации сообщества западных стран и утверждается естественная необходимость им следовать. Ключевое слово используется «бесконфликтно», это значит, оно не вовлечено в ценностные дискуссии и противостояние позиций и точек зрения. Словосочетание *westliche Werte* (*западные ценности*) используется как слово-символ с позитивной деонтикой для обозначения «своих» ключевых ценностей. Типичные примеры в контекстах⁵:

Wir sind manchmal fast schon die letzten, aber zumindest gehören wir zu den wenigen, die Werte und Interessen kraftvoll nach außen vertreten, die wir in der Vergangenheit westliche Werte genannt haben. Das ist ja kein geographischer Begriff, sondern die Idee universeller Werte, Schutz der Freiheit und der Demokratie für die Bürgerinnen und Bürger, auf der Idee von Solidarität begründet, füreinander einzustehen, Verantwortung zu übernehmen (Rede von Sigmar Gabriel, 8.01.2018).

Мы, пожалуй, последние, по крайней мере, одни из немногих, кто мощно представляет для внешнего мира ценности и интересы, которые мы в прошлом называли западными ценностями. Это не географический термин, а идея общечеловеческих ценностей, защиты свободы и демократии граждан, основанная на идее солидарности, отстаивания друг друга, принятия на себя ответственности (Выступление Зигмара Габриэля, 8.01.2018 г.).

⁴ *Politische Reden* (1982–2020). Available at: https://www.dwds.de/d/korpora/politische_reden (accessed 07.02.2025).

⁵ Здесь и далее приведен перевод автора.

Westliche Werte sind kein geographischer Begriff, sondern ein universeller (Rede von Sigmar Gabriel, 18.02.2017).

Западные ценности — это не географическое понятие, а универсальное (Выступление Зигмара Габриэля, 18.02.2017).

*Gerade weil in Deutschland unterschiedliche Kulturen, Religionen und Lebensstile zuhause sind, gerade weil Deutschland immer mehr ein Land der Verschiedenen wird, braucht es eine Rückbindung aller an **unumstößliche Werte** — einen **Kodex, der allgemein als gültig akzeptiert wird**. Ich erinnere mich noch gut, welche Ausstrahlung die **westlichen Werte** bei uns in der DDR und in anderen Staaten des ehemaligen Sowjetblocks besaßen. Wir sehnten uns nach **Freiheit und Menschenrechten**, nach **Rechtsstaat und Demokratie** (Rede von Joachim Gauck, 3.10.2015).*

*Именно потому, что Германия является домом для различных культур, религий и образов жизни, и потому, что Германия все больше становится страной разнообразия, каждый должен быть связан с **неопровержимыми ценностями** — кодексом, который обычно считается **действительным**. Я до сих пор помню ту **харизму**, которую имели **западные ценности** здесь, в ГДР, и в других государствах бывшего советского блока. Мы жаждали **свободы и прав человека, верховенства закона и демократии** (Выступление Иохима Гаука, 3.10.2015).*

В газетном корпусе предстает гораздо более разнообразная и идеологически нагруженная картина использования выражения *westliche Werte* (*западные ценности*). Меняется тональность представления ключевого слова: оно предстает включенным в стратегию утверждения самого понятия *западные ценности* и подтверждения его легитимности для поддержания идентичности западных государств. Корпусные данные показывают, что языковая единица *westliche Werte* (*западные ценности*) включена преимущественно в контексты инсценируемого политиками противостояния и противоборства двух социальных идеологий — либерализма, аффилированного с западными демократиями, и идеологии, ассоциируемой с «незападными» социально-общественными культурами. Выявлена отчетливая поляризация по линии «свой—чужие». Оппонент называется — это страны Восточной Европы, Турция, Китай, Россия. Корпусные данные показывают, что большинство контекстов использования языковой единицы *westliche Werte*, в которых она соотнесена с представлениями западно-европейских государств о «своих» ценностях, позитивны. Языковая единица используется как ключевое слово-символ для положительной саморепрезентации.

Западные ценности: позитивная деонтика желательности

В результате применения описанной процедуры анализа были выявлены следующие типы контекстов.

1. Контексты, содержащие определение и экспликацию понятия *западные ценности* (90 контекстов). Описание приобретает характер парадигмального, образцового значения: западные ценности — это символ, сверхценность нынешней эпохи, не групповая, но универсальная ценность.

*Die Politik basiert auf klassischen westlichen Werten, wie **Freiheit und Demokratie** (FAZ, 11.07.2023).
Политика основана на классических западных ценностях, таких как **свобода и демократия**.*

*Auch in westlichen Debatten kommt immer wieder die These von **Menschenrechten als westlichen Werten** auf (FAZ, 09.08.2022).*

*Тезис о **правах человека как западных ценностях** снова и снова возникает в западных дебатах.*

*Es ist ein Krieg gegen westliche Werte, also **Demokratie, Meinungsfreiheit, freie Wahlen, Souveränität von Staaten** (FAZ, 25.04.2022).*

Это война против западных ценностей, то есть демократии, свободы выражения мнений, свободных выборов, суверенитета государств.

Es heißt immer, Menschenrechte seien westliche Werte. (FAZ, 05.08.2016).

Всеобщая истина, что права человека – это западные ценности.

2. Контексты, утверждающие необходимость защиты западных ценностей, выражающие тезис «западные ценности в опасности», «есть противники западных ценностей» (130 контекстов). Например:

„Die Deutschen“ – genauer: die Westdeutschen – sind für ihn Leute, die... darauf setzen, dass sich der Rest der Welt von ihren westlichen Werten anstecken lässt (FAZ, 23.09.2023).

Для него «немцы», точнее: западные немцы, – это люди, которые... рассчитывают, что остальной мир заразится их западными ценностями.

Daher sei es wichtig, dass Europa in der Lage sei, die eigenen westlichen Werte gegebenenfalls mit Gewalt zu verteidigen (FAZ, 23.12.2023).

Поэтому важно, чтобы Европа была способна защитить свои собственные западные ценности силой, если это необходимо.

Es gehe jetzt darum, die westlichen Werte gemeinsam zu verteidigen (FAZ, 23.10.2023).

Речь сейчас идет о том, чтобы совместно защищать западные ценности.

Nichtsdestotrotz sollten die Regierung Biden und ihre europäischen Verbündeten für die grundlegenden westlichen Werte eintreten, die Erdogan mit Füßen getreten hat (FAZ, 01.06.2023).

Невзирая на это, правительство Байдена и его европейские союзники должны отстаивать фундаментальные западные ценности, которые Эрдоган попирает ногами.

Es steht für einen breiten Konsens in Berlin, dass man andere Gesellschaften nur an universale, in Wirklichkeit westliche Werte heranzuführen müsse, um vom Terrorismus bis zur Migration praktisch jedes größere internationale Problem zu lösen (FAZ, 07.09.2021).

Сложился широкий консенсус в Берлине, что другие общества необходимо лишь приобщить к универсальным, на самом деле западным ценностям, чтобы решить практически все основные международные проблемы, от терроризма до миграции.

Ist die NATO nicht nach eigenem Verständnis das militärische Verteidigungsbündnis der westlichen Werte? (FAZ, 17.09.2021)

Разве НАТО, согласно собственному пониманию, не является военно-защитным альянсом западных ценностей?

...ist ein Bollwerk westlicher Werte gegen einen Staatskapitalismus chinesischer Prägung (FAZ, 20.11.2021).

...является оплотом западных ценностей против государственного капитализма с китайской спецификой.

Der amerikanische Präsident Joe Biden sieht die Welt am Scheideweg zwischen Autokratie und Demokratie und baut auf Verbündete in Europa, um die westlichen Werte zu stärken (FAZ, 20.02.2021).

Американский президент Джо Байден видит мир на перепутье между автократией и демократией и полагается на союзников в Европе, чтобы укрепить западные ценности.

*Als überzeugte Transatlantikerin wünsche ich mir, dass wir **unsere gemeinsamen westlichen Werte im digitalen Raum verankern** (FAZ, 14.01.2020).*

*Будучи убежденной в ценностях трансатлантического союза, я хотела бы, чтобы мы **укоренили наши общие западные ценности** в цифровом пространстве.*

*Wie hoch darf der finanzielle Preis sein, um **die westlichen Werte** nicht nur zu bereden, sondern auch **wirkungsvoll zu verteidigen**? (FAZ, 09.09.2020)*

*Насколько высока может быть финансовая цена за то, чтобы не только обсуждать западные ценности, но и **эффективно их защищать**?*

Europa muss westliche Werte hochhalten (FAZ, 28.10.2020).

Европа должна высоко поднять западные ценности.

*Das ist eine **Bekräftigung gemeinsamer westlicher Werte**, die nicht verwässert oder verfälscht werden dürfen (FAZ, 28.10.2020).*

*Это **усиление общих западных ценностей**, которые нельзя размывать или фальсифицировать.*

*Deutschland und Merkel entwickeln sich rasch zu den **Fahnenträgern der westlichen Werte** (FAZ, 18.11.2016).*

*Германия и Меркель быстро становятся **знаменосцами западных ценностей**.*

В таких контекстах характерна, во-первых, семантика слов в ближайшем контексте справа и слева от ключевого слова, а именно семантика глаголов и существительных со значением закреплять, укоренять, провозглашать западные ценности: *verankern, an westliche Werte binden, von westlichen Werten anstecken, an westliche Werte heranführen, westliche Werte hochhalten, Fahnenträger der westlichen Werte.*

Во-вторых, значима семантика глаголов со значением защищать, отражать нападения: *verteidigen* и отглагольных существительных со значением союз, сообщество для защиты: *Verteidigungsbündnis*. Семантика этих языковых единиц имплицитно подразумевает наличие оппонента, критика западных ценностей и выдвигает вперед наступательный характер протекционистских действий.

В-третьих, обращает на себя внимание семантика модальных глаголов и модальных конструкций со значением необходимости и долженствования совершения действий по защите западных ценностей: *muss hochhalten, nicht verwässert werden dürfen*. Поддерживается положительная деонтика, связанная с выражением *западные ценности*: это то, что должно быть реализовано, претворено в жизнь как желательное и должное.

3. Контексты, утверждающие необходимость экспансии и продвижения западных ценностей в иных культурах (56 контекстов).

Следование западным ценностям рассматривается как условие для позитивной оценки «других», происходящих у «других» событий и трансформаций. Соответственно, некая ситуация в мире определяется как кризисная или конфликтная по тому, что имеет в основе конфликт с западными ценностями, и оппонент узнается по тому, что он не принимает, разрушает западные ценности. Примеры в контексте:

*Außerdem Frauen und Männer, die sich als Bürgerrechtler, Journalisten oder Künstler einem **neuen, anderen Afghanistan mit westlichen Werten** verschrieben hatten. (FAZ, 13.06.2022).*

*Были также женщины и мужчины, борцы за гражданские права, журналисты или художники, приверженные **новому, другому Афганистану с западными ценностями**.*

...stellt sich eher die Frage zu den Folgen einer jahrzehntelangen Einwanderungspolitik mit einem Kulturverständnis, das **mit unseren westlichen Werten kollidiert** (FAZ, 02.08.2021).

...встает скорее вопрос о последствиях многолетней иммиграционной политики, в основе которой понимание культуры, **противоречащее нашим западным ценностям**.

Die Lehre, die er aus seinem Russland-Besuch zieht, dass die Regierung **sich vor westlichen Werten fürchte** und sich von Europa entferne (FAZ, 22.02.2021).

Урок, который он извлек из своего визита в Россию, заключается в том, что правительство **боится западных ценностей** и отдаляется от Европы.

Xi Jinping spricht sich schon lange gegen westliche Werte aus (FAZ, 06.10.2021).

Си Цзиньпин уже давно **выступает против западных ценностей**.

Westliche Werte in der Wissenschaft, den Medien, der Kunst und den Schulen **hat Xi Jinping schon zur Gefahr für die nationale Sicherheit erklärt** (FAZ, 30.06.2021).

Си Цзиньпин **объявил западные ценности в науке, СМИ, искусстве и школе угрозой национальной безопасности**.

Beide Staaten... **teilten nicht die westlichen Werte**, sagte Pompeo sinngemäß in Budapest (FAZ, 13.02.2019).

Оба государства... **не разделяют западные ценности**, заявил Помпео в Будапеште.

Allerdings bleibt die Entscheidung umstritten, da sich das Regime von Präsident Tayyip Erdogan immer mehr **von den westlichen Werten entfernt hat** (FAZ, 04.10.2019).

Однако решение остается спорным, поскольку режим президента Тайипа Эрдогана все больше **отдаляется от западных ценностей**.

Wirtschaftsförderung und Investitionen sind für ihn Teil seiner Sicherheitsstrategie – unter dem Strich geht es darum, **westliche Werte in Asien zu festigen** (FAZ, 04.06.2018).

Для него экономическое развитие и инвестиции являются частью стратегии безопасности – суть в том, чтобы **закрепить западные ценности в Азии**.

Западные ценности: контексты с неочевидной положительной деонтикой

По данным корпуса обнаружено незначительное число примеров (5 контекстов), в которых положительное значение ключевого слова *западные ценности* неочевидно и прослеживается сопротивление всеобщей интерпретации: «западные ценности – абсолютная величина». Ср.:

Die multipolare Welt unterscheidet sich grundlegend von der multilateralen Weltordnung, weil sie **das Dogma von der universellen Gültigkeit der westlichen Werte verwirft** (FAZ, 30.03.2022).

Многополярный мир принципиально отличается от многостороннего мирового порядка, поскольку он **отвергает догму об универсальной значимости западных ценностей**.

Wie lange wollen wir eigentlich noch die **Monstranz der sogenannten westlichen Werte** vor uns hertragen? (FAZ, 30.12.2021).

Как долго мы хотим **устрашать так называемыми западными ценностями**?

...doch **der naive Glaube, die westlichen Werte seien universal und taugten deshalb für alle, floriert** (FAZ, 21.08.2021).

...процветает **наивная вера в то, что западные ценности универсальны и поэтому подходят всем**.

В сочетании с существительным *das Dogma* (догма), пояснительной конструкцией *sogenannte* (так называемые), словосочетанием *der naive Glaube* (наивная вера) выражение *западные ценности* получают значение «принимаемые некритично», «застывшие», «идеализируемые». Эти примеры малочисленны и нехарактерны на фоне общей декларативности и утвердительности в продвижении западных ценностей.

Западные ценности: альтернативная деонтика нежелательности

Выражение *западные ценности* получает иную, противоположную аксиологическую нагруженность, когда используется для характеристики западной идеологии и идентичности представителями «конкурирующей парадигмы». Описываемое ключевое слово получает отрицательную деонтику нежелательности, когда оно используется как «чужое» понятие. В корпусе обнаружены 17 контекстов, демонстрирующих альтернативную деонтику у словосочетания *западные ценности*, все маркированы ссылками на косвенную речь.

Der Vorsitzende des Menschenrechtsrats, Valerij Fadejew, klagte in Putin-Paraphrasen über „neumodische westliche Werte“ (FAZ, 10.12.2022).

Председатель Совета по правам человека Валерий Фадеев пожаловался на «новомодные западные ценности», перефразируя Путина.

Hinter dem gemeinsamen Kampf von Präsident und Patriarch gegen westliche Werte steht der Wille, Russland zu alter Größe zurückzuführen (FAZ, 14.03.2022).

За совместной борьбой президента и патриарха против западных ценностей стоит желание вернуть России ее величие.

Westliche Werte seien „postchristlich“ und unterschieden sich prinzipiell von russischen Traditionen... In welchem Verhältnis steht solches Gerede wohl zu den russischen Traditionen, die Außenminister Lawrow am Dienstag lobte – und den „postchristlichen“ westlichen Werten entgegenstellte, nach denen „im persönlichen Leben und in der Außenpolitik“ alles erlaubt sei? (FAZ, 18.01.2017).

Западные ценности являются «постхристианскими» и принципиально отличаются от российских традиций... Как подобные разговоры соотносятся с российскими традициями, которые министр иностранных дел Лавров похвалил во вторник – и противопоставил «постхристианским» западным ценностям, согласно которым «в личной жизни и во внешней политике» все разрешено?

In der staatlichen Propaganda werden solche Organisationen als Agenten „feindlicher Mächte“ dargestellt, die nur zum Ziel hätten, westliche Werte in China zu verbreiten, Unruhe in China zu stiften und die Regierung zu stürzen (FAZ, 29.12.2016).

В государственной пропаганде такие организации изображаются как агенты «вражеских держав», единственной целью которых является продвижение западных ценностей в Китае, беспорядки в Китае и свержение правительства.

Когда понятие *западные ценности* используется «чужими» — оппонентами и представителями иной идеологии, оно получает признаки ярлыка для выражения отрицательной оценки при неприятии идеологии, ценностей и поведения другого.

Заключение

В содержательном ядре словосочетания *westliche Werte* (*западные ценности*) есть два разнонаправленных вектора: с одной стороны, акцент на универсальность и всеобщую применимость этих ценностей, с другой, акцент на специфике западного мира и его монополии на определение

и контроль за «своими» ценностями. В немецком общественном дискурсе словосочетание *западные ценности* выступает как одно из ключевых слов своего времени, имеющих резонанс и влияющих на политическое волеизъявление граждан. Словосочетание *западные ценности* используется как «слово-знаменосец» с положительной оценочностью и значением желательности, необходимости при обозначении основообразующих понятий, формирующих самопонимание и саморепрезентацию немецкого общества и его коллективную идентичность. В чужом контексте, в связи с альтернативными взглядами, политическими партиями и – шире – социальными акторами это ключевое слово утрачивает положительную ауру и получает признаки ярлыка с пейоративной семантикой отторжения.

Лексико-семантическая составляющая в дискурсивном анализе, реализованная в предлагаемом исследовании, вносит вклад в понимание исторического, политического, этического контекста, в котором разворачивается коммуникативно-речевая деятельность. Исследование деонтической наполненности слова находится в очевидной связи с социально-ориентированной проекцией лингвистического анализа и открывает новые грани в осмыслении языка как социально регулируемой системы. Деонтический компонент значения пластичен, появляется и исчезает – выгорает – в дискурсе, вместе с динамикой той социальной реальности, которая воспроизводится в коммуникативно-речевом взаимодействии. Семантическая конкуренция языковых единиц и их «семантическая борьба» способны показать идеологическую конкуренцию в выражении понятий. Это позволяет объяснять механизм действия конфликтующих социальных практик и порождаемых ими фреймов восприятия и оценки значения знака. Механизм формирования деонтического значения действует как социально детерминированный, порождающий «память слова» и его «инструктивный» потенциал – способность сохранять и транслировать информацию и запускать операции контекстуального «принуждения» к определенной оценке и интерпретации при создании сообщения и при его восприятии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Hermanns F.** Deontische Tautologien. Ein linguistischer Beitrag zur Interpretation des Godesberger Programms (1959) der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands // Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung / hrsg. von J. Klein J. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. Pp. 69–149.
2. **Chernyavskaya V.E., Nefedov S.T.** Towards social Indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus Pandemic? // Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur. 2021. Iss. 46. Pp. 1–21. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815
3. **Чернявская В.Е.** Социальное значение в зеркале политической корректности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 2. С. 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
4. **Klein J.** Kann man Begriffe besetzen? Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen politischen Metapher // Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik / hrsg. von F. Liendke, M. Wengeler, K. Boke. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991. Pp. 44–69.
5. **Liedtke F.** Sozialismus. Ein Reizwort // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 1989. Bdch. 20. Pp. 23–38.
6. **Girnth H.** „Soziale Gerechtigkeit“ – Bedeutung und Funktion eines Symbolwortes // Muttersprache. 2001. Bdch. 3. Pp. 193–204.
7. **Hermanns F.** Die Globalisierung. Versuch der Darstellung des Bedeutungsspektrums der Bezeichnung // Deutsche Sprachgeschichte nach 1945. Diskurs- und kulturgeschichtliche Perspektiven / hrsg. von M. Wengeler. Hildesheim: Olms. 2003. Pp. 409–438.
8. **Schröter M., Veniard M.** Contrastive analysis of keywords in discourses. Intégration and Integration in French and German discourses about migration // International Journal of Language and Culture. 2016. Vol. 3, Iss. 1. Pp. 1–33. DOI: 10.1075/ijolc.3.1.01sch

9. **Stubbs M.** Collocations and semantic profiles: on the cause of the trouble with quantitative studies // *Functions of Language*. 1995. Vol. 2, Iss. 1. Pp. 23–55.
10. **Bednarek M.** Semantic preference and semantic prosody re-examined // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2008. Vol. 4, Iss. 2. Pp. 119–139. DOI: 10.1515/CLLT.2008.006
11. **Радбиль Т.Б.** Наведенная оценочность как объект лингвокультурологического изучения: опыт корпусного анализа интернет-медиа // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание*. 2023. № 3. С. 95–105. DOI: 10.31249/ling/2023.03.07
12. **Радбиль Т.Б.** Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) // *Научный диалог*. 2023. Т. 12, № 6. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
13. **Нефедов С.Т.** Катализаторы оценки: как распознать оценочные смыслы // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15, № 11. С. 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945
14. **Купина Н.А.** Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. 1-е изд. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с.; 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 185 с.
15. **Wierzbicka A.** *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1997. 317 p.
16. **Шмелева Т.В.** Кризис как ключевое слово текущего момента // *Политическая лингвистика*. 2009. № 2 (28). С. 63–67.
17. **Кюссе М.И.** Лингвистические показатели салиентности непрямых окказиональных номинаций в языке англоязычной прозы // *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2018. Вып. 18 (816). С. 156–167.
18. **Kecskes I.** *Intercultural Pragmatics*. New York: Oxford University Press, 2014. 277 p.
19. **Dieckmann W.** *Sprache in der Politik*. Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1969. 147 p.
20. **Hermanns F.** Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen politischen Semantik // *Arbeiten aus dem Sonderforschungsbereich 245 „Sprache und Situation“*, Heidelberg, Mannheim. Heidelberg: Psycholog. Inst. d. Univ. Heidelberg, 1994. 59 p.
21. **Schroeter M.** Discourse in a nutshell: key words in public discourse and lexicography // *German as a Foreign Language*. 2008. Iss. 2. Pp. 42–57.
22. **Schröter M., Storjohann P.** Patterns of discourse semantics: A corpus-assisted study of financial crisis in British newspaper discourse in 2009 // *Pragmatics and Society*. 2015. Vol. 6, Iss. 1. Pp. 43–66. DOI: 10.1075/ps.6.1.03sch
23. **Schroeter M., Veniard M., Taylor C., Blaette A.** A comparative analysis of the keyword multicultural(ism) in French, British, German and Italian migration discourse // *Migration and Media Discourses About Identities in Crisis. Discourse Approaches to Politics, Society and Culture (81)* / ed. by L. Viola, A. Musolf. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 2019. Pp. 13–44.
24. **Чернявская В.Е.** Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: URSS, 2021. 208 с.
25. **Чернявская В.Е.** «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2023. Т. 14, № 1. С. 77–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5.
26. **Чернявская В.Е.** Диминутивы как социальный индекс: «наденьте масочку» и «машинка подана» // *Terra Linguistica*. 2022. Т. 13, № 3. С. 55–63. DOI: 10.18721/JHSS.13306
27. **Spitzmüller J., Warnke I.** Discourse as a ‘linguistic object’: methodical and methodological delimitations // *Critical Discourse Studies*. 2011. Vol. 8, Iss. 2. Pp. 75–94. DOI: 10.1080/17405904.2011.558680

REFERENCES

[1] **Hermanns F.**, *Deontische Tautologien. Ein linguistischer Beitrag zur Interpretation des Godesberger Programms (1959) der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands*, Klein J. (Hrsg.), *Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung*, Westdeutscher Verlag, Opladen, 1989, pp. 69–149.

- [2] **Chernyavskaya V.E., Nefedov S.T.**, Towards social Indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus Pandemic?, *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur*, 46 (2021) 1–21. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815
- [3] **Chernyavskaya V.Ye.**, Social meaning in the mirror of political correctness, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18 (2) (2021) 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
- [4] **Klein J.**, Kann man Begriffe besetzen? Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen politischen Metapher, Liendke F., Wengeler M., Boke K. (Hrsg.), *Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik*, Westdeutscher Verlag, Opladen, 1991, Pp. 44–69.
- [5] **Liedtke F.**, Sozialismus. Ein Reizwort, *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 20 (1989) 23–38.
- [6] **Girnth H.**, „Soziale Gerechtigkeit“ – Bedeutung und Funktion eines Symbolwortes, *Muttersprache*, 3 (2001) 193–204.
- [7] **Hermanns F.**, Die Globalisierung. Versuch der Darstellung des Bedeutungsspektrums der Bezeichnung, Wengeler M. (Hrsg.), *Deutsche Sprachgeschichte nach 1945. Diskurs- und kulturgeschichtliche Perspektiven*, Olms, Hildesheim, 2003, Pp. 409–438.
- [8] **Schröter M., Veniard M.**, Contrastive analysis of keywords in discourses. Intégration and Integration in French and German discourses about migration, *International Journal of Language and Culture*, 3 (1) (2016) 1–33. DOI: 10.1075/ijolc.3.1.01sch
- [9] **Stubbs M.**, Collocations and semantic profiles: on the cause of the trouble with quantitative studies, *Functions of Language*, 2 (1) (1995) 23–55.
- [10] **Bednarek M.**, Semantic preference and semantic prosody re-examined, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 4 (2) (2008) 119–139. DOI: 10.1515/CLLT.2008.006
- [11] **Radbil T.B.**, Induced Evaluativeness as an Object of Linguo-Culturological Study: The Experience of Corpus Analysis of Internet Media, *Social Sciences and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*, 3 (2023) 95–105. DOI: 10.31249/ling/2023.03.07
- [12] **Radbil T.B.**, Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme ‘po-khoroshemu’), *Nauchnyi dialog*, 12 (6) (2023) 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
- [13] **Nefedov S.T.**, Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15 (11) (2022) 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945
- [14] **Kupina N.A.**, *Totalitarnyy yazyk: Slovar i rechevyye reaktsii [Totalitarian Language: dictionary and speech reactions]*, 1st ed., Ural University Publishing House, Ekaterinburg, Perm, 1995, 2nd ed., Ural University Publishing House, Ekaterinburg, 2015.
- [15] **Wierzbicka A.**, *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*, Oxford University Press, New York, Oxford, 1997.
- [16] **Shmeleva T.V.**, Krizis (Crisis) as the Key Word of the Present Moment, *Political Linguistics*, 2 (28) (2009) 63–67.
- [17] **Kiose M.I.**, Linguistic Parameters of Saliency in the Use of Indirect Non-Entrenched Names in English-Language Prose, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 18 (816) (2018) 156–167.
- [18] **Keckes I.**, *Intercultural Pragmatics*, Oxford University Press, New York, 2014.
- [19] **Dieckmann W.**, *Sprache in der Politik.*, C. Winter Universitätsverlag, Heidelberg, 1969.
- [20] **Hermanns F.**, Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen politischen Semantik, *Arbeiten aus dem Sonderforschungsbereich 245 „Sprache und Situation“*, Heidelberg, Mannheim, Psycholog. Inst. d. Univ. Heidelberg, Heidelberg, 1994.
- [21] **Schroeter M.**, Discourse in a nutshell: key words in public discourse and lexicography, *German as a Foreign Language*, 2 (2008) 42–57.
- [22] **Schröter M., Storjohann R.**, Patterns of discourse semantics: A corpus-assisted study of financial crisis in British newspaper discourse in 2009, *Pragmatics and Society*, 6 (1) (2015) 43–66. DOI: 10.1075/ps.6.1.03sch
- [23] **Schroeter M., Veniard M., Taylor C., Blaette A.**, A comparative analysis of the keyword multicultural(ism) in French, British, German and Italian migration discourse, *Viola L., Musolff A. (eds.), Migration and Media Discourses About Identities in Crisis. Discourse Approaches to Politics, Society and Culture* (81), John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia, 2019, pp. 13–44.
- [24] **Chernyavskaya V.E.**, *Text and the social context: sociolinguistic and discursive analyses of meaning making processes*, URSS, Moscow, 2021.

[25] Chernyavskaya V.E., “They call the main entrance a porch”: social meaning in semantics and metapramatics, Slovo.ru: Baltic accent, 14 (1) (2023) 77–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5

[26] Chernyavskaya V.E., Diminutive words as social index: “put your masky on” and “get the cary”, Terra Linguistica, 13 (3) (2022) 55–63. DOI: 10.18721/JHSS.13306

[27] Spitzmüller J., Warnke I., Discourse as a ‘linguistic object’: methodical and methodological delimitations, Critical Discourse Studies, 8 (2) (2011) 75–94. DOI: 10.1080/17405904.2011.558680

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Чернявская Валерия Евгеньевна

Valeria E. Chernyavskaya

E-mail: chernyavskaya_ve@spbstu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6039-630>

Поступила: 08.01.2025; Одобрена: 22.02.2025; Принята: 28.03.2025.

Submitted: 08.01.2025; Approved: 22.02.2025; Accepted: 28.03.2025.

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16107>

EDN: <https://elibrary/BSVLWH>

“LOST IN TRANSLATION”? CHALLENGES IN CONVEYING THE ORIGINAL TITLES OF TCHAIKOVSKY’S CHILDREN’S ALBUM

E. Pyshkin , J. Blake

University of Aizu, Aizu-Wakamatsu, Japan

 pyshe@u-aizu.ac.jp

Abstract. Using the linguistic methods of metaphor, discourse, and comparative analysis, this study presents the problem of authentic translation of the composition titles from Tchaikovsky’s *Children’s Album*, Op. 39, for English editions or concert programs. We examine this problem from the perspective of the origins of this piano masterpiece and its subsequent transformations. Among many other factors, reordering of the compositions influenced the editorial decisions on selecting the proper equivalents for titles in English. Specifically, we explore how appropriate translations of the composition titles can help in preserving the important historical and cultural connotations and musical authenticity of the 24 piano pieces known as the *Children’s Album*, and therefore contribute to a better understanding of the whole original masterpiece, particularly in light of the significant reordering of the pieces in the first published edition compared to the original manuscript. By comparing the number of canonical known editions, we suggest a model designed to address the evident “lost in translation” issues in existing editions and resources.

Keywords: metaphor, musicology, translation authenticity, Tchaikovsky, comparative analysis, discourse analysis.

Citation: Pyshkin E., Blake J., “Lost in Translation”? Challenges in conveying the original titles of Tchaikovsky’s Children’s Album, *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 99–111. DOI: 10.18721/JHSS.16107

«ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА»? ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЗВАНИЙ ПЬЕС «ДЕТСКОГО АЛЬБОМА» ЧАЙКОВСКОГО

Е.В. Пышкин , Д. Блейк

Университет Айдзу, Айдзувакамацу, Япония

 pyshe@u-aizu.ac.jp

Аннотация. С использованием лингвистических методов анализа метафоры, дискурсивного и сравнительного анализа в данной работе исследуется проблема аутентичности перевода названий пьес «Детского альбома» Чайковского для нотных изданий и концертных программ на английском языке. Проблемы анализируются с точки зрения истории возникновения произведения и последовавших за этим трансформаций. Среди многих факторов изменение порядка пьес оказывало влияние на решения редакторов по выбору эквивалентных названий на английском языке. В качестве ключевого момента работы исследуется вопрос о том, как адекватность перевода названий композиций способствует сохранению исторических и культурных коннотаций, а также музыкальной аутентичности 24 фортепианных пьес, известных как «Детский альбом», и, следовательно, лучшему пониманию всего произведения в целом. В частности, особое внимание уделяется значительным изменениям в порядке пьес, внесенным в ходе подготовки первого издания по сравнению с рукописным оригиналом. В результате сравнения названий на английском языке, использованных в ряде распространенных канонических изданий, предложена модель, призванная разрешить выявленные в имеющихся изданиях и ресурсах «трудности перевода».

Ключевые слова: метафора, музыковедение, аутентичность перевода, сравнительный анализ, дискурсивный анализ.

Для цитирования: Пышкин Е.В., Блейк Д. «Трудности перевода»? Проблема адекватной интерпретации названий пьес «Детского альбома» Чайковского // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 1. С. 99–111. DOI: 10.18721/JHSS.16107

Introduction

This article follows the series of works dedicated to the analysis of the transformations and genesis of the Children's Album, 24 pieces for piano, Op. 39, composed in 1878 by Pyotr Ilyich Tchaikovsky (1840–1893). It was first published as the Jurgenson edition [1], in which the compositions were significantly reordered compared to the original manuscript [2]. It is virtually undisputable that the sequencing of musical pieces within the complete work is not merely a logical decision but an artistic choice profoundly affecting the listener's appreciation of the narrative flow and thematic development of the whole music composition. This makes it rather surprising that the first systematic research efforts to examine the sequence of the *Children's Album's* compositions as found in the original Tchaikovsky's manuscripts, and to analyze its subsequent disruptive transformation did not emerge until the 1990s, nearly a century after Tchaikovsky's death [3, 4].

Our previous works identified the literary, linguistic, and computational grounds that support the following important findings [5]:

1. The documented author's approval of the first published edition with its rather disruptive reordering of compositions compared to the available manuscripts must not be considered as a final author's will. The metaphors that can be discovered from the preserved original manuscripts alongside the thematic and structural coherence of the compositions require significant efforts from both performers trying to deliver an authentic creation context to their audiences, and editors preparing publications in various national and cultural contexts.

2. The original version helps us understand the *Children's Album* as an integral inseparable larger scale composition rather than a collection of 24 independent pieces. The compositions are semantically and musically linked to appear as several untitled parts of the whole. The original version must not be ignored while translating the titles for the international audience.

3. Though the pedagogical value of the compositions from the *Children's Album* is undisputable, the purpose of advancing piano playing skills is definitely not the main motivation leading the composer to create this masterpiece. Therefore, the problem of translation must not be considered as a minor issue.

In this contribution, we refrain from discussing in detail the transformations and commonly held views on Tchaikovsky's work that were addressed in separate studies. This research explores the problem of translating titles into English, which often fail to adequately preserve the original connotations of the pieces, their interconnections, and the context of their creation; thereby depriving the audience of a considerable amount of pleasure in uncovering these links and connotations.

Context and problem statement

The linguistic analysis of the approach to an authentic translation of the composition titles requires careful attention to the historical, cultural, and musicological contexts affecting the editorial decisions. Integrating the insights from the different disciplines supported by linguistic and computational instruments enables us to propose reliable and coherent translations that preserve the metaphors and cross-cultural connotations embedded in the compositions.

Context

Fig. 1 depicts the pages from the documents being the key artifacts for the current study. The original Tchaikovsky's hand-written scores, containing the composer's remarks, are preserved in the Russian National Museum of Music, while the Jurgenson edition has become a bibliographic rarity. Nevertheless, numerous stereotyped editions are still based on the initial Jurgenson's publication.

The *Children's Album* was completed and published in 1878, a year belonging to a very productive period in Tchaikovsky's career, when much larger scale compositions in different genres appeared, including the majestic 4th symphony, the diamond of the Russian operatic repertoire *Eugene Onegin*, and the innovative *Violin concerto in D Major*, Op. 35, along with the chefs d'oeuvres, such as *Liturgy of St. John Chrysostom*, the *Grand Piano Sonata*, and a number of smaller scale works.

By 1878, Tchaikovsky was already a celebrated composer, the author of the magnificent *First piano concerto in B Flat Minor*, Op. 23 (1875), the timeless musical masterpiece *Swan Lake* (1875), the exquisite *Rococo Variations* and the three symphonies. That is why, initially, the composer might have been considering the *Children's Album* as merely a modest contribution to the music literature for the young, featuring attractive titles, in a similar vein to the approach of Robert Schumann (1810 – 1856) in his *43 Clavierstücke für die Jugend*, Op. 68 [6] as we can learn from one of Tchaikovsky's letters to Nadezhda von Meck [7]:

“Since a while ago, I've been thinking that it would be nice to contribute to the children's music literature, which is not rich at all. I want to create a series of little sketches of unconditional simplicity with titles that would be attractive for children, like Schumann's [titles]” (our translation).

Thus, there is no doubt that finding appropriate and resonant titles was of great importance for the composer. Therefore, the translations of these titles for foreign language editions and resources must be considered with caution and carefulness.

Problem

The original Russian title of the whole work «Детский альбом» is usually translated as the *Children's Album*. It is also (but less often) translated to the *Album for the Young*. However, translating the names of individual compositions varies more significantly. This variability may lead to the differences in interpretation and thoughts about the intended audiences but also potentially undermine the purpose of the album, impact stage performances, and influence academic musicological studies across different

Fig. 1. The fragment of the first page of the original Tchaikovsky's manuscript and the cover page of the first Jurgenson edition

languages and cultural contexts. Such discrepancies can obscure the thematic and narrative connections that Tchaikovsky apparently intended to convey through the titles.

In reality, the primary purpose of title translations appears to be to simply convey the literal meaning, with perhaps minimal attention given to the language rhythm and conciseness of Tchaikovsky's original titles. This problem pales in comparison to the complexity of authentic translations of poems, such as *Eugene Onegin*, for example, requiring, according to Charles Johnston, the serious efforts to convey the author's tone of voice, the sparkles of his jokes, the flavour of the epigrams along with the accuracy of narrative, equivalence of rhymes, and cross-language counterpoint of the Russian original [8]. Nevertheless, it is quite surprising that there are significant inconsistencies that can be found in the existing translations of just the composition titles.

Research questions

Though the considered problem pertains to a particular music work, its broader implications may impact the understanding of the practices of authentic translations of music compositions in different languages. In such cases, the common concepts of translation equivalence, coherence, and adequacy need to be extended through the concept of translation authenticity. Specifically, in the current article, we aim to cast light on possible resolutions of the problems by answering the following research questions:

1. To what extent do the common English translations reflect the original meaning in Russian?
2. What is the impact of the rearrangement of the sequence of pieces in the first published editions to the appropriateness and authenticity of translation?
3. How can the original connotations related to the musical history and national traditions be preserved and presented in the English translation?

Literature review

To fit the task of translating the musical titles, which are the parts of the story represented by the whole work, a special attention must be directed to the sequencing of the compositions, as well as the existing naming and translation conventions in connection to the narratives conveyed by the compositions and the metaphors they manifest.

Sequencing conventions

The sequencing of musical pieces shapes the emotional journey for performers and their audiences, making it a critical consideration. In educational contexts, the sequencing of musical pieces can be pedagogic, arranged to progressively build the pianist's skills. However, it is perhaps even more important

that the sequencing of pieces within a musical album is a fundamental aspect that composers leverage to enhance narrative flow, thematic coherence, emotional engagement, and educational value in a broader sense than just developing the musician's skills.

Therefore, it is impossible to overlook the fact that reordering of the compositions from the *Children's Album* (see Fig. 2) has a significant impact on both the audience's perception and the editorial decisions regarding translations of the individual titles.

The edits applied to the first and the majority of the subsequent publications did more than disrupt the internal structure of the album as an indivisible whole; they not only distorted the micro-cycles existing in the manuscripts, but also severed the evident harmonic and thematic links, diminished the emotional tension and undermined the narrative authenticity of the original version [9]. Nekhaeva arguably suggests that the fact of signing the Jurgenson edition by the composer must not be overvalued: the manuscript is not signed, but it is already a signature, an autograph, therefore, it is an authentic original itself (!) while the published edition is then a copy, just one of the possible interpretations [10]. Therefore, it is easy to understand why many contemporary pianists deliberately decide to play and record the compositions from the *Children's Album* in their original versions and original order.

Naming conventions

The ways classical music pieces are named have changed significantly over time. In the Medieval times, pieces were frequently untitled while in the Baroque and Classical eras, works were identified primarily by their form, number and key, e.g. *Symphony No. 5 in C minor* or *String Quartet in D major*. This systemic method simplified categorization and perhaps helped listeners fit musical pieces into their own schemata of classical music. Lanzendorfer noted that in concert programs from the Leipzig Gewandhaus starting in the late 18th century, the designations of musical pieces included increasingly more detailed information, including the key, tempo, and programmatic titles [11]. However, even in those times, poetic or descriptive titles were often used to convey the mood, inspiration, locale, or specific story, such as Haydn's "*Farewell*" *Symphony No. 45* (1772), for example, with its fascinating finale aimed to convince the Haydn's patron and employer Prince Esterházy to let the musician finally go to the vacation to see the families after their overdue service for the royal orchestra. In contrast to the usual dynamics of the final *Allegro*, the last movement unexpectedly changed to *Adagio*, during which, the musicians were blowing out the candles on their lecterns after finishing their themes and immediately leaving the stage, so that by the end only two nearly silent violins remained on stage.

As the Romantic era developed, titles became more descriptive or evocative, reflecting the increasing importance of expressing specific emotions or narratives through music. Titles were chosen to evoke imagery, stir emotions, set the mood, or convey the content of a piece. Some titles were rather generic, such as the famous title of Beethoven's *Piano Sonata No. 14 in C Sharp minor* "*Moonlight Sonata*". It is well-known that this title actually was not ascribed by the composer but by a German music critic Ludwig Rellstab who stated that the movement evoked the feeling of moonlight shining over the lake Lucerne [12]. Similarly, Tchaikovsky's *Symphony No. 6 in B minor*, Op. 74 was given the nickname "*Pathétique*" posthumously, while Chopin's *Polonaise in A Flat major*, Op. 53 received the (perhaps unnecessary) epithet "*Heroic*" from George Sand.

Along with the essential components of understanding and interpreting the works of art, the emergence of such complementary names is one of the components of the co-creation paradigm [13]: the reproduction of artwork (be it a piece of music, a theatre play, a novel, or painting) approximates the will of the artist, giving rise to a plethora of possibilities of interpretation or implementation as an act of dynamic collaboration between the author, the performer, and the beholder.

The titles of musical pieces may vary both geographically and diachronically. Pieces with rather generic titles may acquire more distinctive ones [14]. A case in point is Beethoven's *5th Symphony*, which is commonly referred to in the West simply by its number and key, while the nickname "*Fate Symphony*" is often used nowadays in non-English speaking countries, such as Japan where it is known as "*Unmei*",

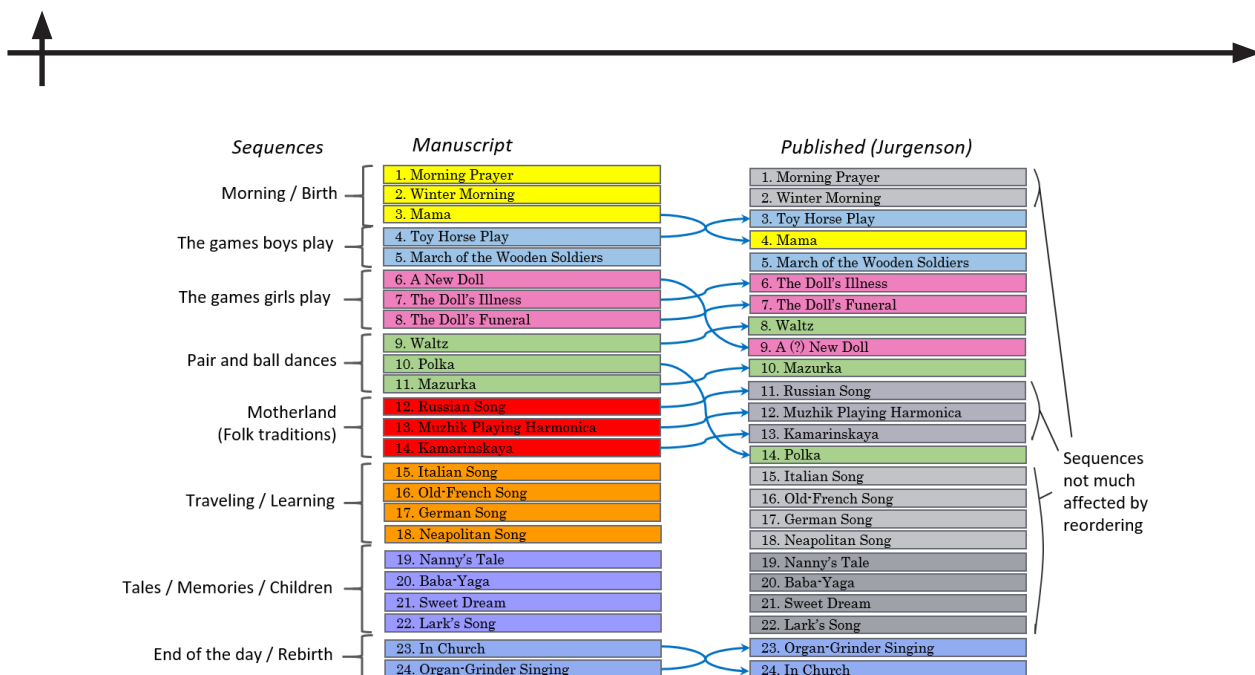

Fig. 2. Reordering of the compositions from the *Children's Album*

meaning destiny or fate. This nickname was not ascribed by Beethoven himself but was later attached due to the distinctive four-note motif that may be interpreted as “*fate knocking at the door*”. This motif is composed of a short-short-short-long rhythmic pattern, and in the key of C minor, it is typically realized as: G-G-G-E flat [15]. Pieces may therefore be named systematically or descriptively, and not necessarily by the composers themselves. However, there is no doubt that the names given by the composers have to be acknowledged, and their semantics have to be respected while introducing these names in different cultural contexts and language systems.

Translation conventions

Translators draw on established conventions to balance fidelity to the original text with accessibility and cultural relevance for the target audience [16]. These conventions vary significantly depending on the type of content being translated [17].

General translation conventions include direct translation, which aims for a literal translation, maintaining the precise wording and structure of the original language as much as possible. This is most notable in legal, technical, and some academic texts where precision is paramount. Idiomatic translation, also known as dynamic equivalence, focuses on conveying the meaning of the original text in a way that is natural and idiomatic to the target language and culture. Cultural tailoring involves adapting content to fit the cultural context of the target audience, which may include changing names, locations, cultural references, or idioms. It is widely used in marketing, film localization, and popular literature to ensure that the translated material resonates with local audiences.

Although there is a body of research on music and translation [18], to the best of our knowledge, there is no published research specifically addressing the translations of the titles of classical music pieces. The conventions for translating titles of classical music typically strive to balance preserving the composer’s original intent with ensuring accessibility and relevance for a global audience. Many classical music pieces retain their original titles in programs and recordings, regardless of the language of the audience. Non-Latin script titles are frequently transliterated and sometimes translated. For example, Russian pieces by Tchaikovsky might be transliterated for ease of pronunciation and understanding by non-Russian speakers. Some classical music pieces have descriptive titles that may be translated to convey meaning, such as Dvořák’s *Ninth Symphony “Z Nového světa”* commonly known in English as *Symphony No. 9 in E Minor “From the New World”*. Dvořák himself added the descriptive title to symbolize his experience of his new

world (America) in contrast to his old world, Europe. These titles are often translated because they convey significant thematic or narrative elements. Some pieces have acquired nicknames in various languages that reflect how the piece is perceived culturally, such as the *Moonlight Sonata*. While the core names of compositions often remain unchanged, especially for instrumental music, there is flexibility in translating descriptive or informal titles to enhance cultural relevance and accessibility.

Linguistic methods

We employ three major analytical approaches to explore the translation issues, the latter being also connected to the study of sequencing of the pieces from the *Children's Album*. These analytical approaches include discourse analysis, metaphor analysis, and comparative analysis.

Discourse analysis provides insights into qualitative aspects of assumed naming conventions and their development up to the Romantic period in music and literature. These aspects need to be discussed and interpreted across different cultural and scholarly contexts. We examined reviews, academic literature, and educational materials to uncover discursive patterns and dominant narratives surrounding the album. Key themes, interpretations, and critiques provide insights into how translation choices and sequencing impact the reception and understanding of Tchaikovsky's compositions. **Metaphor analysis** is used to uncover the underlying conceptual metaphors employed by Tchaikovsky's narrative and partially embedded in the titles. Preserving the metaphorical connections in the translation contributes to keeping – or at times even restoring – the authenticity of the masterpiece. **Comparative analysis** is used to compare and contrast commonly used translations appearing in the editions of Tchaikovsky's *Children's Album*, as well as through the encyclopedic resources. This analysis involves a detailed examination of how titles are rendered across both languages, variations in sequence among published editions, and the consequent effects on thematic coherence and emotional progression within the album.

Findings

This section is divided thematically into three subsections addressing the problems of the authentic title translations, the approach to the conceptual analysis of the translation task, as well as the study of metaphors and connotations affecting the translation problem. However, it should be remembered that the discussed concepts are interwoven and interdependent, since, for example, the sequence of translated titles may itself carry metaphorical significance, further complicating the translation process.

Titles and translations

Fig. 3 lists the composition titles from a number of the widespread authoritative publications and online resources. To maintain consistency, the order of the compositions follows the original manuscript, but their numbers as in the Jurgenson edition are given as well.

In Fig. 3, we annotated the known translations to place emphasis on whether they completely succeed to convey the meaning and connotations of the original compositions.

Conceptual shifts

Our study revealed discrepancies in translation that may alter the perception of the compositions. Translation does not occur in a vacuum; it is shaped by historical and cultural context of the source and target languages, which need to be considered. It should also be noted that as languages evolve over time, translations themselves also need to be revisited periodically. This subsection describes the historical context of Tchaikovsky's creation of the *Children's Album*, its comparison with Schumann's work, and the subsequent changes in various editions. It discusses the original intent behind the compositions and how they were perceived and transformed over time.

Linguistic analysis of the terms, concepts, and entities can also provide some interesting insights to the phenomenon of the *Children's Album*. In the original manuscripts, most compositions are entitled in both Russian and French. Interestingly, however, subsequent international editions appeared in English often overlooked or disregarded the meanings conveyed by the titles in the original manuscript.

No. (Orig.)	No. (Jur.)	Wiki	TchRes	NCE	AFY	Our's
1	1	Morning Prayer	Morning Prayer	Morning Prayer	Morning Prayer	Morning Prayer
2	2	Winter Morning	Winter Morning	Winter Morning	Winter Morning	Winter Morning
3	4	Mama	Mama	Mummy	Mama	Mama
4	3	Playing Hobby-Horses	Playing Hobby-Horses	Playing Hobby-Horses	The Little Horse-man	Toy Horse Play
5	5	March of the Wooden Soldiers	March of the Wooden Soldiers	March of the Wooden Soldiers	March of the Wooden Soldiers	March of the Wooden Soldiers
6	9	The New Doll	The New Doll	The New Doll	The New Doll	A New Doll
7	6	The Sick Doll	The Sick Doll	The Doll's Illness	The Doll's Illness	The Doll's Illness
8	7	The Doll's Funeral	The Doll's Funeral	The Doll's Funeral	The Doll's Burial	The Doll's Funeral
9	8	Waltz	Waltz	Waltz	Waltz	Waltz
10	14	Polka	Polka	Polka	Polka	Polka
11	10	Mazurka	Mazurka	Mazurka	Mazurka	Mazurka
12	11	Russian Song	Russian Song	Russian Song	Russian Song	Russian Song
13	12	The Harmonica Player	The Accordion Player	The Russian Peasant Plays the Harmonica	Peasant Prelude	Muzhik Playing Harmonica
14	13	Kamarinskaya	Kamarinskaya	Kamarinskaya	Folk Song	Kamarinskaya
15	15	Italian Song	Italian Song	Italian Song	Italian Song	Italian Song
16	16	Old-French Song	Old-French Song	Old-French Song	Old-French Song	Old-French Song
17	17	German Song	German Song	German Song	German Song	German Song
18	18	Neapolitan Song	Neapolitan Song	Neapolitan Song	Neapolitan Song	Neapolitan Song
19	19	Nanny's Story	Nanny's Story	Nurse's Tale	The Nurse's Tale	Nanny's Tale
20	20	The Sorcerer	The Sorcerer	Old Witch	The Witch	Baba-Yaga
21	21	Sweet Dreams	Sweet Dreams	Sweet Dream	Sweet Dreams	Sweet Dream
22	22	Lark Song	Lark Song	Lark's Song	Song of the Lark	Lark's Song
23	24	In Church	In Church	In the Church	In Church	In Church
24	23	The Song of the Organ-Grinder	The Organ-Grinder Sings	The Organ-Grinder Sings	The Hurdy-Gurdy Man	Organ-Grinder Singing

Resource	Reference
Wiki	https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_compositions_by_Pyotr_Ilyich_Tchaikovsky
TchRes	https://en.tchaikovsky-research.net/pages/Children%27s_Album
NCE	New Complete Edition, Jointly Schott and Muzyka (1993)
AFY	Album for the Young, https://musopen.org/music/2161-childrens-album-op-39
Our's	Our suggestion

Fig. 3. Annotated translations of the composition titles

Translation is a sort of semiotic task [19]. A good translation always suggests a concept transfer from the source language system to a target language system. This interpretation is in tune with both Aristotle's theory of metaphor¹ [20], the latter defined as a transference process [21], and Quintilian's approach to metaphor highlighting alteration and mutation [22]. Interestingly, during such a transfer, one can discover meaningful insights into the structure, rhythm, semantics of the constructions from the source language system as well. From the perspective of linguistic reverse engineering, we examine the different translations of the *Children's Album's* composition titles. From the many editions that appeared over the 150 years since its creation, we selected the five of the most significant and representative resources, from the viewpoint of how they illustrate the degree of success in maintaining the authenticity of the original Russian titles. As we can see in Fig. 3, many composition titles did not exhibit any significant conflict in their translations. However, there are cases deserving of particular attention.

Narratives, metaphors, and connotations

This section introduces the major cases requiring a closer look towards restoring the translation accuracy and authenticity with respect to the metaphors and connotations that can be discovered based on the careful analysis of the original manuscripts and related literary, musicology, and linguistic sources. The numbering of the compositions analyzed in this section are given based on the original manuscript unless it is explicitly mentioned.

¹ Wood M., Aristotle and the Question of Metaphor, PhD Thesis, University of Ottawa, 2015. DOI: 10.20381/ruor-4757

No. 4 “Toy Horse Play”. There are translation cases that are rather easy to debate, for example, for some titles from the quite widespread AfY version, which goes against the existing tradition without any serious grounds such as orig. No. 4 translated as “*The Little Horseman*”, which shifts the intended imagery from playing with toy wooden horses and instead suggests a real rider on horseback, thereby losing the original connotation.

No. 13 “Muzhik Playing Harmonica”. This case depicts a good illustration of the phenomenon of an overly foreignized translation [19]. The AfY English title of No. 13 “*Peasant Prelude*” is hardly authentic, since using the term “prelude” contrasts sharply with the depiction of a Russian muzhik playing his harmonica and producing a quasi-infinite folk-style simple melody. The native Russian word, which retains all its cultural and connotative richness, has been included in its original form in other languages, including English² and French³. Therefore, there is no justification to substitute unnecessary euphemisms for it. The same grounds suggest that a more fashionable and more French “accordion” is hardly an adequate equivalent for the Russian harmonica.

No. 14 “Kamarinskaya”. Translating No. 14 as a plain “*Folk Song*” could not be accepted either for the following major reasons. First, “*Kamarinskaya*” is more a dance than a song, “*quick dance tune*”, according to Tarushkin [23] (or at least dance accompanied by singing). Second, the generic term “*Folk Song*” fails to convey its deeper connotations as a tribute to Mikhail Glinka, a great predecessor of Tchaikovsky who, according to Russian critic Vladimir Stasov, was a creator of the new Russian language in music, comparable to Alexander Pushkin, the creator of the new Russian language in literature [24], with his own famous symphonic *Kamarinskaya*; finally, keeping the original name of this dance is important, Glinka’s *Kamarinskaya* is often considered as a quintessential symbol of the beginning of the Russian art-music tradition [25].

No. 20 “Baba-Yaga”. Similar reasoning leads us to suggest keeping the original “*Baba-Yaga*” (also included in The Oxford English Dictionary) to preserve the folk tale connotations and national poetics inherent in the title selected by Tchaikovsky rather than using (by definition) approximate and vague, and therefore very inexact translations, such as “sorcerer” or “witch”.

No. 24 “Organ-Grinder Singing”. Furthermore, using a string hurdy-gurdy (see Fig. 4) for translating No. 24 is probably less authentic since the stereotypical piped street, or barrel, organ is a much closer equivalent to Russian “шарманка”, according to dictionary definitions. While we lack the exact knowledge of which instrument Tchaikovsky envisioned while describing his journey to Italy and mentioning “a charming little song” carried away from Venice in his letter to von Meck [26] (Dec 16th, 1877). However, since he used the Russian “шарманщик” (literally, “sharmanka” player), it was likely to have been a street organ.

Nos. 6–8: Pieces from the “Doll Story”. One of the most indicative cases is formed by the compositions metaphorically portraying the part we refer here as a “Doll Story”, namely Nos. 6–8 in the original manuscript. If one accepts the idea that the *Children’s Album* is not merely a collection of unrelated pieces but a more substantial narrative composed of several interconnecting though untitled parts, each representing the linked micro-cycles mapped to the stages of the human life, then it must not be surprising that the composition opening the “Doll Story” (orig. No. 6, Russian title “Новая кукла”) appears on the same handwritten music sheet as the preceding “*Марш деревянных солдатиков*” – “*March of the Wooden Soldiers*” (orig. No. 5), the same happens with the orig. No. 7 “*Болезнь куклы*” – “*The Doll’s Illness*” and No. 8 “*Похороны куклы*” – “*The Doll’s Funeral*”.

The analysis of this sequence supports interpreting the opening composition as a metaphor of discovering society and human relationships. As such, the orig. No. 6 can be authentically translated into English using an indefinite article “a”, thus, exposing an introduction to the entire micro-cycle: “*A New Doll*”. In the manuscript, the story and its metaphors are developed through the lamentations of the penetrative

² The Oxford Russian-English Dictionary, ed. by D.P. Costello, W.F. Ryan, M. Wheeler, B.O. Unbegaun, 2nd. ed., Oxford University Press, Oxford, England, New York, 1984.

³ Le Grand Larousse Illustré, éd. par I. Jeuge-Maynard, Larousse, Paris, 2023.

Hurdy-gurdy in Hamamatsu
Museum of Musical Instruments
Photo by Evgeny Pyshkin, 2023

Street Organ Grinder
Sydney, Australia, 9 April 1940,
by N. Herfort Public Domain

Fig. 4. Hurdy-gurdy and barrel organ

“*The Doll’s Illness*” evoking the structure and voicing of *Lacrimosa* from Mozart’s *Requiem*, followed by the “*The Doll’s Funeral*” with its profound melancholic tension.

As one can see from Fig. 2, the “Doll Story” pieces obviously suffered the most from the reordering. In the published version, moving the orig. No. 6 after “*The Doll’s Funeral*” along with inserting the orig. No. 8 “*Waltz*” in between has at least two very serious consequences. First, the “Doll Story” narrative is now almost destroyed, therefore our translation “*A New Doll*” would not work for Jurgenson edition-based order of compositions: placing an indefinite article before “*The Doll’s Illness*” would sound much against the original narrative and, using the terms from [27], could not be situationally determined. Second, the reordering breaks up the sequence of ball dances – three scenes of adolescence: the games with the dolls, toy horses, and wooden soldiers are set aside as the young ladies and gentlemen make their debut at their first society balls. From this perspective, the Tchaikovsky’s “*Waltz*” from the *Children’s Album* could be projected to the first ball of Natasha Rostova from Leo Tolstoy’s *War and Peace* [28] rather than merely serving as an incongruous intermezzo between two “doll” pieces as it does in the Jurgenson edition.

Conclusion: “Subtle science and exact art”

As an outcome of our study, we suggest our model for translating the composition titles of the *Children’s Album* as displayed in Fig. 3 and summarized in Table 1 alongside the original titles in Russian. The model has been constructed in accord with the principles of translation equivalence and accuracy but also respects the authenticity of the original manuscripts.

Though being relatively simple compared to the drastically challenging historical scientific translations, such as *Eugene Onegin* by Pushkin [8] or *King Richard III* by Shakespeare [29], the case studied in this research illustrates the important idea of translation, specifically applicable to the domains of imaginative literature but even also to the scientific works: in process of translation, an adequate expression of the structure, semantics, rhythm, and other language features in the frame of a target language system can (and often do) contribute to the better understanding of the original language constructions and the concepts they express. This statement is in concordance to Vygotsky’s consideration that scientific learning of the foreign (target) language reciprocally impacts on the everyday learning of the native (original) language, bringing a scientific component to the understanding of this original language [30].

While working on this study, we attempted to be in line with the method discussed by the early Renaissance Florentin humanist and interpreter Leonardo Bruni in his *De interpretatione recta* (“Of the Correct Interpretation”) [31]: the translations *ad verbum* and *ad sensum* must not be opposed but complement each other in a meaningful way rendering the “words” according to the “spirit” [32], the latter including not only the creator’s style but the original context of the creation.

Table 1. Towards authentic translations of the titles from the Children’s Album

Title in Russian	Orig. No.	Jurg. No.	Title in English
Утренняя молитва	1	1	Morning Prayer
Зимнее утро	2	2	Winter Morning
Мама	3	4	Mama
Игра в лошадки	4	3	Toy Horse Play
Марш деревянных солдатиков	5	5	March of the Wooden Soldiers
Новая кукла	6	9	A New Doll
Болезнь куклы	7	6	The Doll’s Illness
Похороны куклы	8	7	The Doll’s Funeral
Вальс	9	8	Waltz
Полька	10	14	Polka
Мазурка	11	10	Mazurka
Русская песня	12	11	Russian Song
Мужик на гармонике играет	13	12	Muzhik Playing Harmonica
Камаринская	14	13	Kamarinskaya
Итальянская песенка	15	15	Italian Song
Старинная французская песенка	16	16	Old-French Song
Немецкая песенка	17	17	German Song
Неаполитанская песенка	18	18	Neapolitan Song
Нянина сказка	19	19	Nanny’s Tale
Баба-Яга	20	20	Baba-Yaga
Сладкая грёза	21	21	Sweet Dream
Песнь жаворонка	22	22	Lark’s Song
В церкви	23	24	In Church
Шарманщик поёт	24	23	Organ-Grinder Singing

To sum up, though the presented study examines a single case of improving the music title translations keeping the composition authenticity and historical connotations, this case can be considered within the broader cross-disciplinary discourse involving musicology, translation studies, and linguistics. In a similar vein, just as music models can contribute to the mastery of spoken languages [33, 34] and understanding their poetics [35], linguistic models enhanced with the present-day AI technology can reciprocally enrich musicology knowledge by providing additional interesting insights to the analysis of the music compositions, their links, metaphors, structure, and naming conventions. All of these elements, to quote Professor Severus Snape from “*Harry Potter and the Sorcerer’s Stone*”, form essential parts of the “*subtle science and exact art*” [36] of music.

Acknowledgement

The authors are grateful to Prof. Valeria Chernyavskaya, as well to our colleagues and friends Nick Carr and Natalia Bogach for their very valuable comments and insightful suggestions.

REFERENCES

- [1] **Tchaikovsky P.**, Children’s Album, Op. 39, P. Jurgenson, Moscow, 1878.
 [2] Tchaikovsky: Otkrytyi mir. Detskiy albom [Tchaikovsky: Open world. Children’s Album]. Available at: <https://www.culture.ru/catalog/tchaikovsky/ru/item/archiv/detskiy-albom-24-legkih-pesy> (accessed 16.02. 2025).

[3] **Kandinskiy-Rybnikov A.A., Mesropova M.A.**, *Vremena goda i Detskiy album Tchaikovskogo: Tsyklichnost i problemy ispolneniya* [Tchaikovsky's The Seasons and the Children's Album: cyclicity and performing problems], Tchaikovsky. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya. Voprosy istorii, teorii i ispolnitelstva [Tchaikovsky. On the 150th anniversary of his birth. Questions on history, theory, and performing], comp. and ed. by Yu.A. Rozanova, gen. ed. by A.I. Kandinskiy, Moscow Conservatory, Moscow, 1990, pp. 120–137.

[4] **Kandinskiy-Rybnikov A.A., Mesropova M.A.**, *O ne opublikovannoy P.I. Tchaikovskim pervoy redaktsii "Detskogo alboma"* [On an unpublished first edition of the Children's album by P.I. Tchaikovsky]. *Voprosy muzykalnoy pedagogiki* [Issues of Musical Pedagogy], 11 (1997) 138–161.

[5] **Pyshkin E., Blake J.**, Dispelling the seven myths of Tchaikovsky's Children's Album through computational and language modeling, *Proceedings of Sempre MET2024 International Conference on Music-Education-Technology*, 2024, 29–31. DOI: <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/WE2AV>

[6] **Schumann R.**, *43 Klavierstücke für die Jugend, Op. 68*, Schubert, Hamburg, 1848.

[7] **Tchaikovsky P.**, Letter 820 (to Nadezhda von Meck from Kamenka), Apr 30, 1878. Tchaikovsky Research. Available at: http://en.tchaikovsky-research.net/pages/Letter_820 (accessed: 16.02.2025).

[8] **Johnston C.**, *Translator's note, Pushkin A., Eugene Onegin*, Penguin Books Ltd, Harmondsworth, 1977.

[9] **Pyshkin E.**, Towards Demystifying Transformations of Tchaikovsky's Children's Album with Support of Computational Models: Problem Conceptualization, *Proceedings of the 15th International Conference on Advanced Engineering Computing and Applications in Sciences (ADVCOMP 2021)*, Barcelona, 2021, pp. 6–10. Available at: http://www.thinkmind.org/index.php?view=article&articleid=advcomp_2021_1_20_20011 (accessed 16.02.2025).

[10] **Nekhaeva I.N.**, The modern measurement of Tchaikovsky (definition experience of the "modernity" concept on example of the Children's Album by P.I. Tchaikovsky), *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 30 (2018) 137–146. DOI: 10.17223/22220836/30/15

[11] **Lanzendorfer A.**, Designated Attention: The Transformation of Music Announcements in Leipzig's Concert Life, 1781–1850, *The Oxford Handbook of Music Listening in the 19th and 20th Centuries*, ed. by C. Thorau, H. Ziemer, Oxford University Press, Oxford, England, 2018, pp. 163–186. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190466961.013.11>.

[12] **Beethoven L. van**, *Beethoven, the Man and the Artist: As Revealed in His Own Words*. BW Huebsch, New York, 1905.

[13] **Gasparyan G.R.**, Extratextual information as an integral part of literary communication, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 34–51. DOI: 10.18721/JHSS.15403

[14] **Elliker C.**, Classification schemes for scores: analysis of structural levels, *Notes*, 50 (4) (1994) 1269–1320.

[15] **Weatherhead A.K.**, *Howards End: Beethoven's Fifth*, *Twentieth Century Literature*, 31 (2/3) (1985) 247–264. DOI: <https://doi.org/10.2307/441294>

[16] *Convention and Innovation in Literature*, ed. by T. D'haen, R. Grüber, H. Lethen), John Benjamins Publishing, London, 1989.

[17] **Susam-Sarajeva S.**, Translation and Music: Changing Perspectives, *Frameworks and Significance*, *Translator*, 40 (2) (2008) 187–200. DOI: 10.1080/13556509.2008.10799255

[18] **Franzon J., Mateo M., Orero P.**, Susam-Sarajeva S. Translation and music: A general bibliography, *Translation and Music*, ed. by S. Susam-Sarajeva, Routledge, London, 453–460. DOI: 10.4324/9781315538204

[19] **Eco U.**, *Experiences in Translation*, University of Toronto Press, Toronto, 2000.

[20] **Butcher S., Gassner J.**, *Aristotle's Theory of Poetry and Fine Art: With a Critical Text and Translation of the Poetics*. With a Prefatory Essay, Aristotelian Literary Criticism, Courier Corporation, New York, 1951.

[21] **Pyshkin E., Blake J.**, A metaphoric bridge: Understanding software engineering education through literature and fine arts, *Society. Communication. Education*, 11 (3) (2020) 59–77. DOI: 10.18721/JHSS.11305

[22] **Novokhatko A.**, The linguistic treatment of metaphor in Quintilian, *Pallas. Revue d'études antiques*, 103 (2017) 311–318. DOI: 10.4000/pallas.4420

[23] **Taruskin R.**, *On Russian Music*, University of California Press, Oakland, CA, 2009.

[24] **Curran M.**, *Vladimir Stasov and the Development of Russian National Art: 1850–1906*, The University of Wisconsin, Madison, 1965.

- [25] **Maes F.**, A History of Russian Music: From Kamarinskaya to Babi Yar, University of California Press, Oakland, CA, 2002.
- [26] **Tchaikovsky M.**, The Life and Letters of Peter Ilich Tchaikovsky, Outlook Verlag, 2018.
- [27] **Samorodin G.V.**, German articles as a means of expressing identity, *Terra Linguistica*, 15 (2) (2024) 111–122. DOI: 10.18721/JHSS.15211
- [28] **Tolstoy L.**, War and Peace, transl. by C. Garnett, Heinemann, London, 1904.
- [29] **Pervushina E.A.**, “Richard III” in Russia, Shakespeare W., King Richard III, Russian transl. by M. Savchenko, ed. by N. Mikeladze, Nauka, St. Petersburg, 2023, pp. 357–390.
- [30] **Vygotsky L.**, Thought and Language, MIT Press, Cambridge, MA, 1962.
- [31] Leonardus Aretinus. De interpretatione recta [Of the Correct Interpretation], c. 1420 Available at: https://la.wikisource.org/wiki/De_interpretatione_recta (accessed 22.02.2025).
- [32] **Bernard-Pradelle L.**, Translating: the art of interpreting the ancient texts, Digital Encyclopedia of European History. Available at: <https://ehne.fr/en/node/12500> (accessed 22.02.2025).
- [33] **Pyshkin E., Kusakari A., Bogach N., Blake J.**, Music and Choreography Metaphors in Spoken Language Rhythm Modelling and Their Application to Computer-Assisted Pronunciation Training for Mora-Timed Japanese, The Kyoto Conference on Arts, Media & Culture 2023: Official Conference Proceedings, Kyoto, 2023. pp. 497–511. DOI: 10.22492/issn.2436-0503.2023.43
- [34] **Blake J., Bogach N., Kusakari A., Lezhenin I. [et al.]**, An Open CAPT System for Prosody Practice: Practical Steps towards Multilingual Setup, *Languages*, 9 (1) (2024) 27. DOI: 10.3390/languages9010027.
- [35] **Thomson W.**, The basis of English rhythm, W. & R. Holmes, Glasgow, 1904. Available at: [https://hdl.handle.net/2027/uc1.\\$b31655](https://hdl.handle.net/2027/uc1.$b31655) (accessed 22.02.2025).
- [36] **Rowling J.K.**, Harry Potter and the Sorcerer’s Stone, Arthur A. Levine Books, New York, 1998.

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Evgeny Pyshkin

Пышкин Евгений Валерьевич

E-mail: pyshe@u-aizu.ac.jp

<https://orcid.org/0000-0002-7923-7988>

John Blake

Блейк Джон

E-mail: jblake@u-aizu.ac.jp

<https://orcid.org/0000-0002-3150-4995>

Поступила: 26.12.2024; Одобрена: 11.03.2025; Принята: 28.03.2025.

Submitted: 26.12.2024; Approved: 11.03.2025; Accepted: 28.03.2025.